

Александр Акулов

ЧАЙ С МАНДОЛИНОЙ

Роман для интеллектуалов

Вторая версия

Александр Акулов

ЧАЙ С МАНДОЛИНОЙ

Роман для интеллектуалов

Вторая версия

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 44

Ал. Акулов. Чай с мандолиной. Роман для интеллектуалов. — 306 с.

© Александр Акулов. Чай с мандолиной. 2004.

Акулов Александр Сергеевич. Чай с мандолиной.
Роман для интеллектуалов. Вторая версия.

Редакция сверена 11. 10. 2023

Первое издание: СПб., 2006.
ISBN 5-94158-087-8

Герои "чаромана" сталкиваются с критическим обстоятельством, но реагируют на него по-разному. Одни отделиваются красочным сновидением, у других меняется поведение и характер, третьи начинают чудить; а некоторые находят в реальности такое, что и в фантазии мало кому придет в голову.

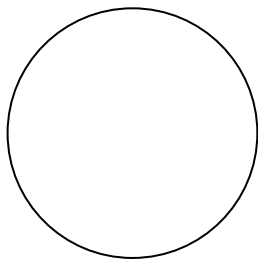
*Мнение автора не совпадает
с мнением героев.*

*Автор сохраняет за собой право
придерживаться иного круга идей,
нежели кем-то увиденный в книге.*

Содержание

Пролог	5
Часть первая. "Наклон"	13
Часть вторая. "Кишеньё прорвы"	35
Часть третья. "Шрот"	271

Фиолетовые
руки
на эмалевой
стене

ПРОЛОГ

До отправления поезда оставалось пятнадцать минут. По платформе шел стройный лысый человек среднего роста с узким рюкзаком на одном плече. Лысач усмехался в усы, рассматривая группы суетящихся пассажиров. Усмешка, непогасающие искры в глазах не скрывали заботы, которая выражалась в напряжении его шеи и пристальных взглядах на проводника каждого вагона. "Этот не подойдет, тот бортанет, а здесь совсем дурак..." — словно было написано в движениях век и губ идущего. В итоге наш непритязательно одетый интеллигент, коего в первую секунду приняли бы и за банщика, остановился на подходящем объекте — солидном железнодорожнике с расплывшимся от жира розоватым лицом без малейшего загара и торсом, имеющим вид слегка сплюснутой двадцативедерной бочки. "Начальник поезда, Сиротин В. Г." — красовалось на прямоугольной бляхе. "Отлично! А я Анов С. В., — произнес про себя интеллигент. — Инициалы для железки очень хороши!" Поприветствовав обладателя бляхи, Анов стал оживленно шептать ему чуть не в ухо. Сиротин выслушал с большим вниманием, но тут же громко заявил:

— Запрещено инструкцией! Нет такой услуги!

Анов вознамерился разубеждать.

Стоящий в стороне, заинтригованный чужой беседой, некто в плаще с деревянистым букетом под мышкой располагал острейшим слухом и ясно услышал: "Не посылка с тротилом! В бутылки спиртовой раствор. Не крепче водки. Понюхайте

хоть сейчас. Обычное ветеринарное лекарство, пусть и дорогое".

Почуяв неприятный зырк, Анов повернулся спиной к смотревшему, достал стодолларовую бумажку и, как мог незаметно, протянул ее господину в форме:

— Столько будет и на конечной станции.

— Подойдите к проводнику шестого вагона, — примирительно промолвил начальник, — скажите, разрешил Вячеслав Григорьевич.

Тип в плаще поозирался, кинул осторожненько букет на соседний путь, потом вытащил подобный пейджеру девайс, подрегулировал его и спрятал. Оглядевшись еще раз, он вроде бы двинулся к зданию вокзала. У двери шестого вагона знакомый нам проситель к этому времени дождался прохода нетерпеливых пассажиров и остался тет-а-тет с проводником. Успешно завершив затеянную операцию, он пошел вслед за бросившим букет и вскоре оказался рядом с поджидающей у табло девушкой.

Сюжет дан по съемке и прослушке (отдельные слова неразборчивы или затерты):

— А говоришь, не люблю. Видишь, рискую. Можно закатиться с тобой за город вместо командировки.

— Что ты отдал?

— <помехи>
.....стоимостью за грамм, — возвестил он и повел девушку к выходу.

— Твои дражайшие прионы?

— Совсем не то, но почти замена.
.....<сильные помехи>
зато мозги не дырявит.

— Дотумкали! И зачем?

— Се истина глубока есть!

И, вздохнув, добавил:

— Жаль, наши мудрецы убедили не переливать вую емкость. Было бы надежнее.

— Ты нарочно пугаешь.

— Сейчас! У тебя на этаже с ужасами похлеще!

— Там другой коленкор! А сам ты свой не пробовал?

— Мысленно. А так дегустирую...
..... крамола для тех, кто не кролик. Но дядя тогда определит вкус? Неувязочка!

— Кролик! Кролик! А я соображаю на кого ты, Анов, похож. Случайно не, какого вкуса? И отчего нигде не об ощущении? Не прионом, но ты мозг продырявил.

— К чему это?

— Завтра с утра проводник возьмет и опохмелится твоим раствором.

— Синеватым? Для взбадривания они держат лучше. Пассажирам продают втридорога. И не бойся, не из-за тебя фляжку. Некому ехать. Посторонних гонцов искать? А Семен из Рейкьявика сразув Норвегию. Малость заработает. Ну а ты не позабыла вкус фруктовых зернышек... Теперь изредка то послевку-сие бывает от автомобильных выхлопов и перегретой резины. Ц....дикум-с!

— выпьет ветеринарный модулятор? И почувствует себя... В каких координатах?

— Трудно В точности никто не знает. И сколько Гм... О!..... пересчитать на килограммы? Судя по овцам и коровам, человек затанцует быстрый вальс, испытает вертячку и одновременно медленно на корточки, пока не хлопнется. Потом благодаря стрессу за полчаса вылечится от наваждения! И продолжит скучную жизнь дальше. Если больше пяти, то бишь больше чайной ложки примет.

— А меньше?

— Произойдет интересное. Спасительного стресса не наступит!! Тем паче от микроколичеств. Вот уж будут сновидения на ходу. Лишь быбароны не заинтересовались. Однако мы заговорились. Нужно звонить Пусть встречаются вагон.

Анов подошел к таксофону, вставил карточку и, морщась, сделал пару звонков.

— — *сны на ходу?* — спросила девушка, когда он освободился.

— Да нет. Изучены такие феномены. Они гораздо ярче будничных снов. Многие смутно подозревают: сновидения на ходу — для молодых кошек. Котята сплошь и рядом ловят в воздухе несуществующих мышей.

— Похоже на то. Но люди не коты полосатые-хвостатые.

— Сравнение не обязательное! Пойдем к! Зачем кошек вспоминать-напрягаться! Первым торговый флот стоит... Умора! — Анов замолчал, думая о своем.

— здесь откуда?

— Оттуда! с простого. Представь, что съела не совсем то или белены выпила и пошла при свете луны по темной улице. На дороге ле-

жит-белеется кусок рваной газеты. Валяется себе бумага, а тебе кажется, это голый ребенок с отрубленной головой. Ты уверена, именно безголовый ребенок, а потому и звонишь в милицию. Тебя окутывает страх, ноги в руки и во всю прыть бежишь домой, боясь поимки и обвинения в убийстве собственного ребенка, которого не было; по дороге следы запутываешь, иначе-де собаки-ищейки тебя найдут. Засим выдираешь на себе волосы и в ужасе растаптываешь

.....

— Могу понять, — заявила девушка, но как сюда попадают?

— хитрее. пакости не дают. Зато они часто курят не тот табак или совсем не табак после захода в Гавану или Сантьяго-де-Куба. Только из — на них набрасываются нищие кубинцы: одно продать, другое выменять, а то и своровать у тех, кто рот разевает. Наши теперь бывают во всяких Барранкилья, Баийя-Бланка и Буэнос-Айресе. Вот и Бермудские треугольники: перед глазами уже не газета, а морская пена, меняющая очертания. При взгляде на нее обалдевшие воображают бог что. И десятилетия думают: "Иные измерения поистине есть!"

Услышав эти слова, девушка всколыхнулась:

— Далась тебе Куба! Миражи и без табака-в-кавычках бывают.

— Если поднимаются пузыри с морского дна. в них не обязательно — хватает фокусов... При нагревании даже от некоторых сортов свежегольта исходят глюкотворящие эманашки... Но его не хранят в помещениях. А бытовой газ? Пользующийся электроплитой, а не

газовыми конфорками, живет здоровее, но скучнее. Так-таки треугольники! Мой знакомый старпом видел планету Харон, вынырывающую из Атлантического океана. С ним было и происшествие. Он купил в Веракруссе компакт-диск, года полтора болтался по волнам южных морей.
..... Потом расположился в Подольске на отдых, пригубил аргентинский коктейлик, выкурил мексиканскую сигарку, включил проигрыватель, слегка покрутился — и морячку сдуру показалось, будто из диска вылетел то ли Кецалькоатль собственной персоной, то ли кто похуже, зашипел, как змея, закаркал, как ворона, и почти придушил крыльями.

.....

— Не магия по сути? Покружился, остановился! Да еще в Подольске... — протянула девушка. — В Подольске один великий субъект изобрел Машину времени и засунул в нее холерного вибриона.

— Тебе про Фому, а ты про Ерему, — едва не обиделся Анов. — Но — стоп! Ты родила! Недокружился... Остановился... Неизрасходованная вертячки! Плюс перегиб времени. Зайдите, леди, к Полищукосу за направлением в группу мозгового штурма! Оставьте спектрометр до пенсии! Я приземленнее смотрю на вещи, но заочно уразумел, по милости каких ликеров и наливок, приготовленных на смеси обыкновенного спирта с колумбийским, ослеп Хорхе Луис Борхес, а до того его дед и отец. И не только ослеп. Но таки успел нужное сделать до сего злосчастия.

— Про отца и деда не читала. А писатель заметил в зеркале кошку, которая пила молоко. В комнате кошек не было. Борхес удивился и при-

нялся хохотать. Не сразу почувствовал, что стремительно утрачивает зрение.

— Поздновато он заметил.

— Слушай! А я боюсь оказаться кошкой в зазеркалье. Вдруг тебя начнет заносить от хохота. Бес тебя знает! Дай деньги на такси. Я поеду к маме, а не на твою дачу!

— В чем загвоздка?! Не зря я терялся в догадках. Ты из-за Верочки дуешься? Извини за мораль. Люди, в том числе Верочки, с каждым годом ведут себя раскованнее.

— А для тебя она "Ве-роч-чка"? Нашел к кому применять уменьшительно-ласкательные!

Часть первая

"НАКЛОН"

Облака рассеялись.

Гэгг стоял на высоком холме. Солнце светило из мириад мельчайших лужиц, оставшихся после короткого дождя. На много километров вперед — ни строения. Снизу по тропинке приближалась Лог, но Гэггу казалось: она идет отовсюду. Цвели травы, пели птицы, ясное небо обещало бездонность. Но где-то сзади раздались гортанные крики. Подобно призраку бесшумно выскочил мотоциклист или мопедист, проскрежетал колесом по гальке и припустил, нажимая на тормоза, к подошве холма.

— Дорогу! Дорогу! — горланил лихач, несясь под гору с выключенным двигателем.

По одну сторону тропинки плотно росли кусты с колючками и деревья, по другую — тянулась яма. Лог не намеривалась ни с того ни с сего ступать в траншею, полузасыпанную мусором и рыхлой землей с бурым прошлогодним лапником. Она чуть отстранилась, пытаясь балансировать между тропинкой и траншеей. И, конечно, мотоцикл задел ее рулем. Мотоциклист рывкнул и ринулся почти под прямым углом вбок через пни, терновник и боярышник, а Лог скатилась в нежелаемое и противное крошево ямы.

Гэгг успел увидеть летящего над долиной и железной дорогой гонщика на узком мотоцикле и бросился к Лог. Она упала мягко, но ударила предплечье о твердый край ямы.

— Все нормально?

Лог только простонала. Запястье сместилось из-за сломанной кости.

— И ради этого ты полностью воплотилась в человека? Хватило бы внешней иллюзии... Я влез в оболочку наполовину — и то переборщил. Как тебе помогу?

На протяжении десятка километров не найти медпунктов. Нужно делать шину. Гэгг осмотрел неровную косораствующую осину и выбрал подходящую прочную ветку. Он стал раскачивать ее, пока она не треснула и не повисла на пахучих лубяных волокнах. Гэгг пожалел, что не отыскал дерева суше. Повозиться с веткой еще пришлось. В завершение снять с нее кору перочинным ножом. Было ощущение: всё творится где-то не здесь...

Эти "туристы-дикари" очнулись от внезапного топота. Из леса извергнулись омовцы в касках и с автоматами.

— Где он? Где он? — загалдели они, разглядывая следы мотоцикла.

Гэгг примерно знал, куда упал мотоциклист, но задержался с ответом. Прикидываться непонимающим перед напором злых и вооруженных людей не в обычае, и он махнул не туда, где должен быть "гонщик", а по направлению дорожки. "Раз мы причинили зло, не будем повторять", — мелькнуло оправдание.

Умотавшиеся омовцы не заметили рытвины, проскочили ее, уперлись в несмытый дождем след похожего мотоцикла и дружно побежали по ложной траектории.

"А ведь трюкач в любом случае разбился! Навредить ему невозможно!" — подумал Гэгг, но возвращать зондеркоманду не захотел и продолжил обтесывать кусок ветки. Лог издала напоминаю-

щий стон звук, но неприятность переносила мужественно.

— Сильно болит?

— А ты как считаешь? Но что-то болит у прыгнувшего с этого "трамплина".

— Ты не могла настолько развернуть беглеца.

— Он дернулся до столкновения. Толкнул меня левой частью руля. Смелый рохля, чайник! Поди, угнал технику во время погони.

Прибинтовывая шарфиком полешко, Гэгг представил судьбу мопедиста и произнес:

— Кстати, если он уцелел — то спасся! За дорогой — чужая территория, чужая милиция, вряд ли туда нагрянут те, кто за ним мчался.

— Выручай его дальше, а я пойду на станцию, — непроницаемым тоном изрекла Лог, проверяя надежность шины. — Всё — мелочи. Увидишь: наша миссия почти выполнена.

2

В купе Николая, проводника шестого вагона, появился запыхавшийся начальник:

— Принял гостинец? Где он у тебя?

— В рундуке.

Григорич достал бутыл с жидкостью (синеватый проблеск), отвинтил пробку и понюхал:

— Ну и лгуны, интеллигенты проклятые! Говорил, сорок градусов. Там девяносто, если не девяносто пять. Тьфу!

Григорич поставил бутыл на прежнее место и зло швырнул пробку на дно рундука. Не до конца открытое, упертое в тюфячок сиденье са-

мопроизвольно захлопнулось, спрятало бутылъ и лежащие узлы.

— А Катъка твоя теперь проводником не ездит?

— Зачем ей? Диплом есть, определилась по призванию.

— А мне грустно. Ловко она у тебя плясала. Иностранцы кейфовали и кумарились, с ума сходили, когда она обнимала ногой ногу.

— Не секрет. Но при мне она плясок не устраивала. И вроде бы не плясала она, а просто приплясывала или пританцовывала, идя по вагону.

— Вот-вот! Пританцовывала! И не обязательно шагая. Видел: стоит, к стене прислонившись, а ноги под стук колес черт-те что выделывают. Итальянцы, болгары слюни пускали. И насладившись зрелищем, рвались в купе или в туалет — срочно трусы менять. Даже мне на то жаловались.

— По трусам у нас по преимуществу Тамара специалистка. Не улавливаю, чего в ней находят. Сорокалетняя тетка. Лицо — картошка в мундире; на темени — шрам из-за катастрофы. Стати не прослеживается. Ва-а-аще не фигура, а тара для холодильника. Но всякие командированные лишь увидят — сразу к ней под ушко: "Можно с тобой поспать?". Чудеса! Допетрить не могу.

— Не мерекаешь! Мели, Емеля! Не было подобного. Десять лет назад мужики плевали с высоты на эту вечную холостячку. А после катастрофы и стартануло. Особая магистраль сдвинулось у нее в мозгах. Наверное, слышал?

— О случае болтали, но без подробностей. Как катапультой ее выбросило.

— И правда, катапультай! При столкновении поездов пробила черепушкой стекло, метров на двадцать отлетела от пути по вине центробежной силы при повороте. Но в больнице близ станции ей повезло. Туда приехал оперировать туза-еврея нейрохирург из Львова. Семьдесят осколков у Тamarочки из мозготуры выдрал. Размялся до основной задачи... С того и пошло! Не подшутил ли профессор? Может, проведал о никому не известной хитрости? Поощаил старую деву? Фокус здесь не фокус, а жизнь отчубучивает еще не то. Красотки удовлетворяются уголочком разбитого корыта, страхолюдины — при нескольких мужьях и четырех любовниках.

— Возникают вопросы. Бывают варианты, — вдруг примкнул к беседе третий, молчавший до сих пор проводник и пропищал необычно тонким голосом: — Грузили на FM загадкой: "Отчего мистер Фрамм, молодой-здоровый-красивый-умный-образованный и богатый, женился на миссис Брэгг, старой-бедной-глупой-некрасивой и больной?"

— Го-го-го! — заржал Григорич. — Я знаю почему! Да и вы не лыком шиты!

И трое железнодорожников засмеялись так, что из соседнего купе высунулась недовольная женская голова:

— Ребенка разбудите! Нельзя ли поспокойнее!?

— Бабы только и секут в разрисовке мордочки, — продолжил тонкий голос, — о прочем не подозревают.

— Они мажутся не для мужиков, а из форса перед подругами. Иначе бы размалевывались куда скромнее. Одна стремится затюкать остальных своим видом. Чингачгуки — Великие змеи. Смотрят, у кого перьев больше.

— На меня осенью в пик листопада начинает действовать и расчумовая штукатурка на дамских физиях. Появляется ощущение, словно откусил край неба, словно вздремнул в маковом поле. В чём дело? Витаминов не хватает или, наоборот, прет их избыток от прошедшего лета?

На лице Николая прорисовалось мучительное непонимание. Он веселился вместе со всеми, но почему друзья потешаются — до него не доходило:

— Эта глупая и старая была очень хозяйственная и добрая?

Григорич с другим проводником прыснули, зажимая ладонями рты.

— Пока не встречал чуваков, прошу прощения, вьюношей, которые бы ценили дамскую хозяйственность и доброту.

Теперь хохотали лишь двое. Николай застыл в растерянности.

В проеме двери опять показалась сердитая женская голова, глянула осуждающе и скрылась, как на секунду выплывшая из облачных клочьев луна.

3

— Что?! Что-о? — пропел опер. — Половина отряда вернулась. Никого не нашли. Оставшиеся отправилась к туннелю. Перекроют короткую грунтовку и будут опрашивать едущих и идущих.

— А мы?

— Звонила учительница из Гуляевки. Ее ученики видели у железки окровавленного дяденьку. С ним погнутый мопед. Где-то за светофором по-

сле развилки. Сбоку от линии. От какой — не сказала ничего внятного. Побоялась ошибиться.

— Это в районе бывших дзотов. Там одни болота.

— Кумекать нечего! Придется проверять.

Но идти пешком милицейские не собирались. Оба их вседорожника с ревом въехали на насыпь и быстро метнулись вперед, держа левый рельс между колесами. Неровные, прерывистые, но в то же время ловкие и решительные маневры машин напоминали боевик. "Какие кадры пропадают!" — воскликнул бы иной режиссер. Но режиссеров не было. Зато хилющий нетвердой походкой старик лет восьмидесяти, наблюдая ребячество ментов, презрительно плюнул и пьяно прохрипел, жалуясь стихиям воздуха:

— Ух, играютя! Ух, делать циркачам нефиг!

Светофор горел ярко-красным. На развилке машины разъединились. Новая машина свернула, штопаная — махнула прямо.

— Похоже, здесь, — шевельнулся в ее окне водитель.

Пятеро высыпали наружу и принялись шарить по кустам. Их действия потрясали чрезвычайной уморительностью

Взрослые солидные люди ходили туда-сюда, раздвигали ветки, пригибали подошвами траву. Вся их униформа оказалась в полынном крошечке, репьях, семенах череды.

Пятеро разбрелись в разные стороны, под их ботинками захлюпала вода, один успел по колено ухнуть в болото.

— Вижу смятый мопед! — прокричал сержант, осматривавший ивняк у пожарной канавки.

Ищущие кинулись к нему. Опер вызвал порации вторую машину и спросил у сержанта:

— И где раненый?

— Нигде нет. В последний раз валялся под какой-то кривой ольхой.

— То и я слышал, но где он? — опер незаметно для себя наступил на маленький блестящий кружок и вдавил его в грязь.

— Хозяин мопеда, насколько помню слова детей, то лежит, держась за проткнутый живот, то ползет.

Подкатила вторая машина. Четверо выскочили из нее и также стали прочесывать заросли. В первую машину сели три милиционера, она проехала метров десять, сошла с рельса. Поиски продолжились.

— ПО — О — Е — З-ДД! — заорал опер.

Водитель ринулся спасти стоящий на шпалах второй автомобиль.

4

Пройдя целое поле — треть пространства от горизонта до горизонта, Дмитрий Пешный вознамерился глянуть на часы. Но рука непривычно легка: часов на ней не оказалось. Их не удалось найти в сумке. "Они на месте привала", — подумал он. Возвращаться к туннелю не хотелось. Прошагав чуть еще, Дмитрий понял, просто так случай оставить не хочет. Циферблат устройства состоял из двадцати четырех больших делений.

Из-за этой особенности не перепутаешь утро и вечер. Такими часами хорошо пользоваться за Северным тропиком или невылазно находясь в пещере, погребу или среди завывающей бури. Да и причем буря! Над головой — серое небо. Обычно не видны звезды и солнце. А человеку, который нередко бодрствует сутками, для отдыха достаточно то девять часов, а то — и час. Пришел домой в семь вечера, уснул. Через час проснулся, но откуда известно — через час? Можно вообразить, проспал шар земной и опаздываешь!

Предвидение — на поверхности. Насторожиться бы раньше. Не однажды Дмитрий планировал исправить врущий календарь, но тайный суеверный нюх его останавливал. А если не нужны дни-недели-месяцы, то как бы необязательны и минуты с секундами. Категория времени падает на бок.

И все же Пещный двинулся. Но это: перед туннелем крутится толпа милиционеров с автоматами наизготовку. Некоторые в касках. Проходить неожиданный заслон несколько не улыбалось. Дмитрий свернул с дороги на тропинку, ведущую к крошечному озерцу, и решил подождать на его берегу момента, когда события изменятся. Подойдя к воде и побыв там пару мгновений, опираясь на голубовато-серый каменище, Пещный сознал: переждать не дадут, дорогу к туннелю не освободят. И впрямь: вскоре от камышей вблизи туннеля оторвалась и помчалась в сторону Пещного милицейская машина, вонзилась в лужу, подбросила воду вверх, лихо развернулась и застыла.

Из машины вылез высокий старший лейтенант, сопровождаемый автоматчиками, и потребовал у Пещного документы. Спорить Пещный не собирался. Надо считать, на высокого впечатление произвело не удостоверение личности, но заложенный в корочки железнодорожный билет "С-Петербург — Шапки". После долгих и весьма нескромных расспросов о том о сём милиционеры осведомились у Дмитрия, не видел ли он на дороге или в кювете корячащегося человека. Переспрашивали они не раз, будто не доверяя первым полученным ответам, а уходя, старший спросил еще:

— Ну и? Нигде никто не валялся?

Итак, Пещный решил забыть про исчезнувшие часы (Хай идут, пока не заржавеют.) и пошел не к туннелю и не к станции, а по полевой дороге, идущей к возвышающейся вдали каланче. Пещный полагал: рядом с ней или силосной башней — точнее рассмотреть сооружение не удавалось — перекресток. Путь вроде бы нигде не затапливало, беспрерывно сворачивать на поле или на спасительные кочки не было необходимости.

Метров семьсот, и слева между полем и дорогой — мужик, лежащий в позе эмбриона. Слегка дергается и повизгивает. Эта картинка, сопряженная со странными действиями милиции, прочертила в голове Дмитрия убывающую в прошлое искру, в которой светилось многое, но не хватало слов и мыслей, не хватало шестого чувства, чтобы расшифровать поданный с неба знак,

позвать его конкретным титулом. Впереди спустилась с холма группа автомобилей; один — милицкий. Все прогазовали мимо. Зато рядом со страдальцем вдруг вырос долговязый джентльмен и, обратившись к дороге, принялся голосовать.

5

Помощник машиниста на расстоянии в три поездных состава заметил стоящий поперек рельсов раскрытый милицкий джипик. Да там, где нет дорог. Рядом с джипиком — ни души. Солнце играло на стеклах автомобиля. Отчаянные всполохи сине-фиолетового маячка еле просматривались в сияющем мареве.

— Очумели! — промычал помощник, давая оглушительный сигнал. Он заподозрил: жестянку вели пьяные, сдуру шарахнули по шпалам, а попав в плен к насыпи, не сразу осознали, как сильно приспичило. "Ишь, скромники! Делали бы свое дело, не отходя от тачки, а лучше — прямо в ней".

Джипик торчал на том же месте. Почти не разжимая зубов, помощник прорычал в микрофон команду на торможение, кинулся крутить маховички. Страшно закричали тормоза, посыпались искры из буксов.

В вагонах полетели с верхних полок чемоданы, пассажиры и прочее. Закатались по полу бутылки. Пассажиры цеплялись за что попало, даже за лишние плафонов бестеневые лампы. Головы, плечи ниженаходящихся убелялись от паров

ртути и осколков олюминофоренного стекла. Минут через двенадцать поезд набрал обычный ход — ибо в джип успел вбежать расстегнутый, распоясанный сотрудник, виртуозно съехать с рельса, а затем остановить авто, держа бампер под углом сорок пять градусов к горизонтали. Так показалось обернувшемуся железнодорожнику.

— Ай! Пронесло! — вытирая тыльной стороной руки физиономию, пробормотал он — И сообщать о происшествии не хочется.

6

Однако пассажиры не поняли сути, не уловили и момента, когда беда их миновала.

Воспользовавшись замешательством, наиболее предприимчивые полезли в чужие сумки и баулы, а кое-кто сунулся в соседние купе: "Всё ли, дескать, у вас в порядке? Не ушиблись?" — и мгновенно умывался острой эмоцией, найдя купе обезлюдившим, но с атрибутами респектабельности. Только некоторые начали поглядывать направо — налево.

Особую тревогу испытывал Ипполит Недуев, в нарушение норм везший в пассажирском вагоне восемьдесят видеорекодеров. Понукания достались охраннику Шадрину.

— Эй ты, Шадрин! — жестко, но вполголоса исторг из себя Ипполит. — Чего прохлаждаешься? Шуруди!

— И сам вижу: пора... — промычал охранник.

— Вот самвиж и порай! Порай! Тебе мешают?

Товар располагался в нескольких обычных купе и в купе проводника. Вчера пришлось существенно раскошелиться за каждое из мест. В пути всякий раз, когда Ипполитом овладевало беспокойство, неизменно раздавалось: "Шадрин" или "Эй, ты, Шадрин!", но требование заключалось не в имени, а в интонации. По ней Шадрин догадывался, чего от него добиваются. Он бегал по вагону, пересчитывал, прикидывался, будто поправляет веревки, заново перевязывает, натягивает, а фактически смотрел: нет ли опустевшей коробки? Месяца три назад они с Ипполитом обмишурились и потеряли треть товара — брокерский зондаж пошел насмарку. Совершая обходы, охранник всю демонстрировал качества ужа, котенка и лисы, был вальяжным, вежливым, смышленным — иначе бы его выбросили с незаконных позиций вместе с товаром, невзирая на словечко, замолвленное проводником и мелкие подарки пассажирам. Шадрин взялся за генеральную проверку. Отошедшим от испуга пассажирам хотелось веселиться. Они точно заново родились и настойчиво принимались издеваться над Шадринным. Он отшучивался, но при плохом обороте вполне мог наплевать на свои обязанности и звездануть. Это чувствовалось, но люди в вагонах попадались чаще не из робкого десятка. Издевались не над деятельностью Шадрина, а над его внешностью. Пробритый клочок на затылке Шадрина скупно обрастал хилыми волосками, из центра

плешки выступал кусочек мозга: не слишком давно сюда ударили бутылкой. Череп бывшего десантника оказался крепок, подготовлен и не к таким невзгодам. Медики обработали рану, но и не подумали вырезать выпирающую живую ткань. Сейчас, двигая коробки на полках, Шадрин периодически машинально шевелил пальцами наружный мозг — дурная привычка только возникла, но претендовала на неискоренимость. Пассажиры были в курсе происшедших с охранником событий. Некоторые из них после разрешения даже трогали выпуклину.

Коснуться дядиной шишечки пожелал и одиннадцатилетний Валик, но мама ему упорно не позволяла и внезапно заявила: "Пощупаешь, пощупаешь — у тебя вскочит". Валик внял ее реплике и прекратил канючить. А сидящая напротив старушенция воскликнула с суеверным ужасом:

— Разве можно такое долдонить ребенку?! Он впитывает услышанное и целую жизнь держит в голове ваши заклинания. Они приговор, Дамоклов меч!

— Преувеличиваете. И заостряете его внимание. Замечание я, конечно, приму к сведению, но как воспитывать? — холодно отозвалась мать.

7

Начальник поезда обходил вагоны. За исключением синяков и ссадин у двух-трех пассажиров, всё обошлось без драм и несчастий.

— Вот и ладно! Вот всегда бы так отделываться! — твердил под нос Вячеслав Григорьевич. — А ведь у нас каждый второй мародер: сгорит на бойком месте ларек — сразу человек сорок в пепле роются, ноги друг другу отдавливают.

На полу в купе проводника шестого вагона блестела пахнувшая спиртом лужа. Жидкость быстро испарялась.

— Что здесь стряслось? — полубопыествовал начальник и произнес: — М-да! — когда до него дошло, в чем закавыка.

Стеклянная фляга лежала на боку. Григорич перелил оставшуюся жидкость в бутылку из-под водки, потом закрутил на пустой бутылки пробку. Николай с интересом следил за этими манипуляциями.

— Есть у тебя цивильный пластиковый пакет? — спросил начальник.

— Слева.

Григорич кинул укупоренную флягу в пакет, схватил с полки пассатижи и ударил ими через пакет по стеклу. Раздался звон.

— Это и подашь встречающим, — потряхивая звенящими осколками, добавил Григорич, — заодно Расскажи о происшествии на путях.

8

По шестому вагону разносили чай. Чай все нашли приятным. Он был густоват и имел неспецифический привкус. А подаваемый сахар поража́л голубоватым оттенком. Но напиток пили. Кто-то для успокоения.

В одном купе ехали студент электротехнического университета Воскресов и саксофонист Питиримов, более известный в Петербурге по прозвищу Петерман. Они впервые увиделись в поезде и по внешности казались полярностями: длинный, худой, волосатый, светло-русый Воскресов и низенький, квадратненький, лысенький, с примесью знакомой, но неопределяемой неславянской черноты Питиримов. Студент лицом походил на песенно-есенинного деревенского поэта начала двадцатого века, а музыкант — на Окуджаву. Питиримов вез новенький саксофон, Воскресов — сумку с книгами. Отнюдь не с учебниками.

— Антиквариат! — удивился Окуджава-Питиримов, словно впервые уткнувшись зрением в торчащие из раскрытой сумки переплеты.

Студент чуть не полностью вынул ее содержимое. На столе образовался букинистический развал. Окуджава принялся перебирать ветхие томики:

— Так... Вера Рудич, Емельянов-Коханский, Евсеев-Сидоров, Сергей Кречетов, Константин Диксон... Ну, уж Рудич и Сидорова читать ни за какие коврижки не стал бы, у Диксона поглядеть пятое-десятое стоит. Когда-то и я интересовался этим пластом. Правда, живые книги не попадались. Смотрел альманахи и журналы. Подавили, потеснили авторов. А Кречетова-то! Валерий Брюсов подошву приобщи́л. Обругал бы маэстро. Есть похожий случай: я другую фигуру — Голощекина порицаю за то, что монополизировал питерский джаз. Подзабыл, подзабыл Давид минимализм с авангардом. Джона Колтрейна, и того поминать не хочет! Дюк Эллингтон, да Дюк Эллингтон с Диззи Гиллеспи — деваться просто некуда! И, бесспорно, бить, бить нужно тех све-

женьких круассанов, которые в мятых брюках и нечищенных ботинках выходят на сцену, но поучать — за кулисами. На всю вселенную зачем вещать об их доморощенности? Компрометация джаза!

Питиримов пустился бережно перелистывать томик Сергея Кречетова.

— Книгоиздательство "Грифъ". 1910-й. Оформление А. Арштама.

Я летучій корсаръ. Я скиталець морей.
Видить в бурю мой призрачный взглядъ.
.....

Вѣнчанный Божій серпъ,
властительный Аттила,
Пою тебя всей страстью слабыхъ устъ.

— А вот его Юлиан Отступник. О чем здесь говорится?

И все жъ ты живъ. И в смертной сѣни
Для Красоты забвенья нѣтъ.
Я предъ тобой клоню колѣни,
Безумецъ, Кесарь и Поэтъ!

— А дальше?

Куда иду я?.. О, если знать бы!
Я только путникъ, лишенный силъ,
В краю, гдѣ вѣдьмы справляютъ свадьбы
И бродятъ в полѣ огни могиль.

— А можно я запишу стихотворение? Четыре строфы. Последняя звучит:

О Царь отверженных! О радость позабытых!
О претворяющий в восторгъ земную боль!

Ты въ заревѣ вѣковъ — как сфинксъ

на черныхъ плитахъ,
Владыка гордыхъ сновъ, священный Алкоголь!

— Перепишите хоть всё, — заявил Антон Воскресов. — Вы боднули Брюсова. Этот поэт гораздо слабее Бальмонта, Блока, Гиппиус, Волошина. Мастеровитее кого-то из них, но роли не играет. Важен результат! Только если бы некий диктатор заставил меня на выбор написать чью-то биографию, то я выбрал бы Валерия Брюсова. Не понимаю, в чем дело. Будто гениальные символисты — полудурки и придурки; сифилитик от рождения Блок нравился как личность экзальтированным курсисткам и Ахматовой; только Брюсов — нормальный, но не в нормальности суть! Торговец и торговец! Воображал себя Бозцием, жил за счет пробочной фабрики, проданся большевикам. Может, они и убили его. Но есть в нем что-то блестящее... Объяснить не могу...

— И я не могу мысленно объяснить, но чувством — тоже чувствую! — поддержал Пителимов.

И другое купе превратилось в избу-читальню. Валик погрузился в книгу-перевертыш: "Алиса в стране чудес" — "Алиса в Зазеркалье", а его мама Юлия, — в "Коня бледного" Савинкова.

— Алиса описалась! — восторженно произнес Валик.

— Описалась?

— Описалась!

— Ох, не помню такого.

Зато в прочих купе никто ничего не читал. Даже глянцевого журналы не лежали на столиках. А серенькие и желтенькие издания, по недоразумению взятые у прошедших поезд насквозь глухих, блатных и нищих, давно втиснули в багаж или вышвырнули.

Правда, в восьмом купе седьмого вагона находились очень книжные люди. Один из них прослыл чернокнижником, второй — поэтом, третий — Шалтаем-Болтаем. У чернокнижника была фамилия Симов, у поэта — Иванович, а Шалтая-Болтая звали Руслан Околесов. Околесов радикально выделялся из всех. По внешнему виду, поведению, дикции представлял собой еще ту штучку. Прозвище это подчеркивало.

Троица встретилась впервые. Симов и Околесов наотрез отказались от предложенного Ивановичем коньяка, но оба обрадовались, когда поэт обзавелся в соседнем вагоне несколькими пачками чая.

— Откуда пачки? — удивился Симов. — Зелёные из экономии заказывают в мешках.

— Раз на раз не попадает, — отвечивал Иванович.

На троицу напала жажда. Без конца кипятили бутылочную воду и заваривали чай. Воспользовавшись обстоятельствами, Иванович подливал и подливал соседям в чай коньяка. Те не возражали, не заметили постороннего привкуса. Сам поэт пил и просто коньяк, и в составе чая. Быстро окосел из-за чрезмерного разбавления.

— Раньше не видел такую привычку, — промолвил Руслан.

— И я не видел, — кивнул Иванович, — хотя ее изобрел. Привычка резонная! Пьют для того, чтобы опьянеть! След поспешествовать тому! А то, дескать, не разбавляю, не развожу. Зачем ты, хрен, не разбавляешь, если хлобыщешь для опьянения?! Ну-ка — разбавляй! Дринькает, знаете ли, а пьянеть не желает. Не пей, не пей тогда! Чего надо? Идиотизм в подлунном мире.

На тираде Иванович обмяк и посуровел. Теперь он лишь слушал и почти не говорил.

Далее состоялся...

РАЗГОВОР ОКОЛЕСОВА И СИМОВА О ВЕЩАХ ТАИНСТВЕННЫХ (нам при нем быть не полагается)
--

Поезд прибыл с опозданием на сорок минут одновременно с другим московским составом. Это сбило с толку некоторых ожидающих. У Николая посылочку не потребовали.

— Не забрали остатки сладки? — изумился Григорич. — Никто не появился? Дела! Небось двинулись к четвертому пути. А нас кинутся искать! Ты что думаешь? Вот. Отдай пакет со стекляшками и бутылку Катьке. Пусть созваниваются. И чаю нашего подбрось Катьке. Хорош чай. Досадно выбрасывать на ветер, отдавать встречному-поперечному. У тебя и еще сорт есть? Тот хуже. Иностранцы жалуются. Его отдай барыгам. Сплавят по дешевке. Благо картинку на пачки изюмы красивую прилепили. Должно, с флакона духов сняли. Чинара, инструмент музыкальный, тетка заголенная... Точно с древней парфюмерии! Догадались, поди ж ты! Ловко вывернулись с художником! А пассажиры не увидят этой мазюкенции. И прошла пора, когда тешились подобным. Как в прорву совдеповский рай провалился.

— Да не бойся, не бойся ты за Катьку! Не бандиты бутылку передавали! Будут разговаривать со мной! Ты обо мне наслышан! Я со всеми разберусь!

Часть вторая

"КИШЕНЬЕ ПРОРВЫ"

Эффекты № 1 и № 2 ***(тип ювенильный; тип феминный)***

1

— А почему полотенца в мусорном ведре? Константин, что здесь творится?

— Что? Где?

— Не видишь?!

— Это да! Любимая тряпота в грязи! Ха-ха-ха! Блаженной памяти, *ria memoriae*.

— Не вижу ничего смешного! Сам выстирал?

— Хы-хы-хы! Я тихо вник. Ты повадилась развешивать полотенца на кухне, а Валик — на кухне мыться. Наверное, вымыл руки, цапнул одно, остальные тряпки посыпались! Хы-хы-хы!

Та-ра-ра-бумбия!
Сижу на тумбе я,
И ноги свесил я...

— Смеешься опять? Чебутыкина зачем из себя корчишь?

Константин, отец Валика, промолчал и вышел. Недосуг возиться с чепухой. В комнатно-кабинете ящик стола чуть приоткрыт. Из щелки неряшливо торчал согнутый кусок шнура от электробритвы...

"Вот это да! — Константин потянул ящик. — Dementia!"

Вилку шнура кто-то разобрал, болтов рядом с ней не было... Скорее, разбирали и бритву, потом неумело соединили наружные части. Их края не заподлицо. Константин воткнул голые провода в

розетку и принялся щелкать ползунком. Бритва не работала.

— Интересно, а чем бриться? Долотом или шилом? Или бутылочным стеклышком? — вслух помыслил Константин. — Что делать вечером? Бороду отпускать?

Вошла Юлия:

— Ах, ты не знаешь, что делать! Зато я знаю. Отпрыска воспитывать!

Константин задумался. Срок для воспитательных действий у него остался небольшой, года полтора. Валик обрстет интеллектом и до сердцевины его духа будет не достать, морально оторвется, завращается по собственной орбите. До сего момента предпринимать воспитательные меры не удавалось: три года Константин вообще не жил с семьей, плюс долго работал без выходных и по две смены; около года трудился только дома — и весь год приходилось интенсивно зачищать следы отсутствия. Понятно, о репрессивных методах после резкого оборота событий не могло быть и речи. Теперь их нужно принимать! Непривычно! Да еще ругать не из-за людей, а из-за вещей. И какая разница, люди или вещи? Где кончаются одни и начинаются вторые? Все ерундой мазаны. *Omnia vanitas*.

— Появится — немедленно его ко мне, — подытожил неприятные размышления Константин.

— Да уж! — огрызнулась Юлия.

В своей комнате он включал и выключал монитор, перескакивал с пятого на десятое, устраивал паузы; отвлекаясь, разглядывал картины и даже рисунок обоев, — а Валик негде гулял. У кого в одиннадцать лет такое свободное детство? Кто-то умер бы от зависти! А этот шляется,

сколько хочет; ломает бритвы и замачивает чистые полотенца в кухонных отбросах. Константин тоже не отказался бы от подобного кайфа!"...Сижу на тумбе я, и ноги свесил я, ох как весел я... Если бы догадался, и сам содеял похожее назло Юлии. *Sine dubio*".

Ближе к полуночи грянул дверной звонок. Предполагаемые слова Юлии: "Где шастал?" не прозвучали.

— О-о-о-о! — простонала Юлия. — Где изварзакался? Где изорвался? Проще всё сразу выкинуть, не мыть и штопать...

— Ммы с Сенькой были под мостом. Там лучше, чем в Саблинских пещерах. Б-были сначала с нашей стороны моста, потом с крутой, где лестница из парапета, потом вышли, и од-дна тетя попросила ннас проводить пьяного мужика; он не туда пёр и ничё не видел вокруг, а когда сказал: "Дом четырнадцать", мы его довели до дома четырнадцать, но окззалось не на той улице, оказ-злось на трудой, ззатем мы дволокли мужика, потом вернулись под мост и были с крутой стороны, потом — с этой стороны, потом-потом мы потом...

— И будет потом-попом, суп с котофеем-котом, — перебила Юлия.

Константин морально готовился. Настрой? Какой настрой? Взять среднее между инквизитором и злым львом? Добавить в этот компот немного рассерженного медведя-шатуна и иезуита? И обязательно — частицу от предупреждающего крика петуха или гуся и от тупого взгляда унтера Пришибеева...

Валик на пороге:

— Добрый вечер, папа!

— Тэ-экс!

— Кто такой Тэ-Экс?

— А сякой! — и Константин достал останки бритвы. — Это что?

— Бритва.

— Я тебе дам, бритва! — вдруг заорал папаша.

Скандала Валик не ожидал, здесь на него не повышали голос.

— Я тебе дам, бритва! — железобетонным голосом повторил Константин и ударил кулаком по столу; схватил Валика за руку и потащил на кухню. — Что это, что это? — начал он тыкать в лицо Валику полотенца.

Бритва — дело ясное, но падающих полотенец Валик не запечатлел душой и не понял значение тыканья.

— По-ло-тен-ца! — пропищал-пропел Валик. Происходившее обрушилось на него шквалом.

— А это? — и родитель стал дергать его за разодранную испачканную джинсовую куртку.

— Порвал пьяница, а после упал в лужу и окунул в нее меня, — машинально ответил Валя, но уже испарился и давно выпорхнул из квартиры, реял где-то высоко, где-то за гранями граней. Брани он не слышал, дерганий не ощущал. Где он летел? Под ним не чувствовалось земли, под ним и над ним не виделось облаков,плыли то светлые, то сумеречные пространства, мелькали пятна-существа, похожие на белых аистов, но бесклювые... Полет сам по себе и невесомость, непостижимая тяга и отсутствие присутствия, бестелесность. Негде — где-то. Всегда и везде. Нигде. В доме не Валик, а его десятитысячная доля. Валика не было, он растворился, исчез. Путано говорили два голоса, то по отдельности, то вместе. Ока-

залось: некому повиноваться этим голосам. Они то ругали Валика, то ругали друг друга.

2

На двенадцатом этаже царило веселье. Там ничего не праздновали и запоздало отмечали всё: раз в год можно позволить излишества. Вчера встретили по недоразумению потерянных знакомых и пригласили. Уютно устроились заядлые курильщики, а с ними — трое покуривающих за компанию. Увлечлись разговором и "дымогарку" обнаружили не вмиг. Потребовалось срочно открывать окна и двери. Однако смолить продолжали и во время проветривания. Дым по коридорам, вестибюлям вился, как от пожара. Но захлестнувший всё крепкий запах пепельницы спасал случайных свидетелей от паники. "Ишь ты, веселятся!" — приходило им в голову. Обстояло не так: избыточное курение сглаживало трения в диалогах и однообразие закусок, запаздывания в их подаче. Надлежало бежать то в одни, то в другие "24 часа" (на половине ночных лавочек, конечно, замки или неприятные таблички), что-то следовало спешно готовить. Невзирая на сумбур, застолье грозило продлиться до утра. Ибо запасы обновлялись, стопки сверкали мелкие, а курили гораздо больше, чем пили.

Далеко за полночь, при паузе в дебатах, курцы-собутельники уставились в пустоту глазами ёжковых кроликов, собираясь с мыслями. Из тьмы желто и остро глянула громадная выпуклая луна,

а в клубках дыма прорисовался закутанный в белый саван призрак. Он шел прямо на людей и еле заметно пошатывался. То ли действительно пошатывался, то ли толчками вздрагивал. Женщины завизжали. Призрак медленно, поступью колыхающегося манекена, приближался. Хлопнулась в обморок корпулентная дама, сидевшая с краю. Хозяин квартиры оторопело привстал:

— Вот штука! Смотрите! К нам Валик пришагал! А Сенька-то спит!

Явился, бесспорно, Валик, закутанный в простыню, словно в тогу.

— Валик — лунатик! — присовокупил хозяин и, спохватившись, приложил указательный палец к губам.

Валик повернул и двинулся к комнате Сени, постоял там перед створками, будто слушая доносящееся оттуда равномерное сопение, потом засеменил к распахнутому окну и начал взмащиваться на подоконник. Хозяин удержал его.

Дамы опять поразились виду Валика. Можно подумать, простыню обернул гениальный театральный костюмер. Мальчик не отличался от призрака. Лицо Валика, весь облик были особенны, казались отсветом иного мира. Веяло чем-то неуловимо общим между мальчиком-лунатиком и молью, между лунатиком и хищной ночной птицей, контуром реющего нетопыря.

Валика проводили восвояси. Сенин отец поражался не лунатизму, а манерам майорши Климовой:

— Ну и тетки! Управы на них нет. В девять вечера наши суслики побрели домой, а она подняла из канавы замызганного пьяницу. Ну, самаритянка, и волокла бы его! А она обрадовалась, что тимуровцы идут! Полгорода обогнули, пока тот название нужной улицы вспомнил. А когда привели, алкоголик в благодарность достал ножик из сапога.

— Какой еще ножик? — удивилась присоединившаяся к компании Юлия.

— Наверное, обычный, шибко ножевный и блестящий! Алкаш отыскал пол-литра и решил угостить провожатых, а поскольку те отказались, сильно обозлился, стал махать ножиком. Совсем ничего не соображал. А жена его, матрешка чертова, меняла памперсы своему карапузу, плевать ей с высоты на ситуацию: собутыльники ведь притопали.

Возвращенный Валик быстро уснул, но ему почудилось: сразу же проснулся. Таки постиг: на самом деле не проснулся и спит, но во время этого сна можно разлеплять веки и запросто разглядывать комнату. Освещенная луной, видимая изнутри сна, она страшила, в ней присутствовало лишнее. Среди матово-молочной темноты на противоположной стене, наверху, зияла подсвеченная амбразура. Раньше не возникало ничего подобного. Из амбразуры наполовину торчал слабо сияющий белесо-серо-коричневый пельмень величиной с большую тарелку. Пельмень был живой и очень умный. Он всё воспринимал, хотя на его лице не

обнаруживались глаза. Он что-то желал сказать Валику, но Валик прищурился и узрел шею и голову жирафа. "Это пельмень прикинулся им", — счел Валик.

— Я не жираф, — изрек жираф.

Шея "жирафа" тянулась, не являлись туловище и ноги. И Валик сознал, это не шея, а сомкнутые и опущенные вниз крылья. Голова их взметнула и полетела, они часто замелькали, завибрировали. Существо повисло в воздухе.

"Насекомое какое-то", — подумал Валик.

— Меня зовут Кири, — заявило оно.

— Кири! — повторил Валик.

— Нет! Кири-Кири!

— Кири-Кири?

— Нет! Кири-Кири-Кири!

— Кири-Кири-Кири-Кири?

— Молодец! Теперь ты уяснил! Первый раз вижу таких смекалистых.

Валик открыл глаза в действительности. Почти на месте пельменя находилось оно: Кири-Кири-Кири-Кири-Кири... И крыльев у него оказалось много. Не счесть...

4

"Здоров, практически здоров, — резюмировала про себя детский невролог, еще не старая дама с сеткой разветвленных тонких морщинок на лице, — и нечего посылать к психиатру. Однако палка о двух концах. Говорить: «он здоров» — в данной ситуации нельзя. Да, и поди ты! Всё не проверишь. Не отправлять же его ни с того ни сего на рентген или на томографию!" — и, с трудом

поборов приступ хронического тика, авторитетно произнесла:

— Ничего чрезвычайного. Отвлекайте чем-то, чтобы не удирал ночью.

— Как можно отвлечь?

— Поставьте на кухне интересную игрушку, лучше светящуюся. Оборудуйте аквариум. Купите золотых рыбок или барбусов. Не выключайте ночью лампу в аквариуме.

— ...а достаточно?

— Рецепт выпишу. Но главное — поведение. Вы попытались устроить Валику головомойку, но случай не тот. Обратившись к снохождению, "хитрый" мальчуган стал искать комфорт, который потерял у себя дома.

— Я виновата. Буду уделять ему больше внимания.

— Уделяйте! А эти капельки закажите и да-
вайте на ночь.

5

Прошло три дня. В час ночи Юлия решила зайти в комнату ребенка. Валик не спал, сидел на кровати, обхватив колени.

— Снова окно рассматриваешь? — спросила мама.

— Туда смотрю, — Валик показал рукой.

Мать взглянула в том направлении и увидела несообразное ни с чем. В воздухе парила не то медуза, не то неизвестная науке сова, не то удесятеренное в размерах крылатое членистоногое. Нормально его не обозреть из-за частого мерцания всего.

- Ой! А что это?
- Кири!
- Кири?
- Кири — это Кири-Кири, а не он и не она!

Дальше!

- Не просекаю.
- Кири-Кири-Кири — моль...
- Моль?
- Небесная моль, не из нашего мира.
- Откуда она взялась?
- Из гриба-пельменя.
- А это что?

— Висящая на стене старая шляпа, когда ее наблюдаешь сквозь сон, какой видишь во сне, и знаешь: не спишь, хотя спишь в двенадцати снах из шестнадцати... Комната меняется, стена меняется, словно она перед тобой первый раз в жизни. Шляпа, если ее не угадываешь, чувствуется чем-то живым, мыслящим. И даже вся — один гигантский обернутый в глубину глаз, который создает сновидения...

— Вот накрутил, вот накрутил! У тебя голова от бредятины не разболелась?

— Почему она должна болеть? Разве бред реальное? Ты забыла показанное тебе? Проверь! Проверь!

Мать вскинула очи и опять произнесла:

— Ой!

— Слушай, Костя. А Валик Кири-Кири нашел...

— Подумаешь! Я тоже Кири-Кири помню. Или как оно там называется. Звуки дюже знакомые... И в детской книжке есть картинка... Творение некое, возможно, птица. Впрочем, не убежден. Гм... Да где же про него слышал? Чудеса в решете!

— Не в решете, а настоящие чудеса!

— Рассказывай сказки! В плане химер и снов ты похлеще Валика. Каждому свое нравится. Работать бы вам обоим лабораторными крысками, подсадными утками у кашпировских или иже с ними.

Юлия обиделась и вышла. Она рискнула навести мосты к сыну:

— Твой Кири-Кири... Ну-тка выбросим дурацкую шляпу, которая его порождает!

— Нет! Нет! Оээнэ не он! Не он! Это не Кири-Кири. Уже Кири-Кири-Кири-Кири...

— Мне разница! Он не шляпа и не пельмень...

— Не пельмень. В поезде не позволила мне потрогать шишку на голове охранника — ныне вон она какая! — добавил толстым голосом Валик. — И на тебя норовит перейти. В текущие времена нужно пить из всякого копытца. Иначе пожалеешь.

— Что теперь это? Призрак? Привидение?

— Не призрак. Не привидение, но подобное увеличенной молекуле. Он-оно прилетает и без шляпы.

— И можно потрогать?

— Потрогай-потрогай! Лишь бы рука не отвалилась!

— Слушай, Валик, а у нас умы не чебурахнутся?

— Ну, мам, ты даешь! Однако если тебе очень хочется... А я, ей-богу, не рехнусь!

— Ишь ты! Самоуверенный, будто папаша!

7

Очередным вечером Юлия заглянула в комнату сына. Свет не горел.

— Вызываешь его?

— Тс! Оэнэ-э — здесь!

Указывая в сторону предощущаемого, но пока незримого призрака, Валик стал дрожать, затрясся, смотря в одну и ту же точку. Тряска передавалась и ей. И немедленно Кири-Кири возник (или возникло) на пустом месте — там, где он ранее не обретался. На этот раз он—оно был—было похож—похоже на лошадиный череп.

— А змея гробовая да не выползет? — прошептала Юлия.

— Давно выползла и уползла, — равнодушно ответил призрак.

8

— Ну, сегодня выныривало Кири-Кири? — поинтересовалась Юлия у стоящего во дворе дома Валика.

— Которое Кири-Кири?

— А хоть второе-парнѐе...

— Прямо сейчас! Оно, онэ не было-булэ.

— Ждешь?

— Зачем? Я его и делаю.

Валик принялся дуть себе в ладони. Сложил их трубкой, поднес ко рту и попеременно то дул, то дудел. Потренировавшись, навел этот рупор на невидимый кристаллик в небе и пронзительно за-свистел. Свист быстро набрал сверхвысокий тон и перестал быть слышимым. Звук исчез, но Валик продолжал напрягаться, имитировать процесс. Внезапно Валик прекратил свою необычную деятельность и застыл как при каталепсии. Его левая рука оставалась у рта, правая — внизу, рот зиял, на щеках замерли ямочки. Казалось, Валик потерял способность дышать. Прошло минуты три. Вдруг в вышине проступил тонкий звук, затем вызрело хлопанье тысяч крыл. Новым светилом с маскообразным луноликим лицом появился-появилось Кири-Кири — и не в помещении, а на улице среди бела дня.

9

"Что происходит с Валиком? — еще раз зада-лась вопросом Юлия. — Когда это началось с ним? Не той ли поры, как он завернулся в простыню и потопал к Сеньке? Не исключено... А не раньше? Когда раньше? Не в поезде?.. Он пере-листывал книжку про Алису в Зазеркалье и плел разный вздор. Вот тебе на! Алиса у него описа-лась. Надо перечитать и проверить. Да, но по-пробуй решиться на подобное!"

Льюиса Кэрролла Юлия не любила. Для чего две его книжонки детям и научным работникам? Ну, дети — существа понятные. Их хлебом не корми, только подавай нелепые мультики. А уче-ные? Выпендриваются. Нашли о чем писать ста-тьи! Кто рубит сук, на котором сидит! Споры и

разглагольствования. И с "Маленьким принцем" Сент-Экзюпери та же история. Есть Принц, есть разные планеты и Лис, играющий то в Сократа, то в доброго сказочника... Скукотища! Разве такое имеет смысл? Льюис Кэрролл, в отличие от Экзюпери, конечно, не скучен, но не читается. Пробежишь пару страниц, займешься рутиной. Кэрролла приходилось бережно откладывать в сторону. Правда, в дамских брошюрках Юлия не могла осилить и абзаца. Если бы она их купила, то они сами собой стали бы выпадать из рук. А кэрролловская Алиса лежит и лежит, потом смотришь: неделю валяется раскрытая книжка. Назло заставлять себя штудировать? Зачем это нужно? Иное, может, и нужно, но здесь сказка! Из-за фантазий мучиться?..

Юлия поспешила в кабинет Константина и отыскала академическое издание "Алисы". Рядом с ним на стеллаже была масса книг об этой книге, ее героине и авторе. "Уже лучше! — обрадовалась Юлия. — Какой-нибудь след да найду!" И принялась бешено листать все, что ей попало.

И бросились в глаза строчки:

...фаллос помечает излишек и недостаток, качаясь от одного к другому...

...Алиса — история орального регресса...

...всякое зафиксированное или начертанное слово разлагается на шумовые, пищеварительные или экскрементальные куски...

...Бог — это закон сигнификации...

...Тело ребенка — пещера, полная интроецированных свирепых чудовищ, еликие стараются перехватить хороший объект...

...*Бармаглот* простирается в обоих направлениях сразу...

...Пространство шахматной доски, кое нужно пересечь, откровенно представляет эрогенные зоны...

...способ просохнуть...

...неудачные попытки эпилептиков стать шизофрениками...

Дедушкин домик в Сестрорецке! Каждый август на его веранде собирались разномастные бородачи. Двадцать лет назад они устраивали длинные дискуссии, на которых часто звучали имена Фердинанда де Соссюра и Романа Якобсона. Десять лет назад эти имена перестали упоминаться. Зато беспрерывно говорили об Арто, Батае и Ролане Барте. Потом мода на них прошла и грянула плеяда фамилий, какие ныне украшают корешки книг Константина. Юлия кинула взор на них. Ничего себе! — между полками проскользнули мелкие плоские человекоподобные фигуры и скрылись.

— Черные человечки! Черные человечки! — прошептала Юлия. — Дожилась! Теперь и гномики мерещатся!"

До бородачей чердак в Сестрорецке снимал молодой баптист. Ходили слухи, будто он свихнулся на толковании библии и умер в дурдоме.

Юлия заметила: книги об Алисе не кончились. Левее стояли тома с серо-зелеными, похоже, плесневелыми от сырости обложками. "Дело рук еще одного сумасшедшего, переплетчика Матвея! — угадала Юлия. — Был директором НИИ. И до чего дошел! Не уехал за границу вовремя и погиб от белой горячки!" Юлия достала тома. В матвеевских переплетах — отпечатанные на матричном принтере апокрифы третьего тысячелетия. Мелькнули названия:

Алиса и демон Дедекинда,

Алиса и дельта-функция Дирака,

Алиса и бутылка Клейна...

Юлия решила заглянуть в "Бутылку Клейна". Лучше бы она этого не совершала! От вклеенных иллюстраций повело и помутило сознание, все закачалось. "Вон она, белая горячка!" Юлии попеременно казалось: страницы книги слишком велики: больше комнаты, больше неба; то слишком малы: меньше почтовой марки, меньше хлебной крошки. Юлия машинально затрясла головой. Книга стала вроде ординарной, размером с ладони и пропала. В воздухе парила бутылка Клейна с нарисованной на ней Алисой. Из бутылки высунулся страшный черный человечек с петушиным гребнем и затянул:

— Кири — ки — ки! Кири — ки — ки! Кири — ки — ки!

10

Вот уже Юлии стали сниться плоские черные человечки. Возникал один. К нему постепенно подбегали прочие. Они дудели в соломинки, щекотали ими друг друга. Порой Юлии чудилось: не соломинки, а пишущие стержни для ручек. Когда человечков набиралось достаточно, кто-то из них начинал кричать нечто в духе: "Нет! Нет! Нельзя! Нельзя! Этого не имеем права допустить! Такого

не бывает!" Товарищи повторяли его фразы, изредка вклинивали свои.

Сон есть сон. Присниться может и то и се. Однако в сумерках или в пасмурный день, или в ясный — в тени, Юлия подчас замечала человечков наяву. Но если во сне они виделись черными, то наяву чаще обретали мертвенно-серый облик, оставаясь по-прежнему плоскими, и различались только в профиль. Едва "гномик" поворачивался — он тут же пропадал.

Иной бы с происходящим смирился или даже чем-то заинтересовался, но не Юлия! Да и в чём особая разница между жуткими человечками и мышами? Способна ли городская женщина потерпеть соседство последних?!

11

Константин внезапно исчез. Испарился, как делал это прежде. Нырнул в бутылку Клейна.

Контроль: бесконтрольный (КБ)

Почва под ногами перестала сотрясаться, но еще откуда-то из глубин доносилось гудение. Дрожали столбы и чахлые деревца. Пешный очнулся. Он словно впервые ощутил себя здесь.

Огромные несчетные каменные коробки смотрятся бараками. Застыли тяжелые машины, напоминающие тягачи-транспортёры баллистических ракет. Безлюдье. Забытые горы из угля, гальки, песка и бог весть чего. Дорога, испещренная отпечатками стальных гусениц, ведет туда, где бараки плавно переходят во внутренний город, выглядящий солиднее всякого микрорайона.

Метров семьсот Дмитрий протопал по дороге и оказался среди зданий и промышленных сооружений. Зброшены многоэтажные дома, их окна не светятся, в стенах — проломы. Но идти по этим дебрям приятнее, чем через спальную застройку: нет утомительных плоских крыш, проемы разнокалиберны, детали не соединяются в нудные ряды. Поражала нестандартность выступов, кажущаяся легкость массивных корпусов. "Не излишества, во всем функциональность", — подумал он. Вот будто бы нормальная цивильная улица. Дмитрий повернул налево, и его ударило иным миром: на "цивильной" улице валялся, искривляя перспективу, башенный кран, в стороне — еще один, задетый первым при падении и обрушивший несколько зданий. Мелькнула картина: воскресший титан отыскал ключ от дверей Тартара, но запутался в проводах, опорах ЛЭП и бетонных капканах.

А где-то наблюдал Пещный этот апокалипсис! Где? Узреть подобное можно в мистическом сне, да и то после дикого отравления.

Запретная зона. Но проходных и КПП не найти. Некий каньон на пути. Дмитрий стал спускаться и обнаружил, что лезет не в глубокую канаву или карьер, а в технологический лаз, идущий в почти замкнутый сверху длинный желоб. С противоположного края подземной трассы не выбраться: выросли могучие своды — тонкая полоска неба не скрылась, но прок от нее! Он не муха и не может ползать по стенам и потолку! Но вроде бы наткнулся на разветвление. Поворот желоба. Пещный пошел в этом направлении. А если сейчас пойдет жидкость?! Обзор наполовину заслоняла куча из похожих на бильярдные шары каменных шариков. Куча хрустела, хотя Пещный стоял неподвижно. Он задрал голову и увидел в чрезвычайно омерзительном ракурсе толстяка в салатном комбинезоне, карабкающегося наверх. Ага! Там слева шлюз или пробоина. Рабочий в комбинезоне, не обращая внимания на Пещного, перемещался по хрупающему камню к просвету. "Ударал со смены и вернется для отметки где-то под утро", — сообразил Дмитрий и последовал за сачконувшим. К счастью, попался неожиданный гид! Иначе пришлось бы умирать посреди выжженной мертвой зоны, маскирующей неизвестно для чего предназначенное агонизирующее предприятие.

Пещный теперь шел по обычной дороге. Далеко перед ним блестел огнями город. Скоро шоссе. Не впервые внезапно оказываешься за трубами,

ямами, заборами, колючими проволоками! Чудом удастся туда просочиться. И вечно возникает проблема: "Как оттуда выскользнуть?" Постоянно одно и то же. Много раз повторяется. Поди угадай, когда кончится. Можно не думать о нынешнем происшествии! Не так давно Пещный ни с того ни с сего очутился на территории другой режимной фирмы — мясокомбината "Самсон". Разумеется, без временного аусвайса и вертолета.

Эффект № 3 плюс покушение на иной объект

— Битое стекло — в мусорку, — рекомендовал Дюмов. — И пусть вместо бутылки — бутылочка. Ее отдадут мне. Понял, уже отдали. Я к их заведению — никакого отношения. Попросил раствор в случайной беседе. Для птичек и морских свинок. А препарат для крупной живности закажут заново.

— Действительно эта жидкость такая дорогая? — поинтересовалась Катя.

— Смотря для кого. Для покупателя дорогая. На заводах ее не делают. А стоимость для изготовителя символическая. Зная ноу-хау, легко насинтезировать целые бочки.

Дюмов поблагодарил и стал прощаться.

— А может быть, выпьете чаю?

— Чаю? Сейчас не хочу...— и, застигнув недовольное выражение на Катином лице, продолжил: — Я бы выпил воды с чем-нибудь.

— Надо ли пить воду, если есть чай?!

— Не о том толкую, не о пряниках и сухарях. Но об идущем в кипяток.

— Добавим в него. Например "Джемес-Едомес".

— Это что за фрукт?

— Точно, фрукт. Поймете.

Сев за стол, Дюмов оглядел стены. На них висели большие и малые картины в рамах; на полотнах — узкоглазые девушки-гурии во всякоразных позах, в одеждах и без одежд, с мандолинами, с розовыми розами в хитро заплетенных черных волосах. Туники или ткани на относительно одетых вакханках изображались так, словно их развевал и сбивал на одну сторону сильный ветер. Но небеса на картинах оставались солнечны, без намека на ураган, а кусты и деревья идиллично спокойны; свисали всевозможные райские плоды, из листвы высывались барашки, козочки. Куда там музам и грациям до гурий! Высококласно исполненной и дорогой цыганщины Дюмов не встречал лет двадцать. Гурии были родом из детства. "Это и есть "Джемес-Едомес", — решил он.

Другой "Джемес-Едомес" оказался перед ним в розетке для варенья.

— Я сегодня ночью видела домового, — заявила Катя. — Желтый старичок, росточком с ладошку. Вышагивал туда-сюда по кровати. Куклой Айболитом. Но без креста. Говорил, говорил. Как-то скрипуче. И чем-то щелкал. Щелк-щелк! Щелк-

щелк! И опять говорил, говорил, наскрипывал. Я ничего не запомнила. Кто бы мне все пояснил.

— А что произошло вчера? Не приходил ли твой папаша-железнодорожник? Или чей-то дед-долгожитель? Поп? Учитель? Милиция не забредала? — спрашивал Дюмов. — Сверчок или кузнечик под острые чувства концерты не устраивал?

— Вчера? Вчера — ни-че-го. Никто не приходил. Ночью — замогильный сон, затем снилась пещера с ажурными люстрами и зеркальными стенами. Но главное не это. Я сидела на диване, зажмурилась и сразу же полетела, полетела над эскалаторами станции метро "Петроградская". Эскалаторы еле ползли. Люди на них потусторонние какие-то; внизу — остолебневшая дежурная. А я... Я летела под потолком, — заплакала Катя. — Такое случалось и раньше. Трижды. И всегда почему-то "Петроградская"... Но люди живые, живые! Не тени! Пусть и не от мира сего! На собственные похороны едущие, в подземный край, в ад стремящиеся! Я специально потом отправилась на "Петроградскую". Та дежурная в будке, на стенах туннеля те самые трещины.

— Вот он "Джемес-Едомес"! Я думаю, ты кого-то потеряла и желаешь найти, — заметил Дюмов.

— Ищу, ищу! — согласилась Катя. — Но не скажу кого.

— На "Петроградской"?

Катя не ответила. Она подошла к музыкальному центру и нажала кнопку. Послышалась музыка. Вроде бы восточная. Вернее, почти восточ-

ная. Маленькие барабанчики. Ножные колокольчики. Свирель и одновременно ритм вертящегося колеса. Колесо, конечно, виртуальная мандала. Тихий голос. Мантры отнюдь не индийские, откровенно суфийские. Музыка громче и громче, ритм быстрее. Катя убрала стул и принялась вращаться, олицетворять мандалу. Трим-трим, трам-трам. Трим-трим, трам-трам.

Похоже, и Дюмов кинулся танцевать, хотя и не собирался подниматься. Катя то убыстряла движения, то замедляла, то приближалась, то удалялась. Прежде восточные сольные танцы затеивали в небольших помещениях кафе или библиотек. Но он чаще находился где-то в шестом — восьмом ряду. Головы и туловища зрителей заслоняли ноги артистов. А как смотреть на танец, не видя ног? Зрелище не лучше курения с закрытыми глазами.

Сличения исчезли. Дюмов утонул в гармонии танца. Трудно понять, действует сильнее сам танец или музыка? Будто бы танец танца с музыкой. Постепенно все стало выпуклей, яснее. Смысл обозначился четче. Да это Камасутра с Брахмапутры! Явственный танец отдавания. Проявился пик. После чего наступило рассредоточение. Катя продолжала танец механически, на тайном заводе, но через пару секунд вошла в абсолютный транс. Да, в транс! Именно! Усталости ни капельки. Только ляжки мелькают! Энергии на два тепловоза! Дюмов опять погрузился в бездны. Топот босых ног уже не смущал. Истина слишком простая и яркая.

"Оч здорово и хорошо, но чокнутых и ослабленных нельзя тормозить. Ишь чего! Ишь ты, древняя жрица любви! Эдемо-адская музыка! Здесь все пятницы равны... Прямо засасывает! Прямо туда, с семнадцатого этажа! Кроме того, отсутствуют прэзервы. Если они отсутствуют, то ритуал исключается. Звёздное небо над нами, а моральный закон — внутри вирусов и риккетсий. И не в поцелуйных вирусах закавыка! Разверзлась пропасть! Такая полизда, звезда — черная дыра".

Катя сделала три-четыре новых па и застыла. Халат на ней превратился в развевающийся картинный кусок ткани. Не хватало, правда, роз и мандолины.

"Стоп! Я ее некогда видел! Видел! Она сама была проводницей. Чудеса. А ведь год назад, в вагоне, обошлось почему-то без аптекарских выдумок. Узнала! Факт, узнала, но промолчала..."

Поторчав из вежливости еще, порасхвалив танец, небрежно приголубив на прощанье Катю-жрицу, Дюмов зашагал в прихожую. Чего-то он испугался. В коридоре Петр заметил много картин, стоящих на полу изображением к стене.

— Дозволяется слегка поизучать?

— Сколько угодно.

Шикарные супермодерные натюрморты. Раньше подобные Дюмову не попадались.

— А что они как бедные родственники?

— Не хочу портить колорит жилища.

— Ой ли?

— Да. Искусство — это искусство, а жизнь есть жизнь. Не надо их путать. Для *моей* жизни важнее гуси-лебеди, дивнорогие олени — то, к чему я привыкла, но не музейные ценности.

— А кто автор натюрмортов?

— Никто.

— Форменно так?

— Ох, простите меня за грубость. Может быть, теперь выпьете чаю?

— Да. Я бы не отказался. (В прихожую по направлению к выходу он шел третий или четвертый раз. А не повторяется ли сегодняшний день? Колдовство неопишемое. Отсветы от мандалы.)

Когда Катя отвернулась, Дюмов глянул на циферблат: он провел у нее больше пяти часов.

Дюмов проторчал у Кати еще минут сорок. Но чай от папаши-проводника он не выпил. Уходя, оставил напиток нетронутым. "Вот царство тридесатое! Оторопь, оторопь! Откуда ветер дует? Но чувствую, этот ветер догонит! Чай! Цай! Оч холосый цай!"

И тут узрел Дюмов, кто такой домовый и Айболит. Роль домового или Айболита он должен играть сам! Но не смог. Ушел в сторону. А почему? По коту. Есть в тропических лесах на берегу Лимпопо неизвестные науке чудища, поедающие в первую очередь лекарей!

— Черт! — воскликнул Петр Дюмов, отойдя от парадного. К нему пришли мысли, что Катю он обнаруживал не только в поезде. "Где, где? Ёлки-подтёлки, да где же? На станции метро «Пет-

роградская»! И проезжая на эскалаторах навстречу друг другу, они, бывало, ширялись взорами. Да и в вестибюле чуть не сталкивались". Но все происходило на периферии постижения. Представления об этом вымучивались, рождались с трудом, то ли как воспоминания о старых давно забытых снах, то ли — как о своеобразном и запретном подпольно-параллельном существовании.

"Черт! — вновь назвал имя лукавого Дюмов. — А чего ради я обязан беспрерывно оказываться Дон Жуаном, если я не Дон Жуан? То в проходной невзначай поджидает короткая юбка, то у метро, хотя ловить некого и нечего. Пусть поздним числом возникают угрызения совести. Де не воспользовался горячим моментом... И схватываешь ситуации краешком ума, вернее, миллиметром или микроном серого вещества, ибо сидит внутри не то святой Иероним, не то святой Антоний. Недаром за <.....> сплошь и рядом принимают. А ведь я... гм... другого цвета. Некогда, в предпервой молодости, милицейское злключение сделало жестким — и эта иноцветность покрылась гарью, пеплом, безразличием, не развилась до полной кондиции, а потом испарилась вообще". И прозвучала в мозгу песня старорежимных танцплощадок:

Не рыжий йя, не рыжий,
Не рыжий йя, а зо-оло-то-о-ой!

Простой советский <..биян>, как бы требующий неоднократных и пронзительных сигналов и словно их не желающий, клюющий по редкой прихоти на пристаивания настойчивые и далеко не

все. Пры-ынцес-са на горошине... Возведенная в куб.

"А это? О чем я?" — изумился сам себе Дюмов.

"Нет, не о кубе. Всё о квадратном корне из минус единицы", — ответил властным непрекращаемым тоном внутренний голос.

Опять пропелась песенка о рыжем.

— Салатой! — вслух произнес Дюмов и договорил про себя: "Там. Там. За облаками. Плавает в общественной проруби... Секрет полишинелей-ювелиров-парфюмеров. Прошедшее будущее. А хваленая духовность происхождением не оттуда ли?! Конечно, оттуда! Шестьсот миллионов лет назад у червеобразных прапредков ланцетника поменялись позициями голова и хвост. Экое вредительство на скотном дворе!"

Да-а! Нормально! Лжеобъяснение! И ничего иного? А коляска на эскалаторе? Ширялись взглядами... Отскочило колесо у инвалидной коляски, запрыгало, закрутилось мандалой. Все миры в нем, все миры. Коляска опрокинулась, инвалид — лысиной в ступени. Эскалатор никто не остановил. Не остановил абсолютно! Что творилось... И паника! Паника!.. А было ли? Может быть, сие не было? Помнит Дюмов схороненное? Помнит и не таит?

Прячется темное и непроницаемое за пленкой двадцать второго сознания. Там, там они, настоящие презервативы, и больше нигде. Отделяют одну жизнь от соседней, мгновения — друг от друга, создают иллюзию забывания, невежества, неможества и множества.

Эффект № 4

На некоторых особо секретных военных сборах старшего сержанта Татьяну Быстрову съели "партизаны". Вначале покусывали и жевали, выплевывая, а затем проглотили целиком. Первую неделю эти резервисты — капитаны и лейтенанты — оказывали ей знаки внимания, во всем помогали, а наблюдая за ее походкой, цокали языками; вторую неделю ее перестали замечать, с ней прекратили здороваться: и без придилок она как младшая по званию должна отдавать честь первая. Зато последующие дни над ней откровенно издевались, ее третировали, каждое действие, слово, детали внешности громко оценивали и языками не цокали, а дико улюлюкали. Быстрова почувствовала, что поехала... Куда-то поехала такая прежде гордая, твердая и непреклонная. Глаза старшего сержанта стали часто находиться на мокром месте, нос и веки покраснели. Пудра не спасала.

Кадровые полковники всё видели, но разводили руками: "Нечего, дескать, делать! Не смогла женщина себя поставить!" И утихомиривать переростков-лоботрясов пытались, а толку — нуль; инстинкты распоясавшейся толпы неискоренимы. Конкретных зачинщиков или виновников не найти, игра идет без правил. Нашли мужики гнусную забаву со скуки да за отсутствием удобных и доступных баб. "И набрали-то кого! — рассуждал начальник факультета. — Кроме двух человек, одна шушера. Идут на смену ВУСа. По своей

специальности не работают. Потому и залетели, пардон, угодили в списки. А Сизиков, Сизиков-то! По документам получил офицерское звание в восемнадцать лет. Зверский финт! И от армии отмазали, и от военной кафедры. А коли есть мохнатая лапа, отчего на сборы загремел? Пожалуй, вновь от чего-то отмазывают. Либо от милиции, либо от прокуратуры".

Если остальные жили в офицерском общежитии по три человека в комнате, то Быстрову поселили одну. На этом ее привилегии кончились. Отдельный душ и отдельный туалет не предусматривались. А в главное здание, где располагался кабинет гигиены для вольнонаемных женщин, дежурный пропускал только с восьми утра до восьми вечера.

Но были и вещи из ряда вон. В замочной скважине двери ее комнаты почти всегда торчал чей-то зрачок; занавешивать скважину, заставляя ее стулом — напрасно. Со временем стали появляться шутники, что просовывали в скважину металлический прутик, им они срывали занавески, опрокидывали заграды. Как-то, вернувшись с занятий, Татьяна сама вооружилась забытым в коридоре прутиком. Она решила обязательно проткнуть очередному нахалу зыркалку, этим поместить и уличить нарушителя спокойствия. Но устроить военную хитрость не удалось: шпионили за ней, а не она за пакостниками. От всякой попытки урезонить притеснителей издевательства лишь усиливались. В замочную скважину и смотрели, и дудели, свистели, а по ночам мычали, кукарекали, периодически имитировали крики ополоумевшей самки тираннозавра. Последние звуки,

кошмарные и жуткие, модулировались так, что в их интонации ясно, хотя и карикатурно-иронически, просвечивал Венерин бугорок, потусторонне-сверхъестественные неньюфарные страдания.

На сем дело не заглохло. В ночь с субботы на воскресенье Быстрова читала при свете настольной лампы рассказы Михаила Булгакова. Или рассказ попался интересный, или Татьяна устала за неделю, но она подозрительного не почуяла. Странного не поняла, а на коврик перед ее кроватью полилось. В круге от лампы блеснула радуга-дуга...

Позже до нее дошло: из замочной скважины опять незаметно выдавили ключ, а некий опившийся пива болван мастерски приставил к скважине мужское орудие и пустил длинную струю.

От лужи вознесся омерзительнейший запах, и Татьяна взялась восстанавливать уют, а мокрую тряпку и коврик выбросила в окно. "Вот дура! — обругала себя Татьяна. — Не вызвала дежурного по части! Ничего никому не докажешь!"

В довершение бед начальник факультета повышения квалификации приказал Быстровой раз в неделю выдавать слушателям денежное довольствие. Пачки с ассигнациями Быстрова получала у прапорщика Подкорытова, отъявленного пьяницы, всегда сидевшего без гроша. Этот казначей неоднократно устраивал фокусы, неведомым способом вытаскивая из банковских пачек по две-три купюры. Проверять банкноты в пачках Быстрова догадалась поздно. Образовался долг. "Где наши тугрики? Или сама нам кафе оплатишь?" — наглым шепотом спрашивали у нее и дергали за рукав на построении. А какими прозвищами ее

при этом называли! "Кобыла", "вобла", "выдра", "выхухоль", "мандатра"...

Правда, Быстрова дикостей не слышала, но по движению губ обидчиков легко можно многое ухватить, по шепотку восстановить. Но самое обидное — иное. Такие ситуации, когда ее именовали по-штатски Татьяной Семеновной или Быстровой. Она бы пережила прозвание "старший сержант Быстрова", но просто "Быстрова" звучало уже кошунственно. Старший сержант возненавидела свое имя, отчество и фамилию.

Главнейшим и лютейшим врагом обижаемой был приехавший из Анапы младший лейтенант Сизиков. Он первый начал третировать, организовал и выдумал пошлую игру. А придраться к Сизикову нельзя. Он, в отличие от прочих, намеренно крайне медленно и необыкновенно нежно, полупшепотом, с неопикуемой кривой усмешечкой, на разные лады и с ласкательными суффиксами изрекал обращенное к ней. Словосочетания: "Таттть-я-ноч-чка Ссе-ме-нов-в-на" или "Быыстроо-венькая м-моя" превращались в злобную токсическую дурь и попутно действовали подобно аллергену.

Красавец Сизиков был кровь с молоком; якобы бывшая золотая молодежь. Прямо Печорин-Лермонтов-Грушницкий. Только ростом высок и не вонял порохом. До того превосходил окружающих, что терпеть его надменный форс опротивело!

Выносить насмешливо-похабный вид Сизикова стало неумоготу. "Точка! Бросаю дурацкие курсы и уезжаю в Бологое! — решила Татьяна. — Судить меня не захотят. Лишь из-за отсутствия бумаг не выплатят парочку зарплат. Да их все

равно не выплатят. Проформы соблюдают преимущественно в госучреждениях".

В рабочий день, а именно во вторник, она проснулась. Сильно посветлело, и солнце поднялось над верхушками деревьев. "Проспала! — сочла она. — Проспала — и чудесно! Зато отдохнула и успокоилась. Да, но отчего меня не будили? Если слушатели просыпают, за ними посылают гонца, устраивают подъем и приводят". Здесь Быстрова заметила необычное... не всегдашнее... и дверь в комнату раскрыта настежь... плюс первое-второе-третье... "Ни фиги себе!" — Быстрова напряглась, хотела соскочить с кровати — ее резко потянуло назад, — и прояснилось: она привязана, привязана длинными вафельными полотенцами. То-то ей беспрерывно снилось: ряженные в ужасное хаки партизаны схватили ее за руки и никуда не пускают.

* *

В палату вошла медсестра:

— Неплохо! У вас, похоже, прошел кризис!
— И, увидев попытки Быстровой освободиться, предупредила:

— Подождите немного. У заведующего отделением обход. Минут через десять дойдет очередь до вас.

Других больных в палате не обнаружилось. Вскоре появился врач.

— Как себя ощущаем? Говорите "нормально"?
— ...

— А вы помните, что с вами было вчера? А что с вами случилось позавчера? Так-так! Оказывается, нет! И какой сегодня день? Утверждаете "вторник"? Нет, не вторник.

— Бронислава! Бога ради, развяжите пациентку!

— Разотрите ей конечности! Разотрите! Помассируйте!

— Девушка! Сообщите, как вас зовут. Татьяна? Очень хорошо, Татьяна. И по документам вы у нас Татьяна. А фамилия? Замечательно! Вы действительно Быстрова.

— Татьяна! Можно вас называть "Татьяна"? Отличненько, Татьяна!

— А соображаете, Татьяна, вам крупно повезло: вы находитесь у нас. Что стряслось двумя днями раньше? Вижу, у вас снова проблема. Я подскажу! Вы избили милиционера. Не верите? Увы, есть свидетели. Вы избили милиционера, когда он вас задерживал.

— А из-за чего он намеревался вас задержать? Не догадывайтесь? Ха-ха! Вы, Татьяна, разгуливали по зданию вокзала с большущей сумкой и, пардон, в костюме Евы. Хи-хи-хи! Так и было. До сих пор не знаю, отчего вы на то сподвигнулись.

— Ну и ладно! Оставайтесь пока у нас. Подумайте о том о сем. Попейте наши лекарства. Лучше жить здесь, а не в СИЗО. Это милиция вас пожалела. Могла бы вызвать совсем не тех сани-

таров. Вы даже в настоящем КПЗ не очутились. Хватило и протокола на вокзале.

И Татьяна Быстрова впервые за последние полтора месяца испытала чувство облегчения. Глубочайшего. Татьяна спаслась!

КБ-2

...он ходил за городом. И оказался посреди брошенных строительных площадок, свалок, болот; широких канав, заполненных грязной водой и лишенных мостков. Там, где болот и канав не было, неизменно появлялся непролазный когтистый кустарник или еще хуже — неоглядные стены складов и гаражей. Всякий склад без зазоров примыкал к другому складу, гараж — к соседнему гаражу. Ни малейшей щели в унылых заслонах не предвиделось. Единственный путь — разветвления железной дороги. По ним, портя обувь, Пещный и шагал: где и как — трудно сказать. Справа и слева, закрывая обзор, рокотали эшелоны вагонов-рефрижераторов. Временами Дмитрий, взбираясь на тормозные площадки, преодолевал препятствия. Метров сто проехал на товарном поезде, когда тот тронулся. Слез и пошествовал далее. Воздух постепенно густел, отдавал то гематогеном будто на станции переливания крови, то паленой шерстью. И только подойдя к производственным корпусам, Пещный понял, где пребывает. «Самсон», да именно «Самсон», про-

чего и быть не могло. По территории перемещались люди и принимали Дмитрия за своего сотрудника. Можно прикинуться командированным и поподробнее расспросить, где искать то или иное подразделение, но совершать экскурсию не хотелось. И так много проблуждал. Надо выбираться на волю. На вахте потребуют пропуск, через забор не перемахнуть, сигнализацию не обмануть, а использовать метод, которым проник, нечего и мечтать. Но Пещному удалось благополучно уйти с комбината. "Каким образом?" — вспоминал он сейчас, у вечернего шоссе, наполненного автомобилями с горящими фарами. Дикое неприятное шоссе почудилось уютным и домашним выбравшемуся из военно-промышленных дебрей Дмитрию.

"Каким образом? — опять представил он неожиданный поход на «Самсон». — Вышел ведь оттуда в полуобморочном состоянии и мимо вахтера. Показал не пропуск, а... Да нет! Нет! Мне неизвестен вид их фешенебельной проходной со стороны двора. Тьфу! Да я проник с «Самсона» на ближайшее предприятие, не исключено, дочернее или родственное и уже в его проходной прошмыгнул. Что демонстрировал охранникам — неважно. Попасть с того предприятия на «Самсон» трудновато, но обратный путь немудрен: залез на пристройку, подходящую вплотную к стене, и спрыгнул".

Эффект № 5, головоломный

1

"Как бы умереть? — спрашивал себя Околев. — Почему социум не одаряет подобными услугами? Умереть нужно хорошо, промереть нужно удачно и с отметкой на "пять". Нельзя ли правила узнать? А прежде, чем перевернуть счеты, надлежит просочиться, просочиться туда, в иные графства-баранства, потусторонние пространства, причем наилучшим способом, успев прокристаллизовать положенное. Мешают, мешают проклятые дендриты, не прорастают в запредельную степь. Учись у них, у медведей, у сусликов да жуков, гораздых впадать в спячку. Расчухаешь, когда поздно, когда окончательно будешь за гранью. Досада у сада! Не пропекутся межевые бреновины, совсем не пропекутся. Наверняка расфокусируются, смажутся. Хотя наполовину Там находятся! Уточнил в сновидениях. Видения-сновидения и есть медленное прорастание на тот свет. От первых вздохов до могилы. Но плохо вырастают, не удается контролировать, отращивать и подстригать, как нравится. Окажешься на том свете — и узришь чертосферу неведомую, и получится: не то проращивал, не это отращивал. Дуракизм сплошной. Тыкайся повсюду с помощью инстинктов. Я цыпленок, только из яйца вылупившийся? Или мохнатый шмель на душистый хмель? Или кобель, что с сучкой обнюхивается? Для чего ум существует? И есть ли ум у челове-

ка? Люди хуже камбалы, тупее бледной спирохеты в потустороннем деле. Навязали ни с того ни с сего нелепую биологическую оболочку. Я причем? И вообще не мир, а дерьмо бесформенное; дендритов не хватает для должного постижения. Но требуется лишь хитро уснуть и проснуться не-человеком".

...Руслан Околесов очнулся от своего монолога-диалога. "Это да! — возликовал он. — Во мне уже появилась иная личность! Пробуравилась!"

Откуда пошли нахлесты-супер? Не из командировки ли? В Москве всё рассуждал о Пирогове и про Боткина с Сеченовым.

Почти ничего не помню. Не хочу помнить. Провал. Мерцающий вакуум. Словно жил и жил себе в Петербурге да вдруг очнулся в Москве в состоянии размышления-отупения... Но нет, нет! Пустота грянула позже! О чем я думал в Москве? Мм-м! Москвичи виноваты! Они навязали поездку! Д-да-сс! Ходила их делегация-депутация по учреждениям. То им надо, это надо. Затем и сам подоспел в Москву. Фух ты, пообещал заехать после Тулы. Уломали москали речистые.

В Квакаве-Мосукаве добрел до Яузы и остановился, соображая... И? Не то? О чем? Да-да! Депутация-делегация кричала: "Меэд! Меэд! Московский меэд! А который меэд, Первый или Второй? Из какого именно заведения приезжала эта Клестова? Из 1-го меда или 2-го? Пришлось проверять методом тыка. Лучше было начать с центра. Выйдя на Пироговке, побродил по занимательным корпусам мединститута, зашел в стеклянное кафе — "Ну и богатые студенты ныне учатся!" — и мгновенно оттуда выскочил, испугавшись раскаленного ам-бургера по-кайенски с полярно-ледя-

ной дыро-колой в придачу. Политуру к пулитуру, однако, дают.

О "Клестовой с гистологии" никто не слышал. Картина вроде бы прояснилась, — поехал на Юго-Западную, вышел и двинулся по диагонали через лес.

Антиархитектурное здание 1-го Московского медицинского нисколько не возмутило, не показалось неудобным. Направо, налево, длинный коридор. Спроси у проходящих о том, спроси об этом. Вот о чем говорили... Застекленный закоулок без занавесок и таблички. А там — бревно на рельсе. Две хилые студиозиски копошатся возле трупа огромного мускулистого мужика. Белая тряпка на покойнике — просто символ, торчат бегемоты-бицепсы, слоны-трицепсы, на животе — салфетки вокруг кратера. И по аналогии стекляшка-кафе-кафе пулитурно-политурное представляется! Не ам-бургер здесь. Не пирожки с человечинкой. Дохлый царевич Алексей Петрович или сказочный Алеша Попович. Работают не по шаблону. "Инна Петровна? Подождите, она скоро придет".

Для Околесова привычнее другая картинка: в прозекторской на мертвце делают разрез от подбородка до лобка, щёлк-щёлк — грудину выдирают, ребра разводят. Внутренности вытаскивают, складывают в ноги, а затем потихоньку изучают на предмет диагноза. И страшно курят, но больше дымят женщины. Некогда и поддавали.

А не туда лезут! Интересуются кровью-дыханием-пищеварением! Редко распиливают череп. Череп, череп-чреп надо вскрывать у всех! За пару десятилетий, хи-хи, отгадали бы загадку присутствия человечества на Земле. Очч хитрое министерство. Не жаждет обрастать лишними пробле-

мами. Ой бы их прибавилось. Ох бы шевелиться пришлось. Боятся откопать такое, что никому не снилось.

Медички действовали наскоками. Вытащили желчный пузырь, вытащили селезенку. Шмякнули на дюралевый стол. Ранее отъятая слепая кишка не лежала, но стояла, будто молитвенный дом с куполом. "Балдеют чертовки!", — подумал Околесов.

Наконец появилась Клестова. Узнать ее было сложновато. Встреть он ее где-то рядом — прошел бы мимо.

— Ах! С пихтовым бальзамом все нормально... Заодно передайте в МАПО: их композиция вполне... За документами мы зайдем, подписи и печати есть. (Как бы не так на проверку!)

На обратном пути от 1-го меда Околесов по недопонятому контрасту, точно на картинке, увидел-вспомнил фасады 2-го Московского медицинского, мимо которых проходил утром. Прежде разгуливать на пространстве между Пироговкой и Институтом тропической медицины ему не случалось, но постройки почти дежавюшны. Почему? Откуда сие? Из книг-фильмов? Из запыленных скучно-казенных жизнеописаний дореволюционных медиков? Но Боткин-Сеченов жили в Петербурге. Пирогов? Научно-популярный фильм? Но и Пирогов таки годами пребывал в Северной столице... "Чего ради налетела гуманитарщина?" — изумился Околесов. "Пирогов. Пирогов... — продолжал проборматывать он, — корень «пир» означает «жар», «огонь», «тепло». Вот те на! Русское слово «пирог» древнегреческое? А слова «пир», «пировать»? Врё..." Руслан вызвал из памяти старорусское слово "пити" и мутное величие славян-

ского лжепатриотизма, и кинокадр сталинской эпохи, в коем служака с Анной на шее, с орденом-звездой на груди. В итоге отчетливо прозвучало: Мудров. Пирогов учился в Москве у Мудрова. Мудров, мудрость, муд... Нет! "Р" не суффикс, отсюда "мудр" — корень, а потому мудрость к муду отношения не имеет. Только странно! Хочется, чтобы имела! Хочется — и баста! И вроде бы правильнее. Всё равно где-то в древне-древности звук "р" наверняка оказывался суффиксом. И разница? Мне-то какое дело? На планетушке, этой клетушке, еще ни один мудрый человек не родился. Биоарифмометры кругом, и те плохие. Иначе бы... Не со времен ли Мудрова те старинные корпуса? Тогда и Пироговка должна называться Мудровкой. Скорее, это бывшие госпитали или казармы. А главное здание — высшие женские курсы, подобно петербургскому заведению? Не было институтов, существовали исключительно университеты. Но в обеих столицах есть соседние сооружения-спутники. Будто специально заранее спланированы. Неисповедимы стези... Э-э! Вербалистика рождается от невежества... Недаром у филологов и литературоведов ай кью в два раза ниже, чем у технарей и математиков. А витии вообще от питекантропа происходят!

"Пирогов очень много пил", — решил Околев в довершение подспудного монолога и закрыл тему. Оставалось зайти к Брынцалову. Ринувшись через широкую улицу в сторону брынцаловской конторы, Околев внезапно и против воли сфантазировал: идет он не по московской, а по тульской улице... Тульской улице, расположенной рядом с тамошним автовокзалом.

"Не смотри направо", — приказал себе Руслан, но глянул туда и у низенького торчащего из земли столбика узрел хорошо знакомого тульского придурка. Он трясся всем телом и наипаче головой. Голова моментами не тряслась, а болталась. На жирной-то шее! Тряска не болезнь Паркинсона, ее функция та же, что пляска у кришнаита. Лишь «Харе Кришна» не поет. Придурок просто балдел, его член распирал ткань брюк. Габитус одержимого тот самый тульский, реальный, не завиральный. "Намек сим подан?" — озадачился Околесов. В Туле трудностей не возникало. В Туле Околесов размышлял: "Быть или не быть? Ехать в Ясную Поляну или не ехать? И как будет с расписанием? Очень надо высчитывать!" И здесь появился бесноватый, своим видом, образом, действием сразу ответил на назойливые вопросы. Стало понятно: "Не ехать! Не ехать, и всё! Ужели о Ясной Поляне может идти речь?! Глупости! Мир сто лет назад перевернулся. Если Толстой из неясной Ясной Поляны сбежал, нужно ли гастролерам в ней дефилировать? И вдобавок! Живи Лев Толстой сейчас, он не придумал бы ничего умнее, чем «Харе Кришна» кричать!"

Командировка неофициальна, и потому для соблюдения декорума требовалось сделать отметку у Брынцалова. Ну, а работа там находилась, масса зацепок набегала. Поставив отметку, Околесов поднялся на лифте в феррейновское кафе. Не обедать же на вокзале! Московские пажити испортились при генсеке горохе. Когда на берегах Невы было ещё прилично. Но в кафе Околесов не пошел, в шестой раз переборол интерес к трапезе и, выйдя на неизвестном этаже, двинулся в торец коридора, где располагалось окно. Вид из

него необычаен. Восемнадцатый то этаж или семнадцатый? Конечно, не двенадцатый. Грузовики, легковые автомобили, снующие по улице, — раскрашенные детские машинки, а люди — серые мухи. И обнаружить этих мух сложно. Руслан прижался лбом к стеклу. "Выпрыгнуть бы, выпрыгнуть бы, — созрела мысль. — Не прорастают проклятые дендриты, не прорастают...

В искаженной перспективе неровного
оконного стекла —
житие
тлей-трамваев-автомобилей...

Их хозяин-ребенок ушел,
прыгнул с девятнадцатого этажа,
очертив над головой
ладонями круг.

Не заключала в себе особенного та командировка, но случилось неприятное с поездом в дороге. Или огрели чемоданом-дипломатом? Кто в купе ехал? Поэт Иванович подлил с коньяком музу? Или экстрасенс Симов метафизически схимирил? Ах ты! Не прорастают проклятые дендриты, не прорастают", — опять налетело на Околесова.

2

Что? Что прячется в памяти? Околесов не сомневался в ее особенностях. Сокровенные дендриты и тайные аксоны устремлялись за пределы планеты. Порой Руслан сообщал собеседникам о событиях, которые происходили с ним, вокруг него, когда ему был один год или шесть месяцев и даже три месяца! Ему не верили. А временами

он изрекал истины, касающиеся некой близко протекающей скрытой жизни, узнать о еликой можно, скажем, по толкованию цветных теней от столбов вечерних фонарей. Это свежее латерны магии и кофейной гущи. Многие считали подобное любопытным, но не Иван Регистров.

Кинорежиссер Регистров отнюдь не Тарковский или Антониони. Не желая заимствовать для сценария истории Околесова, он занимался опровержениями и судил-рядил о фактах детства по внутренней тюфячно-неважной памяти. По Регистрову, Ульянов-Ленин не говорил достоядерного "Мы пойдем другим путем"... Свидетельнице, сестре вождя Марии, исполнилось пять лет, когда она могла услышать девиз, а в этом возрасте ребенок, по Регистрову, ничего не помнит и не соображает. Регистров здорово поправел и увлекся затейной дегустацией современных идеологических солей. И для подкрепления находил свои резоны: "Василий Чапаев героически утоп в реке Урал? Откуда известно? Его расстреляли в екатеринбургском ЧК за халатность. Выдала штаб белым приревновавшая Чапая к телеграфистке жена Пелагея. У него числились две жены сразу и обеих звали Пелагеями... А приписываемое князю Александру Невскому? «Кто к нам с мечом придет — тот от меча идохнет». Не цитировал князь речи евангельской. На съемках ее настоятельно рекомендовал представитель ОГПУ и вложил в уста актера. Битва на Чудском озере, Ледовое побоище? Не имела она места: аквалангисты не нашли на дне озера ни скелетов, ни доспехов. Какое утопление тевтонских рыцарей подо льдом, если монахи писали о траве? Пусть она тростники и камыши. Все равно не утонешь среди растительности, разве — провалишься по щиколотку. Вклеили гады

кусок старой летописи о Мстиславе Удатном в новую. А чаще, черти, ветхозаветное втискивали".

Околесов не возражал, но о словах вождя придерживался другого мнения. И смекал Околесов: память простирается дальше месяца младенческого возраста... Да и что убеждать! Был Околесов едва ли не жертвой аборта. По неясной причине потянуло одну беременную на коммунистический субботник. Решила потаскать палки-доски-древеса. Чтением разных брошюр для неопытных мамаш она занялась несколько позже. Оттого угораздило Околесова родиться на одиннадцать недель раньше срока. А весу? Ошеломительно много! Целых полтора килограмма! Гигант при таких обстоятельствах. Появился слепым и сморщенным со спрятанными в живот пиастрами. От различных неприятностей и вредных последствий спасло изобретение Флеминга. И получалось по Геккелю, не арийцем-славянином должен вырасти Околесов, а марсианином или жителем вовеки не бывавшей, но в мыслительных пунктирах прозреваемой Гипербореи. Ведь превращается спящая в ложеснах зверушка вначале в голенького иночеловеческого человечка, потом в волосатого обезьяненка и потом вторично в человечка, но рангом хуже, вырожденца.

Первое, что Руслан узрел, — фантастические ландшафты, смахивающие на картины Кандинского. Эти ландшафты оказывались живыми, дышащими, думающими. Как теперь убедился Околесов, ландшафты-существа важнее других тварей, первичнее и матричнее. Они бесклеточность, внефизичность. Всё растущее, бегающее, плавающее, летающее — только вспомогательные

выносные части, мелкие датчики... Люди в общем ряду — самые худшие, самые сбесившиеся особи. Тараканы, которые чересчур о себе мнят, но в мире не разбираются.

3

Сейчас Околесов в очередной раз сфокусировался на этих идеях. За окном располагались привычные, но всегда новые дома Путинштрассе, то есть Московского проспекта — маршрута черных правительственных автомобилей из аэропорта. Погода ни пасмурная, ни солнечная. На проспекте ни жарко, ни холодно. Можно выйти на улицу и с тем же успехом — не выходить. Себя не потеряешь. Из динамиков неслось негромкое попури. Его нельзя назвать ни авангардным, ни классическим. Вроде бы с крошку контрапункт теребился, но и тривиальная гармония соблюдалась. Вроде слышалось камерное, чуть ли не из репертуара капеллы, и одновременно слегка эстрадное. Околесов сконцентрировался взором на эстампе неизвестного художника. Абстрактной графической композиции, ровным счетом ничего не передающей. Штрихи на бумаге, несомненно, были, но пятна отсутствовали. Вся картина состояла из фона. Околесов посмотрел на изображение пристальнее, еще пристальнее, совсем пристально. Он как бы обрелся в самой картине с руками и ногами. А попав в плен к картине, словно бы полетел вдаль, вдаль, в даль. Отскочили горизонты, сместились измерения, засвистели небеси. Полет! Полет! И вдруг Руслана отбросило назад в кресло. Он застыл. Чудовищная мерзость! Тело требовало движения, движения. Душа — перемещения. Сердце — смертельного замирания. Остаться на

этой Путинштрассе невозможно. Пребывание здесь хуже карачуна.

Всполошенный Околесов быстро собрался, отправился ни с того ни сего на Балтийский вокзал и взял билет до Калища. На пожарный случай. Тот, если в дороге переиграет ситуацию, а выйти он намеревался в Петергофе. Дико хотелось обмануть директора кино. В вагоне тревога прошла. Руслана сморило.

Один раз, не прекращая сна, он открыл глаза и увидел что-то из Рафаэля — минимум выглядящее гораздо пронзительней, чем у Бронзино и прочих: на коленях библейского брадатого старца — обнаженный младенец-ангелочек. Бескрылый ангелочек-амурчик тянул ручонки в сторону окна электрички. Кто он?! — упорно не понимал Околесов. А в окне — похожая ни средиземноморскую пинию сосна с причудливо изогнутыми ветками. Будто и не электричка то шпарила, а карета периода Чинквеченто. Околесов это заметил, неуловимое на миг охватил, забыл и тут же провалился в сон. Когда поднял голову — уразумел: подъезжает к Ораниенбауму.

Весь вечер Околесов бродил по Ломоносову и его не узнавал. Руслану казалось, все мутировалось, изменилось, де в действительности он ходит не по Ломоносову, а по Выборгу. Монрепо отовсюду торчит невнятное. Закат отошел, а здания ярко освещены. "Отсветы неба", — думал Околесов. И не постиг: зачем — для чего так далеко он притащился. А в Петергофе бы вылез, куда бы там потопал? Вредительство вокруг сплошное. Не

иначе специально его выкурили из Петербурга. Ситуация для дурдома. Скажи кому, приехал погулять — никто не поверит. Предположим, некий хмель окончился... Руслан рванул лесом вдоль железнодорожных путей и ночью приблизился к станции. Южейной? А черт разберется! Больно надо проверять! Отчего-то тупо-тупо лень... Ясно не к Мартышкино. И сообразил: до утра поездов не дожждаться.

"Опять от меня умчалась последняя липистричка", — спокойно проговорил Околесов.

Вскоре пронесется поезд, который здесь не останавливается, есть полчаса пройти перегон, да не климатит брести к соседней станции... Ладно! Застряну! Противно. Очень противно сидеть, но ничего не измыслишь другого. Да и время течет не особо медленно. Авось вытерплю. Да отчего не побыть на лавочке? Отчего не тормознуть? Всегда надо бежать. А стоит ли? Лучше идти, чем бежать, лучше сидеть, чем идти... Дремота. Сновидения появляются. То ли сны, то ли грёзы. И отлично. Лишь бы милиция не согнала. Не любит мент человека. Норовит вытолкнуть с планеты.

Тихо-тихо. Звёзды подмигивают, хихикают будто бы. Темные товарняки тянутся, но без шума. Вот грохот товарняков раздается, да товарняков не видно. Фонарь на столбе скрипит, раскачивается, но ветра нет. А вот словно бы ветер в лицо дует — и свет фонаря застылым остается. Роса. Роса. Свежесть. Истома. Гулкость окреста. Мир этот — новый, неизвестный.

Гм... И ночь прошла?! И солнце появилось?! Точно снится. Лопни, снится! И снится мне, что я змея. И снится: я гадюка! Хи-хи! Свернулась она в клубок и на солнышке греется. Греется в первых оздоравливающих лучах. Приятно! Приятно так дремлется!

О! Зелёная электричка подскочила. В неё двуногие садятся. А нет желания ползти. Проще дремать, дремать. Хорошо! Хорошо дремлется!

Солнце всю греет! Не пора ли змее вон отправляться? Не ей находиться среди людей. Но разве змея она? Рыжий червяк скукожился. Пошевелиться не может. Объялся земных плодов до некуда! И ползти не хочется, и окукливаться лень! Умнее лежать, ничего не делать.

О, сколько народа на станции! Все скамейки заняты, но место с червяком пусто. Как вдруг?! Почему не смахнут? Да не червяк это.

Оно непревзойденное красуется. Всякий дальше отодвинуться старается, а кое-кто подозрительно поглядывает и нос зажимает.

— Где я? Где? — испуганно подумал Околевсов и ничего не понял. Он висел в нигде. Околевсов ничего не видел: ни черного, ни белого; он ничего не слышал, даже пульса и тишины; он ничего не осязал, и языка во рту, не ощущал тела; он потерял первый испуг, и испуга больше не было, пужалки исчезли, не было ни боли, ни радости, не было стремлений, притяжений и отталкиваний, не было вкуса, ОБОНЯНИЯ, притяжения. И мысль, несомненно, возникла. И мысль непрерываемо прозвенела. Великая мысль, величайшая из

великих, благодать наднебесная. А мысль необыкновенно простая: "Дерьма не существует". Именно. Дерьма, выясняется, нет. И не только в отсутствии всего. Его нет вообще. Его нет нигде. И дерьмо собственной персоной отнюдь не дерьмо. Говно, блевотина, плевки, гной, дурной запах, сифилис, СПИД, проказа, предательство, измена, обман, мошенничество, вероломство, бомжи, воры, сутенеры, нарушение заповедей — дар Божий. И где эти дары? Что прячут они? Всё — испытания, мытарства, иллюзии. Протекающей жизни нет. И человечества нет. Нет добра и зла. Нет сладкого, соленого. Нет синего, зеленого. Нет круглого, квадратного. Нет бедного, богатого. Ничего нет. Нуля нет. Бесконечности нет. И нет — нет.

Недовольные

— У нас тридцать три несчастья.

— Что еще?

— Сработала ловушка в Московском районе...

— Ну и?

— Ха! Лишь бы ловушка. Неприятности на радарх в Ольгино, в Поповке. У Финляндского и Балтийского вокзалов творится невообразимое, засечка на Софийкой, на Литейном скверно.

— А я в свое время рекомендовал: "Не убирайте, не убирайте рогатульки с Петроградской! Эмали пожалели? Или денег на погодоустойчивые кронштейны не нашлось?

— Да, вот...

— Вас обломы не касались! Средства давали! Попробуйте-ка вернуть рогатульки назад! Мастурбируйте где хотите. А щупалось-то прекрасно! Доставало на сотни километров! И кого поймали в Московском?

— Шут знает! Тестируем. Так хрен себе. Хватили по нему напряжением. В следующий раз фокусы показывать не будет! Оригинально-то как! Тела забыл дома, а сам — в дзета-пси! Ну и летел бы! Но угораздило шельмеца влезть в наши каналы: дзета дернулась на Приморск — зацапали у Песочного, а пси — на секретную базу в Лебяжьем, — занулили через два квартала.

— Это на той крыше, где электроды замаскированы под перила безопасности?

— На той, той. Мать спаси! Чуть не окочурился делец! Ничего! Дадим ему проспать, а потом выкачаем до полной усушки.

— Да, уж! А куда из Апраксина двора полигон сплывили?

— Не ваша проблема. Вы бы за собой смотрели.

— По сути, вы про-смо-тр-ре-ли! На Апраксином здорово высовываться стали!

— Ну, видишь, ныне не высовываемся. Теперь и ты не всё шаришь.

— Молодцы. Молодцы, да офигенно плохие! Развести такое хулиганство! То-то вижу, пошли помехи несусветные.

КБ-3

(seu ипостась неуловимая: ὁ μικρόν)

Пещный уже ехал в автобусе по городским окраинам. Мышцы ныли от длительной неудобной прогулки. А случалось совершать путешествия и более приятные. Скажем, на велосипеде. Дмитрий ездил на велосипеде очень редко, почти не умел съезжать на нем с горок и предпочитал проселочные дороги. Выйдя из дома и находясь в преддверии белой ночи на границе города, он до одиннадцати вечера шел пешком, ведя велосипед рядом. Затем выбирал дороги со спокойным движением. Но как следует наездившись, не заострялся на сновании автомобилей, начинал игнорировать нахально прижимавшие его к обочине грузовики, отталкивался от мощных корпусов руками, чтобы не угодить под скаты.

Последний раз он возвращался из пригорода часа в три ночи по довольно скучному шоссе. И Пещного поманила пейзажем не замечаемая в прошлые поездки боковая дорога. Он свернул. Вдали простерлись леса и поля. Дмитрий проскочил мост через приток Невы, и здесь впереди него стал выворачивать из посадок мудреный автомобиль, похожий по форме на американскую кислородную станцию-легковушку, увеличенную до размеров солидного грузовика-дизеля. "Передрали", — подумал Пещный. Когда-то малые кислородные станции с размещенными горизонтально баллонами были везде. Их закупали для авиационных нужд в третьих государствах. Да и многое еще. Едва не все напоминавшие консервные

банки контрольные приборы приобретались у компаний "Дженерал-электрик" и "Дженерал-моторс". Во время пиков холодной войны. Не от ленд-лиза же они оставались.

Автомобиль, наконец, сманеврировал и чрезвычайно медленно потащился. "Он нитроглицерин везет? — пронеслась мысль. — Это колба на колесах, самоходный реактор, а не кислородная станция. Отсылали в дикую местность выполнять молекулярное сальто-мортале". Дмитрий пристроился к автомобилю сзади по правому борту и перестал крутить педали. Техника по-прежнему ползла феноменально тихо, возникало желание отцепиться и обогнать. Рискуюя быть увиденным возможным пассажиром в кабине, Дмитрий постепенно перебрался ближе к ней: выступов, потребных для держания, хватало. Не успел заметить, как распахнулись ворота, и он очутился за стеной, окутанной сверху колючей проволокой; будка дежурного мелькнула левее въезжающего автомобиля, который удачно заслонил Дмитрия от охраны.

Предстали мачты молниеотводов и натыканные по периметру вышки для пулеметчиков. Ожидаемые взгляду фигуры в них не маячили. Вокруг располагалось необычное предприятие, что-то аналогичное и среднему ракетному заводу, и комбинату ЖБИ, но чистенькое и компактное. Объект работал вовсю. Слева шипело. В тылу ухало и бухало. Автомобиль двинулся к светлой ребристой ротонде, а Дмитрий остался на бетонной дороге. Сквозь лакуны в сооружениях удалось различить: у бетонки — форма безупречного

кольца. На его противоположной стороне набирал скорость, освещая дорогу, патрульный джип. Пещный смог оценить обстановку. Мигом мелькнуло подозрение, и он понял, где находится; улыбнулся и нисколько не возмущился: к правозащитникам или отцам русской демократии он себя не относил. "Делают и делают, — счел он. — Не исключено, в Кремле о том не догадываются". Впрочем... Вдруг модернизировались и теперь трудятся над иным? У входа нет табличек. Хоть бы повесили для маскировки. Но — смотри вперед! Едущий по часовой стрелке далекий патрульный газик или уазик рано или поздно догонит на этой бетонке. Нужно срочно сворачивать с кольца. Ехать к зданиям у Пещного не было желания, а выглядели они завлекательно. Одно из них через каждую пару секунд извергало снопы разноцветных искр. Вот праздничный фейерверк! "Познакомлюсь с этими красотами в следующей жизни", — рассудил Дмитрий.

Дорогу обнимала блочная твердыня с колючей проволокой и сигнализацией. Пещный минул еще метров пятьдесят: на бетонке — поперечная трещина; дорога пересекала ручей, похоже, ее подмывало снизу. О! Внушительная секция толстенной стены опрокинута в овраг. Тем лучше! Перелезть не надо, а проволоку легко перешагнуть и перенести через нее велосипед. Может, и сигнализация не фурычит, а если не обесточена, задевать за провод не обязательно.

...надцать минут — и Пещный уже мчался по дну лощины. Лощина и небо весьма обыкновенны, но Пещному казалось, он не на Земле, а на неизвестной планете. Чуждое присутствовало в пейзаже. Плюс потрясающая пустынность, вызываю-

шая восторг обесчеловеченность, гробовая тишина: многочисленные извивы оврага полностью убрали шумы предприятия. Дмитрий подрулил к рощице на склоне оврага, вскарабкался до середины. Перед ним — вросший в скос бревенчатый садовый домик. А вид у хибары? Подобное отрешенное лицо бывает у таежного зимовья, у лесной заимки, у сварганенного для геологических партий лабаза в зоне между арктическим плато и тундрой, и только тогда, когда десятилетие к этим строениям не приближался монстр, именуемый Гомо сапиенсом. У лачуги не хватало боковины. Пещный закатил внутрь велосипед и обеспечил себе оригинальный привал с удобствами: была крыша, две застеленные кровати (!), стол со скатертью и стулья. Сад и огород приютились в таком малодоступном углу, что хозяева не опасались визитеров. Дмитрий расположился на отдых, расфокусировал глаза и представил мчащийся джип... Но это вовсе не автомобиль, недавно гнавший по бетонке. Он существовал в других временах. Где? На некоем аэродроме или на поле аэропорта?

Эффекты № 6 и № 7

1

— Хи-хи-хи! Еще и проценты? Спите, спите, Недуев. Мы уже не ЗАО. Мы — ООО.

— ...

— ..? Переоформились задолго до вашей поездки.

— ...

— А я причём? Вы мне угрожаете? Вспомните, кто у нас настоящий мошенник.

— ...

— Ха-ха-ха! Вы, бедолаги, товар сдали! С чем вас и поздравляю! Кто его просил сдавать?! Подарили! Коль подарили, то об этом честно заявите, греха не таите!

— ...

— Я внятно повторила: "Мультиформатные рекордеры оприходованы как внутреннее поступление". Поезд ушел. Гаси свечи. До свидания!

— ...

— Ладно, Ксюша, дайте его папку с договором. Фу! Пыли-то, пыли! Хе-хе-хе! Думаете, ИЧП «Недуев»? Плохо вы дуете. А пыли собралось! Хм-м... Здесь не ООО или ЗАО! Здесь АОЗТ! Ху-ху-ху! Прощайте ИЧП «Недуев»! Скажите спасибо: до сих пор вашей фирме платили и пылищу игнорировали. Поди ж ты! Царь Горох нарисовался! АОЗТ у нас тогда было! Всё-то по дурости суётесь, прикидываетесь дочерней организацией.

— ...

— Ах! И у вас перемены! ЧП теперь называется... Энтшульдиген зи мир, битте! Мелочь залетная. Я на месте властей раздавила бы всякую

коммерческую вошь. И правильно они вас наси-
луют, сколько хотят. А почему? Вы кто? Детки
зеленые! Сосунки! Вы не расшифруете по-
старому сокращения — ЧП!.. Про ГКЧП небось за-
были!

— ...

— Я, в отличие от вас, в Турцию не езжу. У
меня чучмекского загара нет. Ах, он, видите ли,
ездил не на курорт. Он, смотрите-ка, подрабатывал
челночком. Знаю вас! Лежали, задрав трусы, на
пляже! Или вообще без трусов! Вот Ксюша под-
тверждает кивочком.

— ...

— Оборудовали? Лепите сказки! Не запра-
вляются картриджи ваши. Каждый раз нужно но-
вые покупать. Лучше ответьте, большой вам от-
стегнули пешкеш и много ли сами отвалили?.. А
настольные лампы?! Согласна, зрение не портят,
не надо на них бумажки вешать или обматывать
скотчем. Зато тускло. Блоки питания? Что за бло-
ки питания к вашим лампам? Они жареной пласт-
массой воняют. Умные люди уверяли еще, от них
идут окислы азота и озон. Печенки у нас ноют,
мигрень у половины. Бухгалтерия? Могут там
включить радио? О каком радио речь?! Ваши бло-
ки питания мощнее глушилок! Одно тр-рр-рр в
динамиках — и без станций. И пропускает Гос-
стандарт! Или подделки? А к мобильникам заряд-
ные устройства? Опять — одно тр-рр-рр! Утюг и
тот воткнуть в сеть нельзя. Из магазинов идет
возврат. Вас за третью ногу повесить мало!

— ...

— Прощайте! Прощайте! Освободите, пожа-
луйста, помещение.

— ...

— Хватит. У меня нет времени, а в приемной
десять рыл. Вон!

— ...

— Не по-русски сказано? Сейчас вас отсюда выбросят на кладбище или милицию вызовут.

2

— Что, Шадрин? Остались мы с тобой без денег. Будут идеи?

— Гранату им в окошко. Или лимузин их поднять на воздух.

— Фу! У кого-то голову чуть оторвет от шеи, но у тебя в кармане не прибавится. Кумекай, Шадрин.

— А пожаловаться Паше Косидовскому! Ехал с нами в одном вагоне. Три купе занимал. Хотели мы сунуться к нему с техникой — тут же четверо узкоплечных цоев налетело, запели похоже, но решительней. Могла быть крышка, если бы хозяин не заинтересовался.

— Молодец, Шадрин. Я тоже подумал о Косидовском, но на какой козе ты к нему подъедешь?

— Да вы, друзья, вижу, не проспались сегодня, — отвлеклась от зеркальца Вика. — Вынь да положь Косидовского. Почему не Потанина? Не Черномырдина?

— Этих двух мы не встречали.

— Угу! Косидовский вас пригласил в гости или дал личный телефон?

— Телефон канцелярии.

— Уморили! Общий отдел и в зеленом справочнике есть. А Косидовский вас забыл, не успев увидеть.

— Что скажешь, Шадрин, на это? — выдавил из себя Недуев.

— При чем здесь справочник? Косидовский допытывался о твоей фильмотеке.

— Не помню.

— Пить нужно меньше. Он расхваливал первую серию "Рукописи, найденной в Сарагосе" и осведомлялся, не знаем ли мы необыкновенный фильм с запутанным кладбищенским сюжетом, но без пародии.

— У меня ничего такого...

— А балакал, есть! Совсем косой был?

— То обрывки, фильмы без начала, без конца... Фантастика. Тяжелый китайский фильм о старинных подводных лодках на человеческой тяге и другой — об очередной мировой войне: самолеты с атомными бомбами; самолеты в космосе; ракеты с фюзеляжем и экипажем. Наподобие "Нормандии — Неман", но страшнее: не просто горящие хвосты и дымные шлейфы — сплошные атомные грибы. Название китайского не восстановить, а фильм об атомной войне — "Сновидения авиатора".

— Не слышала, — перебила Вика.

— Это неофициально записано с целлулоида пятидесятых. Мне все досталось после погромов клубов любителей кино.

— Погромы?

— В свое время истоптали, искрошили не дающее дохода. Во всяком случае, зацепка у нас есть.

— А что надо? — изумился Шадрин.

— То и надо. Купит Павел фильмы, а дальше? Наши пропавшие семьсот тысяч для него мелочь — и возиться с ними не пожелает. Даже подарить их из доброты душевной или сахарного настроения аморально. Ни один Сорос такого не допускает. Понял, Пачеко? Иди, паси овец.

— Понял, — недовольно процедил Шадрин.
— Козы бегали у режиссера.

3

Толстяк чудовищных размеров, директор КО-ЭСЭМ-ФАРО банка, лежал на Ленинском проспекте в мутной луже. Слегка выпяливались ягодицы. Тонкая куртка была надвинута на голову. Окружающие не дергались.

— Смотри, простудится, — шепнула Вика.

— Пусть немного полетает в иных мирах. Наверняка опять проиграл в рулетку твою зарплату на полгода вперед. А потом надрался за чужой счет, — так же шепотом, резко кривя края губ, но еще и цедя сквозь зубы, ответил Георгий. — Рядом находится веселенькое заведение. Клянусь, оттуда его выкинули для потехи.

— Как он без челяди оказался?

— Кто теперь ввязывает свидетелей в клубничные дела? С некоторых пор ими занимаются инкогнито.

— Сам-то ты бывал на этой клубнике?

— У юрисконсультов подобного в прямом и переносном смысле — пруд пруди. А веселых дел хоть отбавляй. Да ваши взять...

— Ты про бумажные рокировки? От них не просто обалдеть, от них можно упи, — Вика почему-то споткнулась и поперхнулась слюной, не договорив до ясности литературнейшего слова.

— Именно "упи", — усмехнулся Георгий, подхватывая спутницу. — Ловкость кое-кто другой использует, а мне...

— На что намекаешь?

— Хо-хо! Не удержала тайну десятью минутами раньше. Тебе заметнее, как у вас выдирают из скоросшивателей, задним числом оформляют и подменяют. Если бы у себя! Синхронно ухитряются дублировать в вышестоящей. Благо, там созрела революционная ситуация. Комар носа не подточит. Все учла бабка, но слишком поспешила.

— Ну, ты даешь! Где пронюхал?!

— Иначе реально подготовить три конторы к арбитражу?

— Не хочу арбитража.

— Его и не будет. До того между собой разберутся. Бумаг в достатке. Плюс упавший с неба фьючерс для Косидовского, плюс акт об ответственном хранении.

К тротуару подкатил сияющий новизной и блеском солидный шевроле. Высунулась коротко стриженная южная голова:

— Здравствуйте! Разрешите к вам обратиться?

— Пожалуйста.

— Я человек нэ мэстный. Я человек прыежий. Остановился в мотеле. Попал в аварию. Звэрски памяти. Всэ дэнги на рэмонт отдал... Но у меня хороший ест инструмэнт. Купитэ по дэшевке. Аш в пят раз мэнше протыв прэжнэго.

— Нам не нужен инструмент.

— Дорого не возьму. Всэго ничэго. Купитэ!

— Не требуется.

— Лютшего инструмэнта ныгдэ нэ найдэтэ! Всего-то восемь тысяч! Спасыба мне скажете!

— У нас и денег нет.

— Да вы бедные?! Нищие?! Плачете и ходите по улицам, побираетесь! — вдруг потерял акцент

"южанин", злобно захлопнул дверцу и унесся, оставив тонкое облачко.

— Фу! Зря он так закончил. А до этого какой был сладкий голос! "Тысяча и одна ночь!" — огорченно вздохнула Вика.

— Рахат-лукум! Халва в шоколаде! Думай сама... Вижу седьмого актера за последние двое суток. Вот он нынешний промоушен! И вообще мир. Не беспокойся за арбитраж.

4

Недудев рассматривал ларек. Поверх стекла его облепляла посторонняя реклама, изнутри — собственные объявления. Ценники топорщились, строчки располагались косо:

БУ ГЕР
ХОТ-ДОГ
ЧАЙ-КОТЕ

"Что за ЧАЙ-КОТЕ? — напрыг извилины Ипполит. — Дефис у них вместо тире или точки и частично съедена буква "Ф"? Ведь не афиша Кето и Котэ"...

И тут до Ипполита дошло: весь день котиный, и едва не расхохотался. Вчера поймал удачу, сегодня смеялся всё утро и не мог остановиться. Почему? Раным-рано включил радио и услышал некую кошатницу:

— Петр Первый казался очень похожим на кота. Его и звали Котом, и одежда у него была, как у Кота в сапогах. Петр Первый происходит из ко-

тино́го рода, и фами́лия у него́ должна́ быть *Кошкин* и то́лько по случа́ю сде́лалась *Романов*...

Недуев терпел до речения:

— ...Кот царского повара поймал мышь, приволок ее на кухню, вспрыгнул на стол и положил лакомую добычу в знак признательности на фарфоровое блюдечко. В качестве подарка. Разозленный повар выгнал кота вон, а потом убил. После этого кошки в городе исчезли, их перестали привозить. Петр Первый приказал вернуть кошек в Петербург...

Недуев не выдержал и принялся хохотать. Он выключил радио, вышел из дома, но по дороге чуть не беспрерывно подхихикивал. И здесь — "ЧАЙ-КОТЕ"! Реально ли такое? Возможно ли?

— Котэ! Котэ! — раздался грубый медный бас.
— Котэ! Я говорю!

Недуев опешил. Веселью приходил конец. Революция не удалась. Оглянуться, посмотреть по сторонам побоялся, заломило во лбу, но Недуев украдкой таки поозирался: рядом ни души... Увидев приближающийся красный автомобиль, Ипполит проголосовал. Сказав "прямо", сел. Машина проехала метров эдак — водитель нажал кнопку. "Коте! Коте!" — загремело из динамиков. В голове заломило сильнее.

— Петр Первый был потрясно похож на кота! Его и звали Котом! — заорал Недуев во все горло. — И фамилия Петра Первого должна быть Кошкин!"

Шофер не произнес ни слова, подрулил к тротуару и вытолкал Ипполита вон.

Употреблять Шадрину запретили после операции. И Шадрин не употреблял. Но теперь-то праздник! Удача! Пусть Ипполит ждет до среды. До официальных церемоний. Его воля! А остальным зачем? В кои веки представилась возможность отдохнуть. Лето пропадает, вспомнить о нем нечего. Кроме приблудных ерунденций. Вот дня три назад пришлось вытащить с газетами рукописный текст:

ПЕЧИ-ПОЧИ

Дважды перепиши настоящую записку или размножь. Получившиеся экземпляры кинь в почтовые ящики подъездов подальше отсюда. Печи-кочки!

Коли бросишь в разные ящики не меньше пяти листков — у тебя здоровья прибавится и от старых недугов начнешь излечиваться, а потомкам твоим и хорошим родственникам в их жизни повезет. Печчи-поччи!

Но ежели не выполнишь того, что тебе сейчас Господь велел, — не пройдет и десяти дней, у тебя печенка лопнет, почки отвалятся, а потомки твои карлами станут. Ночи-почи! Эта записка заговоренная, заколдованная!

Есть же идиоты на белом свете! Или дети писали? О лете нужна зарубка, отображение. Именно! Как там песня песнит? В греческом зале, в греческом сале. Хоть и в греческом. Предположим-с. И наливаем-с! Самому себе! Фигли нет? Взял и налил. О-ох! Печи-почи! Пошла, чертовка, с пер-

вого раза нормальком... В зале древнегреческом. А? Тем более шишка в наличии. Ши-и-шка, а не просто шишак! Еще наливаем! Оо-ох! Будто основная часть мозга снаружи находится. Не у всех бывает. Оригинально. Ориентально. Жаль, не защищена. Что с ней делать? Ну, оторвут такую ценность? Мозго-небесный половой орган! Четвертый глаз. Еще наливаем! Оо-ох! Но вдруг о притолоку нечаянно ударишься? Каску лучше носить? Или специальные бронированные очки, вернее, очко? Врачи ничего не рекомендовали? Почему у них не спросил? Бог с ними... Еще по маленькой? С кем это по маленькой? С кем? С шишкой-шишаком? Почему бы и нет? Чем шишка хуже субъекта федерации?! И отделиться может. А возьму и нарочно ударюсь. Защищит она или нет? Ударю мозговую шишку и узнаю, что случится, если ей достанется. Оо-ох! Сколько терпеть? Сколько мучиться от неудовлетворенного любопытства? Вот немедля устрою ей карате...

Пардон. Где я? Где? "Небось почки отвалились", — решило коллапсирующее субтильное оно, бывшее когда-то Шадриным.

КБ-4

Дмитрий летел то ли из Читы, то ли из Иркутска в Москву. Скорее, из Иркутска. Самолет совершил промежуточную посадку в аэропорту областного города. Этот Ту-134 почти пуст. Не подоспей ВИА из Бангладеш — рейс бы отменили. Кроме иностранцев запомнилась молодящаяся пожилая дама с мальчиком и два краснорожих агронома, опаздывающих на конференцию. Пещный походил по залам аэропорта, погулял по площади вблизи него и понял: утекло много времени, около полутора часов, а отбытие не объявляют. Зал ожидания поражал безлюдьем: и артисты из Бангладеш, и агрономы, и дама с мальчиком куда-то пропали; ресторан и туалеты закрыты на профилактику. "Объявили посадку, когда был на улице," — пришло в голову. Он ринулся к проходам со стойками, но только щелкнул заблокированным турникетом, дежурные отсутствовали. Пластинки табло под надписью "ВЫЛЕТ" бесконечно перекидывались, не предвещая ничего постижимого. Захлопнуто окошко справочного, не работает ни одна касса. Пещный, подобно курице, не находящей пролазной дыры в штaketнике, стал метаться вдоль стены, примыкающей к летному полю. Минут через семь он оказался рядом с дверью туалета. На ней по-прежнему кособочилась табличка "ЗАКРЫТО". Запертая дверь на этот раз возмутила Дмитрия до глубины души и придала ему недостающую пассионарность. Амплитуда колебаний той силы, которая носила Пещного, резко увеличилась. Точно в грезе, возник выход на

летное поле и начал словно всасывать его внутрь себя. Пещный прошагал мимо будки охранника, его зеленых петличек, и, в отличие от бредущего впереди авиатехника, не подумал показывать некое служебное удостоверение. Охранник лишь смерил Пещного оценивающим взглядом.

На поле Дмитрий увидел: Ту-134 — на старом месте, с выключенными двигателями и без трапа. В стеклянном отстойнике для пассажиров — никого. Но Пещный уже не мог затормозить. Его понесло по летному полю туда и сюда. Периметр поля объезжал несерийный джип с перевернутым глушителем, иногда ехал не по кругу, а по кривой циклоиде: сворачивал к самолетам, а затем, добавляя огромный портняжный шов, устремлялся к краям поля. Довольно часто Пещный сталкивался с авиатехниками, но никто из них не обращал внимания на человека в полушубке и с портфелем. Извне Пещный, пожалуй, напоминал какого-то здешнего служащего. По полю он побродил досыта. "На джипе ездит не просто охрана, а стражи границы! — сообразил Пещный. — А сам-то я недавно миновал будку погранца..."

Пещный отправился в отстойник и там уселся, дожидаясь пассажиров. "Но это глупо! — размыслил он, — в документах должны быть отметки!" Пещный собрался уходить с поля тем же путем, но второстепенные фибры сердца крайне возмутились. И Пещный опять принялся дефилировать среди снующих техников. Он не зрил ни малейшего смысла в их муравьиных перемещениях. В это время группа пассажиров с приземлившегося раздолбанного ИЛа-62М хлынула в электромобиль-подкидыш. Эврика! Дмитрий забрался

в подкидыш с ними и успешно удалился с несчастного поля.

В зале ожидания он обнаружил исчезнувших людей своего рейса. Почти все они во главе с бортпроводницей, по кличке "Мандрагора", ездили на автобусе в достопримечательный гарнизонный универмаг. Мудрой стюардессе надоело приторговывать нетрадиционными заменителями аэрона, и она решила занять себя иначе.

Началась посадка в самолет на Москву. К трапу с визжанием шин подъехал патрульный автомобиль. "Что бы это значило?" — подумал Пешный. Из джипа вылез пограничник, похоже, тувинской национальности, и спросил у артистов из Бангладеш, не ламаизм ли они исповедуют. Вопрос вызвал большое оживление у иностранцев.

Полгода спустя уже в другом лайнере, "Боинге-737", Пешный разговорился с соседом — офицером, служащим в таможне того коварного аэропорта. Офицер непререкаемым тоном заявил:

— На взлетно-посадочную полосу чужой не пройдет ни со стороны зала ожидания, ни со стороны леса и луга.

Пешный промолчал и улыбнулся: со стороны леса, луга и пашни он проникнет куда благопотребно, даже на территорию, охраняемую овчарками и автоматчиками. Такое он вытворял с шести лет: шлялся по полигону, разыскивая детали для самодельного передатчика. Нечего рассуждать о поле, на котором наблюдательная вышка, проводлока, канавы с водой и патруль.

Эффекты № 8 и № 9

1

Когда Евгении Вокульской исполнилось тринадцать лет, светила медицины напророчили ей скорую гибель. Будто бы от лейкемии. Сообщили, конечно, не ребенку, а матери. За обещанный период Вокульская не умерла. Оберегаемая богатенькой мамашей от любой пылинки, все-таки не превратилась в неженку; с задержкой получила аттестат зрелости, а после и дипломы двух институтов. Лицом она смахивала на Айседору Дункан. Манеры и одежда подчеркивали сходство ощутительнейше. Дважды она была замужем за военными из отряда космонавтов. Впрочем, оба высоко не летали, оставались дублерами.

Ни за какие коврижки она не соглашалась прозябать в Крыму или Грузии. В детстве Вокульская трижды побывала в Артеке; юг и неуловимо источающее ядовитый сероводород Черное море ей смертельно наскучили. И знаменитостям, обитавшим или гостившим на его берегах, судьба не улыбалась: Чехову, Волошину, Грину, Борису Бугаеву, Хрущеву с Горбачевым. Даром этот яд и стимулирует, и понуждает совершать подвиги, проживать с десятков жизней за короткий срок. Но Евгения решила: именно ей, простому человеку, удлинять надо жизнь, а не сокращать, — и предпочла отдыхать на островах Белого моря. А однажды у Кандалакшского залива

увязалась с экспедицией в поход вдоль Северного морского пути и дошла пешком до Обской губы.

От Артека — в Арктику! От крымских "Ри-нейских" гор к Рифейским горам стеклянно-прозрачным, незримым, заблудившимся в пространстве и времени. В детстве, в Артеке, она старалась не приближаться к пляжу и не загорать. Нашелся медик, который одобрил ее поведение. Он привел в пример несколько очень известных дам, обостривших состояние организма отдыхом в тропиках и субтропиках. Никакого Крыма, никакой Болгарии, Испании, а тем более Шри-Ланки или Мальгашской республики!

Сегодня в Краснобухтинске она торопилась сесть на атомный ледокол. Ничего странного. Случались и чище гандикапы. Опоздаешь — и плакали съемки фильма о птичьем базаре. Главное — успеть, а орнитологи найдутся: отредактируют, прокомментируют. Был у нее опыт неудачного фильма. Хотелось доснять, а что-то и переделать. Но прорваться на ледокол гораздо сложнее, чем среди ночи пройти на крейсер «Аврора». На спор ей лет пять назад удался фокус. Евгению тогда возбудило происшествие: в одиннадцать вечера сильно подпившая девица на виду у смеющихся интуристов пыталась вбежать по трапу на крейсер. Надменный караул всякий раз преграждал ей дорогу или отталкивал. Там у Нахимовского училища Вокульская заключила пари: "Пройдет на «Аврору» этой же ночью!" И действительно прошла.

С первого взгляда стало ясно: обращаться следует не к одетым в морскую униформу роботам-истуканам, но к лихим орлам с бескозыркой набекрень. Пусть лишь покажут веснушчатый нос!

Теперь предстоял шаг серьезнее: попасть на отчаливающий корабль и уйти в плавание. Оправдательные документы, рекомендации в наличии, но мало ли кто может их дать! Им и не поверят. Никто не обязан их учитывать. Оставалось пожалеть, что горкомов и обкомов не существует. Но есть же люди, которые всё могут! Через три часа хождения по активным точкам города она оказалась на приеме у нужного человека — всего-навсего мелкого портового чиновника, директора базы, но он не проявил к ней внимания, не кивнул головой, не отвлекся ни на мгновение от давно начатого телефонного диалога:

— Крана и трех машин хватит? Гришь, норм? А паприки моржовой не желаешь? Ишь, ты! Шамотный кирпич еще! Строительных материалов не имею... Ха! Ха!.. Помочь... С какой стоперцовой я помогать брошусь? ...и черт с ним помогал. То было раньше. Теперь дундуков мармеладных не найдешь! Ну... Ну... Мети давай, мети...

— А дизтопливо вообще не жди. Ишь, чего захотел! Дизтоплива ему налей!

Директор настороженно вслушался в голос с другого конца провода, изменился в лице и злобно-коварным матросским тоном продолжил:

— Ты здорово разжился конфискованным товаром на архангельской таможне. Так уж разжился, так разбогател. С четырьмя левыми кон-

тейнерами и полным трюмом пижонской всячины пришел. И не лопнул, паразит! Да слышал я, слышал! И даже видел. Шведское и английское вывалилось... Пофиг, значит? Как шурупить?! Сергею — куртку, Митричу — пальто, полковнику — куртку. Вахтер кривой в гараже, и тот новой кепкой обзавелся... А мне ты что подарил?.. Не заговаривай зубы, не заговаривай! Не получишь дизтопливо. Лучше не подползай. И в бочках не получишь. Шамотный кирпич ищи, где хочешь! Смотри, разлакомился! Тебе и дачу с мезонином отгрохать?! Держи карман пузырем!

"О морская душа!" — отозвалось в Евгении, когда она прикидывала, во сколько баксов обойдется просьба, и наобум сочла: ходатайство будет стоить ровно две бочки японской солярки. "Вот ведь японцы, — возмутилась она, — нефти у них нет, а солярку в бочках продают!"

Догадка подтвердилась.

— Приобретите по коммерческой цене две бочки дизтоплива для вседорожника и у меня же их оставьте. Постигаете, почему две?

— Не подозреваю, — удивилась откровенности Вокульская.

— Оттого, что судно двойного подчинения. Достаточно убедить и одну сторону. Здесь многие друг друга знают. Но накладки не редкость. А зачем вам проблемы?

— Незачем, — отчего-то согласилась любящая разные искусственные сложности Вокульская.

Непросто оказаться пассажиром на полувоенном судне, но Петру Дюмову повезло. Прибегать к старым ухищрениям, а тем более прятаться в подготовленных к погрузке ящиках или контейнерах не понадобилось. Петр воспользовался праздником в Краснобухтинске и днем открытых дверей на судах. Подниматься по трапу в качестве индивидуального посетителя он поостерегся и вовемя примкнул к экскурсии. "Отстану от группы, затаюсь в трюме, а через пару суток после выхода корабля в море доложусь начальству. О своих тючках, кои вольнонаемные штатские внесли неделей раньше, до прояснения ситуации промолчу, но покажу корочки, направления и прочий бумажный хлам. Менять маршрут из-за ерунды не будут. Да и капитан решит вопрос сам. Возможно, не подумает никуда радировать о зайце. Главное — некоторый лишний офицер... А если уже и нет такого?"

Сперва Дюмову пришлось несладко. В переделках бывал, но, сидя у перевязанных канатами штабелей, он ни с того ни с сего почувствовал неудобство и смертельную скуку. Внутри кипела неутомимая энергия... "Чудеса! — удивился Петр и ради самосохранения принял фенотарбидат. — Успокоиться, а то и заснуть..."

Но Дюмов что-то не рассчитал, и в итоге родился каламбур: спустя восемнадцать часов, командир атомного ледокола Лидин схватил за запястье ученого-ботаника, вознамерившегося бесплатно доплыть до мыса Вранова. Беседа про-

текала тихо и непринужденно, а по беглому осмотру бумаг — почти доверительно, но запястье капитан 1-го ранга сжимал крепко. "Так старший гомика кадрит младшего, — улыбнулся про себя Дюмов. — Чую, невесело кому-то от неважной побывки. Суша страшнее моря... Нейдется морячку развеяться, спастись от всяких сверлящих мыслишек".

— Знаем мы всё, знаем! — повторял Петр, — Но знание не всегда помогает. Вот в чём вопрос. Ныне среди ведомств — путаница.

Эти мирно беседующие шли по палубе. Ботаник заметил на идеальной поверхности откровенное непотребное пятно, потом другое, третье... О! Способ отвлечь капа!

— А вы твердите, тут полный ажур! Дисциплина и порядок предельные! На корабле, где большая часть экипажа — военные моряки?! — изумился Дюмов, указав на следы чьих-то грехов.

— К морякам не имеет отношения. Неожиданности от вашего полку. Чуть вам не коллега — женщина-ученый, пишущая докторскую о методах очистки корабельных стоков. Мне сообщили о происшествии с ней.

— Происшествие разве? Морская болезнь, хотите сказать?

— Нет. Виноват мой помощник. Он... Ну, да что замазывать? — Разоткровенничался командир, на которого нахлынуло смешанное с мстительностью игривое настроение. — Он, между нами говоря, выпросил у нее пол-литра гидролизного спирта. Известно для чего, но и для... И ляссы ему поточить, да приударить немножко. А ей нервно... Взяла и дербалызнула с помощником

за компанию. Плюс, возможно, морская болезнь. Прежде не плавала, посылала мужчин-ассистентов. Этот раз вышла в рейс сама. Результат видите. На судне есть еще женщина, но не из числа разработчиков, настоящая пассажирка. Вам бы с нее пример брать. В отличие от фокусников, у нее — посадочный документ.

Перейдя на правую сторону, командир и Дюмов оглянулись на истошные крики. Два мичмана крутились вокруг лежащего, раздетого до пояса человека, обливали его из брандспойта. Ноги и руки истязаемого стянуты толстым витым электропроводом. Человек, похоже матрос, бился о палубу и орал:

— Фашисты проклятые! Из-за вас атом в голову попал!

— Какой ему матом попал, — пренебрежительно пояснил командир, — у реактора не пробыл и десяти часов. Завихрения и без атома! Наверняка письмецо получил со своего хутора: де невестушка загуляла или иное в подобном духе. Вот и принялся стучать лбом о переборки. За год — второй чокнутый. Кого ни призывают! На гражданке или в пехоте, может, и не свихнулся бы. А здесь — Крайний Север, глухомань, тюлени и белые медведи. Одни сразу приживаются, а кто-то начинает мнить себя парашютистом, у которого не раскрылся парашют. Пассажирка — а она немало лет в Звёздном городке прожила — считает: "В космонавты и полярные моряки далеко не каждый годится. Человек из дюжины, если строго мерить".

— Потому и существует выражение: "недюжинный человек" — не совсем искренно поддакнул

Петр, продолжая представлять недавнюю сцену с брандспойтом.

— Звучнее фразеологизмы: "недюжинный ум", "недюжинные способности", — уточнил командир. — Вы не смотрите на мой китель. Я до училища сдавал сессии на дневном отделении филфака. О море, признаюсь, и не мечтал, да подтолкнул военный комиссариат.

"Ох, чуял, не то говорю, хотя..." — прозрела мысль у Дюмова.

— Экстравагантно вы скоротали сутки, товарищ исследователь, — остановился у двери капитан.

"Хорошие шансы, не будет особенно допрашивать гидролизный помощник," — думал в это время Петр.

3

Дюмову как ботанику мыс Вранова не нужен. Петр окончил школу в колонии. В местах, не столь отдаленных он после плодотворной беседы с многомудрым зэком, пришел к выводу: его путь — на кафедру высших растений Санкт-Петербургского университета. А раньше, еще до посадки, его важивали по взлётке Двенадцати коллегий. Коридор казался огромным и миражным. Сопровождающий для понта решил провести Дюмова через всё здание от и до, хотя необходимость в долгом скитании отсутствовала. Шагов за тридцать до библиотеки Петр без всякой причины оторвался от самодовольного гида. В "предбаннике" одной из аудиторий он уперся в доску объявле-

ний. На доске чей-то хулиганский оранжевый фло-мастер грандиозно начертал:

СПОРЫНЬЯ РЖИ — LCD

Что такое спорынья, что такое LCD, Дюмов не ведал, но надпись его впечатлила. Потом в Крестах он докопался: спорынья — грибок, низшее растение. Там же на Арсенальной ему внушили: низшие растения — это говно, ими занимаются исключительно жены полковников.

На пятом курсе любимец академика Бахова студент Дюмов впервые испытал сомнение. Он задал себе вопрос: "С экой стати в моем плеере взамен рок-музыки крутятся записи профессора Мальчевского с голосами птиц?" Лишь на третьем году аспирантуры, выйдя из Ботанического института и направляясь по Аптекарскому острову к Карповке, Дюмов внял истине: его призвание — не высшие растения, а поведение хорьков и загадки перелетных птиц. Зоологом Дюмов не был. Чем связаны хорьки с птицами, не знал, но нутром ухватывал: птицам наплевать на звёзды, солнце и магнитные поля. Они выбирают маршрут по другому принципу! Стремятся вернуться на сгинувшую родину — Арктиду-Гиперборею. Да что-то извращает их небесную дорогу. Изучать секреты пернатых лучше на примере голубей. От заядлых голубятников Петербурга и Тихвина Петр ничего актуального не услышал.

Прочие расспросы привели его в среднюю полосу, в тот край, где косолапым мишкам тамбовский волк приятель. Говорили, тамошние спортивные голуби преодолевают расстояние чуть ли не в пару тысяч километров. "Чушь!" —

думал Дюмов. Но ему сообщили: де в мозгу сизарей есть рисунок рек Цны, Кашмы, Разозовки, а видят птицы Тьму, Кашму, Разозовку, реку Серп и многочисленные балки вовсе не глазами. На моршанской барахолке Петр разжился кучей литературы по голубиной охоте. Сего не выдавали БАНЫ и МБА! Ему пришлось убедиться: снег в конце июня лежит не только на вершинах гор, но и на склоне фантастического оврага за Рясловкой.

Шестерых хорьков Дюмов купил в деревне Сарымовка близ станции Ракша. Почему станция называется Ракша, а не Сарымовка — Петр решительно не мог понять: ЖД-постройки и дома деревни отделялись друг от друга рельсами и не более того.

На четвертом пути стоял казахский пассажирский состав. Запах тепловозного дыма перебивался чем-то азиатским — смесью духа горелых валенок и бешбармака. Человек десять недорослей, теснившихся на том месте, где положено бы находиться перрону, разъяренно кричали. Кинулся в глаза флаг с белыми буквами на алом фоне: НБП, в руках двух девиц трепыхался на ветру транспарант со стихотворением:

Целиноград, Актюбинск.
Гурьев, Павлодар.
Караганда, Шевченко.
Усть-Каменогорск...

.....
.....

— Ваши? — спросил Петр продавца, кивая в сторону молодежи.

— Не-е! Самарские. Практику здесь проходят, — собеседник сунул в угол рта самокрутку и стал прикуривать от ломаной спички.

К этому моменту Петру надоело торговаться:

— Тако-ое красивое животное и — неблагозвучное именование! — воскликнул он, держа хорёнка на сгибе локтя и поглаживая по шерстке.

— Да уж! Красивое! — ехидно заметил, дохнув махрой, продавец — низкорослый, но мощный мужик с необычно черным и широким русским лицом.

От бешбармака и валенок остались светлые воспоминания.

— Кто бы заподозрил! Бывают ручные хорьки! — продолжал Петр и внезапно представил леонардо-да-винчевскую "Девушку с горностаем". Хм, не горностаи позировал!

Еще в детстве Дюмов слышался других историй. Хорьки, де, иногда ведут себя подобно рысям, набрасываются на людей. А некий хорек, выбравшийся из кожаного мешка, будто бы перегрыз горло спящему охотнику.

Дюмов-подросток не опасался темноты, разгуливал ночью по кладбищу, один ночевал в сарае. Но после рассказов о бешеных хорьках его около месяца донимали явления, родственные вульгарным страхам. Правда, Петр, в отличие от массы сверстников, ничего не боялся с трех лет; даже плакать он в три года научился полностью и окончательно (загипнотизировала фраза: "Плачут только девочки"), но мистика была та же. Темнота обрела жгучесть! Она разрежалась и сгущалась, а сгущаясь, искусно производила плотных тварей неистребимо обтекаемой формы. В любую

секунду эти монстры могли открыть пасти и испустить либо смертельный огонь, либо — всепожирающую тьму. Особенно темнота любила сгущаться в углах и под диваном. Утром Петя заглядывал под диван: "А нет ли хорьков?" Хорьки воображались не рыжеватыми, но цвета сажи, как сама тьма. Из царства тьмы они переселились в сновидения. Сперва они вели себя во вселенной снов спокойно, а потом стали верещать по-крысиному, носиться и разрушать перегородки между разными сновидениями. Из сегодня они нагло проникали в позавчера, а из позавчера находили трамплин в звончайшую даль, которую не постигала мысль. Не тогда ли у него зародился неясный интерес к семейству куньих?

"Мир устроен иначе, чем кажется. Он похож на перегородки между снами. Хищники и перелетные птицы примкнуты ко времени, неведомому человеку и травоядным животным, — много раз думал взрослый Дюмов. — А зачем нужны перелетные птицы — легко постичь. Вирусы — главные существа на Земле. Они — боги, они — космические пришельцы. По звериным тропам эти «начальники» распространяются слишком медленно, но должен быть быстрый обмен кусочками нуклеиновых кислот в организмах. Не то планета остановится".

Через полгода сарымовские хорьки и загрызли спортивных голубей. Присутствие горного духа, биение жизни Петр Дюмов ощутил, когда узрел пух, перья и разбрызнутую кровь... Нельзя было раньше прорюхать связи хорьков и голубей! Природа подсказывает: высшие растения выше всего! Действительно выше, но на мыс Вранова Петр

направился из-за неискоренимого стремления наблюдать повадки птиц.

4

На следующий день Дюмов беседовал с Воккульской.

— Вы физик или радиопизик? — переспросил Дюмов.

— Фи-изик, — растягивая слоги, ответила Евгения.

— СПбГУ?

— МГУ.

Физики из МГУ, да и любого нездешнего "ГУ", Дюмову нравились больше. Там другие споры, там новенькое. А в Питере... Дюмов усмехнулся. В Петербурге разных штурманов мегафюси-са он знал немало. Одни, очень талантливые ребята, но с неловкими, неуклюжими руками, вставленными не тем местом, по каким-то министерским причинам попадали не на теоретическую физику, а куда занесет, на кафедру спектроскопии, например. И превращались в мучеников.

Иные будущие великие физики сразу раскусили: теоретическая физика в действительности есть физическая математика и потому поступали не на физический, а на математико-механический факультет. Ах, увы! Закончив матмех, на физфаке они не оказывались, оставались при своих интересах, то есть не тех.

Третьи, жители Оренбурга или Тынды, предполагали: на чистый физфак им не попасть и по-

сылали документы на радиофизическое отделение. "Будем учиться на радиофизическом, а заниматься квантмехом!" — мечтали они. Но, получив по голове зачетами, вообще переставали о чём-либо думать.

Четвертые, слишком продвинутые, наслышались историйки: Альберт Эйнштейн изучал Канта, Гегеля и Маха. Понял ли Эйнштейн Канта и Гегеля, не проверяли, но сами они тотально в них не вникли. Оттого, прежде чем пойти на физический факультет, решили окончить философский.

Пятые считали: миру требуется небывалая сверхсложная теоретическая физика, чуждая утвердившимся принципам. Дабы засесть за создание такой физики, нужно изменить человеческий мозг, модифицировать его конструкцию. Физиологию мозга изучали на биофаке, и эти смекалкины заявлялись не на физфак, а на биолого-почвенный факультет. Конкурс на него — весьма внушительен. Зачислившись на биофак со второй или иной попытки, гордые будущие великие физики шли в биофаковскую библиотеку за учебниками. Рассказывая дежурный анекдот об Ульянове-Ленине и физиологе Павлове, библиотекарь выдавала им два десятка книг. Среди тяжелых томов не было ни одного, в котором что-либо путное говорилось о мозге! Зато присутствовала зоология беспозвоночных, ботаника... "Какое отношение имеют жучки-паучки и тычинки-пестики к суперфизике?" — спрашивали грядущие великие физики.

Других проклюнувшихся сверхфизиков еще не осенило, до них не доходило, и они кляли себя за прохождение на биофак СПбГУ. А не МГУ! "В

МГУ специализация с первого дня!" — кричали они.

Шестые физики сообразили: по большому счету физическая теория — за бугром, то есть Там, а не Здесь. России не шибко везло на быстрых разумом Невтонов. Что надо? Надо заработать деньги на учебу, выучить пару ленгов и ехать в Европу и Америку. Просто как пареная репа! Только в процессе добывания грошей да изучения "ленгов" мозги физиков протухали и становились неспособны к восприятию формул.

"Вот почему у нас исчезли Ландау!" — говорил в подобных случаях Дюмов, но догадывался, почему они перевелись на самом деле. Один из таких Ландау, опубликовавший пару статей по квантмеху в международном журнале, отчего-то заведовал котельной в далеком поселке. Ну и?.. На Черной речке жил логик с необыкновенными мозгами. Титан мысли. Вначале он блистательно посрамил в американских и британских логических сборниках Куайна с Расселом, а потом успешно пополнил собой племя фрезеровщиков.

Вокульская в оные разряды теоретиков не попала. Она была дамой и училась в Москве, а не в завиральном Петербурге. Застреть в нем она стала гораздо позже.

Дюмов пристальнее взгляделся в почти не улыбающуюся губами Вокульскую: ее лицо откровенно смеялось; затем пристальнее. Евгения озарилась неслышным смехом еще пуще. Он ничего не понимал и уже ошалевал. Та принялась беспардонно ухмыляться. Лишь минуты через полторы он удивленно, и не веря самому себе, воскликнул:

— Сестричка... Женья!

— Братец Петр! — иронически произнесла Вокульская. — А я тебя с первого взгляда узнала, вспомнила эти свечи, блески, восточную музыку... и странное Общество Саи Баба на Бумажной улице.

"Что за новости? — задался вопросом Дюмов. — Может, я и правда <....б..>? Женский пол встык не замечаю", — и продолжил слова Евгении:

— Какие там помпезные волшебные сады! Рай и воскресение из живых полумертвых! А бирюзово-пасхальные и салатные оттенки на стенах! Мы встречались раза четыре...

— Девять раз пересекались, — строго подчеркнула Вокульская, но сама числа не ведала.

"Не жизнь, а череда сновидений. Чуть не в каждой точке мира за тобой наблюдают одни и те же глаза, пусть различных людей. Когда это началось? И с чего?" — опять зарефлексировал Дюмов.

* *

Евгении представился случай. Она пересмотрела маршрут. Соблазнительные мелкие островки отпадали. Попробуй-ка вернуться с них назад! Здесь не Белое море. Нужен или берег, или остров с населением хоть в несколько сотен, чтобы спокойно дожидаться оказии. Мыс Вранова? Заманчиво. К тому же не требуется подбирать сопровождающих среди северян.

.

Изредка плавание, поездка в автобусе вызывают привычку к перемещению. Вот пора и слезать, но уже нет желания. Ток пространства превращается в норму, дорогу хочется длить без конца. Психическая инерция! Евгения снимала птиц на палубе, на тающих льдинах, не думая об ограниченности запасов флешек и пленки. Солнце висело у горизонта, море не менялось, не было намека на приближение суши, но рядом раздался голос помощника капитана:

— Мыс Вранова. К нам идет почтовый катер.

Вокульская оглядела бухту. Далеко справа самоходная баржа или лодка, похоже, оторвалась от большой льдины и тащилась своим курсом вроде бы никак не связанным с маршрутом корабля, который стал снижать скорость.

— Почему не предупредили?

Помощник ответил. Евгения не разобрала его речи.

Появился Дюмов. Теперь Вокульская услышала офицера:

— Готовьтесь. Ваше снаряжение поднято. (Будто ветер подул в другую сторону!)

Лодка-баржа у борта. Евгения недоумевала: "Древнюю тарахтящую ладью они называют почтовым катером? На таких, разве без двигателя, наверняка хаживал Ермак Тимофеевич".

Офицер пояснил:

— Катер высадит вас на мысе, а потом его обогнет и войдет в устье реки.

Вокульская почуяла намеренное смешное ударение на слове "катер". Ничего не поделаешь!

Сколько ей ни приходилось бывать на море, она по-прежнему считала: катеру присуще малость глиссировать и задирать нос.

6

То, что Вокульская приняла за льдину, было узкой косой, обрамлявшей излучину суши. Парой километров южнее начинался подъем на необитаемое арктическое плато.

Бивак решили устроить около литорали, недалеко от птичьих утесов, а после подобрать координаты безопаснее.

— Пристанище может оказаться и постоянным. В пяти часах есть уголок, уже обжитый экспедицией, — провозгласил Дюмов, — там в такое время года всегда кто-то есть. Наведаться в гости успеем.

Бытовые вопросы отложили и сразу приступили к фильму и ловле птиц: легко упустить многое. Дюмов пока угождал даме и расставлял сетки для отбора и кольцевания птиц в местах, неинтересных Евгении. Объекты съемки искать не понадобилось. Люрики, чистики, кайры заполняли небо и землю. А чайки точно норовили расклевать путешественникам головы, но пугали и удовлетворялись тем, что метили с высоты непрошенных бескрылых двуногих. Так эти охранники гнездовой выражали глубокое презрение к пришельцам.

Конца полярному дню не видно, но к вечеру птичья суматоха уменьшилась. Сумели найти скудное топливо для костра, добавили сухого спирта. Едва закипела вода в котелке, Петр достал пачку чая и распечатал ее:

— Муторноватый запах, да и чай просроченный! А если к нему багульника для вкуса?

— Вот еще! Очень надо отравляться, — возразила Евгения.

— Заварим по отдельности.

— Давай. Но зря на заварку грешишь. Отличный чай, говорят, железнодорожный. Этот чай обычно лучше столовского. К тому же сами завариваем.

— Железнодорожный! Железнодорожный! Отчего-то все возжелали опить меня железнодорожным чаем. Напасть целая! Где ты таким разжила? Ночкой темной проводника ограбила?

— Купила. И не ночью, именно у вас в городе в подземном переходе позже двадцати трех ноль ноль, когда милиция меньше гоняет торговцев. Лишь пояснила бабушка: чай с железной дороги, — захотелось отовариться целой коробкой. Всей не удалось: успели половину распродать. А картинка! Девушка с мандолиной! Где найдешь такое?

Дюмов всё понял и промолчал.

— И почему решил, просроченный?! Три недели остается!

— Наивная! Загляни в интернет! Поймешь: хороший чай тот, у которого после расфасовки не прошло шести месяцев.

— Мудрят в твоём инете. Ничего похожего не слышала. А прогос, ты ботаник, тебе виднее.

— Ты чай свой пробовала?

— Ещё бы! Не успеешь выпить — возникает ощущение, напоминающее невесомость...

— Можно подумать, была в невесомости!

— Была! Была!

— И как ухитрилась? Сорвался лифт с цепей в твоём доме?

— Шутишь! Я находилась в скафандре. В настоящей невесомости.

— Четвертой секретной женщиной? На Марсе с тайной миссией не побывала?

— Случайно нет. Но невесомость испытала. Правда, сидела в кресле, вернее, висела на отпущенных ремнях, а не барахталась. Есть специальные тренировочные самолеты. У них бак с горючим и бак с окислителем. Нетрудно взять выше стратосферы. В первый раз собиралась схватить феномен и привыкнуть, в следующий — парить ни на чём. Второго шанса не дождалась. Поменялись командиры.

— Смотри-ка! Я сижу рядом с ге-ро-и-ней!

— Не героина. Зато некоторых мужичков кое-чем накачивают перед сверхвысокими полетами или центрифугой. Они блюют-какаются-писаются-спускают, болтаясь в невесомости. Будто висельники в петле. Пока вестибулярный аппарат, мозги и сфинктеры не привыкнут. В основательной медицинской обработке нуждаются кандидаты. Только в кино невесомость кажется волшебной сказкой.

— Не считаю. В волшебную сказку летом иногда превращается Крайний Север. Кстати, на самом деле.

Из-за скал к потухающему костру приблизилась фигура в расшитой кожаной одежде.

— Абориген! — ахнула Вокульская и готовилась к съемке.

На корпусе камеры появился красный сигнал, показывающий, что мало света. Огонек чрезвычайно мощный с отсветами на камнях. "Подобного раньше не видел, — подумал Дюмов. — Автомобильный стоп-фонарь!"

Подошедший неразборчиво заговорил тем непередаваемым тоном, каким записные остряки транслируют байки Юрия Рытхэу. Дюмов слышал только слова "байдарка", "тундра" и "гости".

— Выпейте с нами чаю, — пригласила Вокульская.

— Чай — это хорошо. Хорошо чай, — произнес абориген, по лицу скорее китаец, нежели северянин.

— На мысе живете? — поинтересовался Дюмов.

— Где охота, — не совсем внятно ответил абориген.

— И сколько вашего народа?

— Народ разный. Здесь разный народ. Материк — разный народ. Море — два народ.

— И в море жители?

— И в море человеки есть. Там человеки моря жить.

— На островах?

— Нет!

— Доплыть можно?

— А-а-а! Байдарка, катер, корабль, олень к человеку моря попадать нельзя. Много лет назад туда ездить зимой. На собачий упряжка. Это давно был. Сильный пурга был.

— Люди в море?

— А! Они не море жить! Они большой теплый земля жить. Такой большой земля, больше Аляска, больше Таймыр, больше Чукотка.

— Может быть, на той территории и пальмы с эвкалиптами растут?!

— В море пальма нет! Сосна есть, береза есть! А тундра — нет! Снег — нет!

— Да прямо дыра в другое измерение, — не удержалась Евгения.

— Да еще с Гипербореей или с Землей Санникова, — изрек Дюмов.

9

Утром всю ширь застилал густой туман. Различались исключительно еле намеченные контуры скал.

— Куда подевался наш абориген? — спросил Дюмов.

— Какой абориген?

— Тот, что вещал нам о племенах моря, о чем-то наподобие Гиперборей...

— Гиперборей? — удивилась Евгения. — С чего ты про нее вспомнил?

— В свете вчерашнего разговора.

— Разговора? — на лице Вокульской вспыхнуло изумление. — Я чуяла, худо добавлять багульник. А ты уперся: мол, чай не тот, мол, для запаха и вкуса. Всякую кулебяку в рюкзаке но-

сишь! Отыскал карман и для жухлого багульника.

— Ржавую астролябию ношу! Жухлый, не пах бы... — обиделся Дюмов.

— Заметано. Значит, из-за сохранившегося багульника Север и подарил тебе волшебную грезу, хотя в нее пока не превратился.

10

Что произойдет, если не совсем дурную, не совсем плохую женщину поселить на необитаемом острове и на него же поместить не совсем дурного, не совсем скверного мужчину? Как у них будет через сутки, неделю, через месяц, год? Что случится, аще мужчину и женщину посадить в клетку? Известно всё это, известно. Эксперименты возникали сами.

А фокус на мысе Вранова ломался на глазах. Велись записи о птицах, постепенно создавался фильм, но особой экзотики в нем не намечалось. Вокульскую раздражал не фильм. Дюмов — вполне нормальный представитель мужского пола. Даже более чем. Видела она четко: стоит у него по утрам и вечерам. "Не кришнаит ли он и в душе? Может, Брахма обкумарис? Про кого свое добро хранит?.. Или я уже окуклилась и достигла ядерной стадии? Многие в нее досрочно переходят. Едва к ней чуть прикоснулась Гиппиус, вся эта компания: Амфитеатров, Философов, Андрей Белый — стали видеть в ней лишь духовную сторону, а за женщину не принимали, полагая дышащим кадавром; а главное: это не пытались скрывать".

"Пишет и пишет. Любовную записку?" — Вокульская потихоньку зашла сзади.

На одной странице блокнота красовался заголовок:

КАК УСТРОИТЬ СУБТРОПИКИ
В УСТЬЕ ЛЕНЫ,

на другой спрашивалось:

ПРОВАЛИТСЯ ЛИ НОРИЛЬСК
В ЖИДКУЮ ГРЯЗЬ,
КОГДА СТАНЕТ ТЕПЛЕЕ?

"С Леной очень просто, поскольку Ленами бывают не только реки, — подумала Вокульская. — У некоторых Лен — неважное в оном устье богатство, поневоле приходится менять климат. Но трактовка имени "Норильск"? Нора в иле? Тогда все наглядно. А что такое грязь? В двадцать первом веке подобные слова отброшены. Пора красную отметину о том сделать. Наверное, свихнулся Дюмов со сновиденной Гипербореей. Этим проблема объясняется. Дюмов-Дюмов ошизел!"

"...Испарение, — читала дальше Вокульская, — обеспечивает охлаждение и осушение... Можно ли добиться правильного испарения?.."

— Инженер-ботаник! — иронически произнесла Евгения.

— Звучит не абсурдно. В одном университете... Реально по названию отличить настоящий universitates от современного метафорического — сварганенного из института? Где настоящий университет, а где всякий железнодорожный, аграрный, ветеринарный? Язык легко сломать. Массачусетский технологический прекрасно существует без приплюсовки ложных титулов. И вот, в одном БОЛЬШОМ, настоящем провинциальном университете, не педагогическом, не сельскохозяйственном и др., не спланировали и выпустили лишние кадры. Куда их девать? Черт не разберет! Собрали свежевypущенных зоологов, биофизиков, биохимиков и послали на мелиоративные работы в качестве ботаников. Так родились инженеры-биологи. Давненько то было. Ныне никто никого не распределяет.

— И как обеспечить правильное испарение? — решила поиздеваться то ли над Дюмовым, то ли над собой Вокульская.

— Способов много. Можно сразу не осушать, а закачивать в подготовленные скважины крошку из рыхлого осушителя...

"Способов-то хватает, — сочла Евгения, — а толку?" — И спросила:

— И что из этого получится? Не помнишь фразу, украденную у Жванецкого ельцинским премьер-министром?

— А Жванецкий протестов не выражал. Не иначе откупились мерседесом. Да и, поди, взял у Кропоткина.

Назавтра перед костром возникла новая фигура. Но уже с базы. Она не походила на аборигена и оказалась весьма реальной и даже официальной.

— Знакомься, Евгения! Это Карен Акидоров, доктор биологических наук. Самый крупный в мире исследователь грибков, растущих на оперении птиц, и патриот ЗФИ, то бишь Земли Франца-Иосифа.

— Теперь его представлю я, — выдала Воккульская. — Это и мой приятель. По кличке Старый Хиппи. Его же называют Джинсовый Поппи. Не слышал?

— Он не слышал, — подтвердил Карен. — На тех тусовках не бывал.

* *

Дюмов отстегнул клапан рюкзака...

Да-а! Древняя керамическая баклажка. Вся в пупырышках. Как она сюда забрела? Начал размышлять — и вдруг дико заныл левый висок... Емкость заткнута или закручена пробкой. Не открывается. Нужно нагреть. Старик Хоттабыч там прячется? Полил горлышко горячей водой из термоса. Отошла.

И вот вытащил свернутый в трубку желтый пергамент. Разрозненные листы. При свете фонарика принялся разбирать написанные химическим карандашом слова. Ничего не рассмотреть. Чтобы

не вылезать на улицу, достал сберегаемый на пожарный случай огромный рыбацкий фонарь. Рукопись озарило, будто прожектором.

Чернила (или краски?) поблекли. Не различить их оттенки: проступает и алое, и лиловое, и синее. Не цветами ли радуги всё писалось? Читать подряд не удастся, но фрагменты впечатляют.

.....

Я, Горяинов Сергей Васильевич, 1918 г. р., военный летчик. До войны учился на экономиста.

28 февраля 1954 года старый ЯК-9У, на коем я вылетел с полигона вблизи Кандалакши, потерпел непонятную аварию. Подозреваю это. Последнее, что помню, — сильные сполохи северного сияния. И без столкновений, неисправностей.

Сохранилось ощущение провала и затягивания, начала падения в штопор.

.....<Неразборчиво>.....
.....

Куда исчез зимний мрак? Я внезапно очнулся лежащим под ярким небом на возвышении, подобном клумбе. Метрах в ста — роскошное подковообразное здание вроде манежа. "Клумба" располагалась в центре той невидимой окружности, по отрезку которой растянулось строение. Возле меня стояли четверо мужчин в туниках. Я был цел, но почувствовал как бы контузию...

Далее, ни слова о себе лично и моей истории. Она в отдельном свитке. Здесь расскажу о том, что касается всех. В стране, названной древними Гиперборей, прожил больше тридцати лет. Точно сказать не могу. Часы в Гиперборее идут иначе, чем у нас: то быстрее, то медленнее. В редкий

краткий интервал, когда времена выравниваются по скоростям, и возможно проныривание между пространствами. Философы привыкли к парадоксальным утверждениям новой физики.

Один раз в 11 или в 19 лет (есть и другие сроки), Север освобождает дорогу туда — к остатку планеты Земля, существовавшей до исторических дат...

.....
.....

О языке аборигенов

Кое-кто из гиперборейцев говорит на архаическом каргопольском диалекте. Однако основной язык гиперборейцев — не измененный древнеболгарский, не славянский, но очень знакомый. Впечатление от их речи такое, словно попал в сказочные архиродные края. Названия месяцев не самим звучанием, но формой напоминают белорусские. И все же гиперборейцы, хотя и мешались со случайными пришельцами-северянами, похожи либо на облондинившихся греков, либо на берберов, врубелевских персонажей, вдруг ставших альбиносами.

Природа

Над древней северной землей нет Полярной звезды. Вместо Малой Медведицы — созвездие под названием Тощий Паук.

Почти не найти финиковых пальм. Тем не менее зимой там — лето, и зимы не бывает. Я не биолог. Ничего особо странного для себя во флоре и фауне Гипербореи не увидел. Правда, попадались мелкие пингвины, а они, как понимаю, должны быть только в Южном полушарии. Наши птицы пробиваются в Гиперборею тогда...

<"Опять стерты буквы!" — вырвалось у Дюмова.>

* *

Попасть из полярного континента на иные континенты той Земли-планеты никому не удастся.

.....
.....повсюду — Бешеные на треножниках. Вооружены длинными пищалями-копьями. И вообще это не пищаля и не копьё.....

...дикий обычай, дошедший с варварских эпох.

.....
.....

Еще о вратах с внешней стороны

Чаше раз в 11,2 года (реже в 18,7 лет) северное сияние на теперешней планете Земля открывает-приоткрывает, восстанавливает расплавленный коллоидный метеорит, называемый Морское Легкое. Застрявший между разными пространствами, он вне моря, суши и неба. В нем есть вход, ворота в Гиперборею. Будто бы я без проводников прошел их. Не помню. Предполагаю, происшествие специально подстроено. Иначе куда делся самолет?

.....

Пути из Гипербореи охраняют Бешеные на треножниках. Но не те дороги, не двери к нам, но на другие континенты той Земли, той планеты, что была <.....> лет назад... Я думаю, Гиперборея играет роль египетской пирамиды, направленной не в царство мертвых, но в обычный мир. Она ловушка у окончания туннеля-канала, призванная задерживать тех, кто чудом проник в туннель от нас. Коренные гиперборейцы смотрятся нормальными людьми. Скорее, здесь маскировка. Всё это или жрецы, или мифические петелы, "апостолы Петры" — стража. Ее функция — оболванивать и ассимилировать случайных пришельцев, не допускать их на континенты, которые превратились в Рай.

.....
.....

Главное

Я узнал, что на остальных материках той Земли (то есть в Раю) — семьсот семьдесят тысяч индивидов. Все они пещерные люди. Притом сверхсапиенсы и одновременно — пра-*МЫ*... Нынешний человек их вырожденец. Древнему населению запрещено применять металлы. Они пользуются изделиями из дерева, кости и камня.....

.....
.....

...сколько необходимых пролетариату ресурсов пропадает на неполярных континентах! Такая картина противоречит принципам Мичурина и Лы-

сенко: "Мы не можем ждать милости у природы; взять их у нее — наша задача".

Нужно организовать в областях Арктики, где не исключается коллоид "Морское Легкое", дежурство специально подготовленных ледоколов, военных кораблей и авиации.

И зачем беречь ту цивилизацию?! Все равно прапредки-сверхлюди начисто исчезнут!! Они промежуточное звено перед восстановившимися обезьяноподобными, петлей эволюции.

Важно обратить внимание...

.....
.....

Оставалось еще страниц двадцать местами размытого текста. Глаза слипались, голова гудела. "Тяжело читать. Попробую завтра утром", — решил Дюмов и вложил расправленные листы в рабочий журнал. Явилась неожиданная мысль: "А вдруг НКВД там хитрым образом побывал?"

Извне не доносилось ни звука. Погода наладилась. Безветренно. Микробиолог и Евгения — в своих палатках.

Часов через шесть Дюмов проснулся и высунулся наружу. Поппи раздувал потухший костер. Дюмов обернулся внутрь палатки, его взгляд упал на журнал: горяиновская рукопись из него не торчала, керамического сосуда не было.

— Привет, Поппи! Ты ничего у меня не брал?

— А у тебя что-то есть? — съехидничал Поппи.

— Где Евгения?

— Вот уж не умудрился проверить. Без сомнения, дрыхнет без задних ног.

— А ты... — начал Дюмов — и скорчился, точно полбу шарахнули триста восемьдесят вольт.

* *

Наблюдения за птицами усилились, но беготни у Дюмова меньше. Сидя у палатки, он усмотрел возвращающихся от моря Поппи и Евгению. Поппи недовольно говорил о чем-то унылым скрипучим голосом. "А хвалился, не простужается. Или иным его осенило?" — подумал Петр.

Евгения возражала собеседнику:

— И что ты ко мне с Утиным пристал? Я не кричу на весь свет, как Валентиной Терешковой или Савицкой едва не оказалась. Ну, ездил ты с ним на соревнования по самбо в Баку, встречался на юрфаке, в главном здании и бог знает где. Зрел в ботинках "прощай молодость" и без штанов. А может, не ты его старше на полгода, а он тебя на пару лет. Сколько у тебя матерей? Одна. У него целых три. Есть юридическая, вторая — действительная, в Грузии, а третья — на небеси. Утин — это Царь, даже наследным принцем был. А ты кто? Микробиолог глокий кудланутый? Я, в отличие от Терешковой, в космос не летала, а так себе — на субкосмической орбите, и то неофициально. Некому ябедничать.

— Тон подпевания — сервильный, — бесцеремонно влез в разговор Дюмов, — или времена Хрущева вернулись? Вновь Кремль со Звёздным целуются?

— Не похоже на то, — откликнулся Поппи, — Звёздный больше чертыхается. Как дама, она доносит до нас народную душу. Незримый комиссариат нардуши давно жаждал увидеть Штирлица на троне. И увидел. Да еще впервые не из партийных бонз. Облик человеческий присутствует. Плюется теперь нардуша по крупным мелочам да по мелкой крупности, но разочаровываться не желает. На то она и душа. Ей земных благ не требуется. Если и перепадает что, то в качестве подтверждения благ небесных. Вспомните Даниила Андреева с его жруграми и резидентами.

— Развел киселя! — досадливо вырвалось у Петра. — Да ты первый от сих слов откажешься. И есть вещь лучше двадцать пятого кадра — психотронная обработка. Лишь увижу по ящику — кайф по жилам разливается. Почему?

— Ду-ша... Рези-дент... Пусть хихотронная, но политику Кремля одобрям-с, — брякнула Вокульская серьезным и суровым тоном.

Старый Хиппи покосился на нее и, растопырив пальцы правой руки, показал Дюмову взмывающего от височной кости голубка. Вокульская жеста не заметила.

— Женечка! — слащаво произнес Петр. — Не надо тебе поставить термометр в левую подмышку?

— Не надо. Я чувствую себя здоровой. А вы ко всему готовы? И к тому, когда черное станет белым, а белое черным?

— Это у нас легко мастачится, — невозмутимо заявил Дюмов.

— Очень двусмысленная мысль, — попытался скаламбурить Поппи.

— Двуумысленная, — присовокупила Евгения. — У одного вырвут усы, а у другого бороду.

— Только у общественного мнения ничего не вырывают — оно у нас всякий день свежее и невинное, — добавил Дюмов. — А давно пора ему уши надрать.

Вскоре мужички-исследователи, принявшие для согрева энное количество граммов, пошли по своим делам за огромный валун.

— Что случилось с Вокульской? — изумился Поппи.

— А что?

— А что — а что! — передразнил Поппи. — У нее крыша едет! Она ведь бывший еврокоммунист! Была левым радикалом. Чуть не до анархизма доходила. И Лимонову собиралась семафорить! А какую фигидрень она разводила?

— Ну, изменились у нее взгляды.

— Не взгляды, а мозги изменились.

— Я из ее корабельных разговоров понял: она правнучатая племянница Железного Феликса. Можно смотреть на нее и с этой точки зрения. Такое-этакое сердечное трепыхание в нее заложено с пеленок.

— Внучатая или правнучатая (Вокульская — девичья фамилия осталась), но блеск глаз — не ее. В зрачках вижу чужое.

— Чужое у тебя. Голосок кузнец перековал? Джинсовый Поппи смущенно хмыкнул.

* * *

Не спалось ночью Евгении. Или казалось, что не спалось. Она ворочалась с боку на бок. Да еще

издалека, со скалы зазвучало гитарное треньканье Поппи:

— Мы встретимся с тобой на острове Вайгач
Меж старою и Новою Землей.

Вот серенада! Опять чего-то наглотался и теперь расслабляется на каменном столбе.

Вокульская начала телепать в направлении Поппи:

— Не выйду я к тебе, не выйду. К Птибурдюкову я ушла. Ушла. Не выйду! И лучше не бренчи!

И Вокульская задумалась: "Ну и закавыка! Мы с ним в препозициях, подобных у меня с Дюмовым, но в обратной полярности. Именно. В Заполярье — не в той полярности. Как меня не тянет (Глагол матерщинный, иной не отыскать?) к Поппи, так и Дюмова ко мне. Да уж совсем не притягивает? Нет! Нет! Всех ко всем тянет, но не каждому хочется ездить на вмененной тяге. Но Дюмов? Что он там плел о перегородках у сновидений? Де к ним привык! «Со мной плохое не произойдет! Хорьки психотаксисам научили! А вы... На геологическом разломе пребываем — понесет вас из одной реальности в другую». Плюс подробности... Откуда куда понесет? То ли из Старой Земли — в Новую, то ли из Новой в Старую?.."

Терпкое треньканье на заемной дребезжащей гитаре продолжалось:

— Мы встретимся с тобой на острове Вайгач,
Где держит непогода корабли.

Вокульская прислушалась: "Не играет никто на гитаре! Слова городные, народнические. Это кажется или снится! Ветер поет сам по себе! Музыка от облаков исходит.

Стоп! О каком Утине рассуждали сегодня? Разве он существует?! Истинно геологический разлом!"

КБ-5

Память прояснилась, всплыл силуэт особенного охранного джипа, и представилась Наденька. Как ее забыл?! Есть предметы, в нормальном случае, вспоминаемые постоянно.

С Наденькой Дмитрий познакомился в тамбуре железнодорожного экспресса. Через три минуты они постигли духом и телом: подпольно-подспудно знают друг друга чуть ли не пару тысяч лет. Такого легкого и вольного общения до этого момента не ведали. Идеальное сравнение: две одинаковые бабочки, севшие на цветок. Больше часа они не покидали тамбур. Боялись даже мысли об уходе из него. Тот, кто второй-третий раз шагал мимо парочки, старался не присвистывать, обнаружив ее все там же.

На седьмое небо они не попали, но, едва коснувшись друг друга, почувствовали мешающего жить откровенно злого боГа... Почуяли они боГа похоже, но вообразили его несколько по-разному. Полузакрыв глаза, Дмитрий узрел космически за-

предельное, надлюдское. Высшая сила оказалась панорамно воплотившейся.

У боГа не было рук и ног. Он вынырнул в виде бюста. БоГъ-бюсть ехал на тяжелом асфальтном катке по огненной дороге, вымощенной душами. Везде — звезды. И впереди, и позади поток их сворачивался в криво-сетчатую голографическую дуду.

Наденька разглядела примерно то же, но ее боГъ не смотрелся бюстом; он имел светящиеся тяжелые ноги, обутые в базальтовые лапти. Лаптями он давил человеческие души. Души корчились, некоторые из них издыхали и превращались в потухающие искры, освещающие боГу *путь*. "БоГъ — это Гитлер, а весь мир — огромный Освенцим", — подумал Пещный, услышав о Наденькиной картинке. И, конечно, подобного нельзя говорить: женщины сие не любят или понимают наоборот. Хотя непритязательная верующая решит: пригрезился языческий бог, атеистке — без разницы, а скептичка-медичка назвала бы великого призрака Люцеферусом.

Почти не устав, парочка провела в тамбуре еще часа полтора, страшный боГъ ее не беспокоил.

Возник вопрос: "В чье купе идти?" И Пещный пожалел, что уступил. Все могло сложиться и по-иному. Надино купе было свободно, если не считать одной персоны: мужа. Его лицо... Гм... Не ново! Оно раз шесть молча высывывалось из салона в тамбур, словно выискивая потерянную вещь. "Кто этот тип?" — спрашивал Пещный, но Надежда смеялась и ничего не отвечала.

Интермедия

Фарт, Куко и Облез сидели под крыльцом.

— Где Какан? — спросил Облез.

— На него нас-т-упила твоя А-лиса, — ответил Куко, — да та-ак, что сам В-аттар-ви не спасет.

— Ва! Ра! Ва! — зарыдала в подвале-примечании Твистрова.

"Не исключается и наше несуществование, — осторожно помыслил Облез. — Вдруг мы приведения?"

Теперь о прочих, оставленных нами пассажирах "чайного" поезда.

Эффект № 10

Быстро очень шё-ол Симов. Был он в духа состоянии приподнятом, но сказать мало это: озарением пылал он весь, точнее, пожаром страстей еще более высоких.

— Наконец-то! — твердил он. — Сотворилось!

Не погасла в его памяти гигантская карта Супервселенной и событий всех: прошлых, будущих. Ему Симову увидеть удалось тот факт ничтожнейший, пустячок, изменением еликого по-

влиять можно на метagalactic движение. Мелкий упомянутый факт, пустячок, доступен и во власти Симова, хотя него ради затеял он скитание некоторое.

Достаточно отправиться в известный Симову посёлок, слегка нарушить церемонии и обычаи, вызвать недоумение окружающих, подействовать на чепуховый неисторический эпизод — как перевертывалось всё, грядущее предназначалось другим, а время удостаивалось Монуменга времени.

Симов миновал три-четыре улицы с редкими фонарями. В лужах плавали листья. Серп луны на небе имел форму зеркального "эс" и перемещался в такт шагам. Но в будничности обреталось неземное раскрепощение, реяла безмерная свобода: мир походил на произведение искусства. Волнение от сознания сделанного уже меркло. Чувства перевешивало изумление от возможности такого влияния событий друг на друга, при коем важна не их сцепленность, а иные, невероятные законы, стоящие над человеком и природой.

Переживание-виденье всех времен и пространств сразу — стихало, воздух наполнялся обрывками фраз что-то обсуждавших людей. Симов догадывался: это "что-то" одно и то же в каждом разговоре.

Он выбрался к озеру. Лучи прожекторов подсвечивали поверхность воды до белизны. Пройдя парк, Симов уперся в двухэтажное здание со стеклянными стенами. Сквозь стекло доносились хлюпающе-чмокающие звуки музыки. В низких залах кучковались, разгуливали, раскачивались в танце праздные люди. Их головы почти касались полупотушенных шаров-плафонов. У дверей сер-

жант милиции держал за ворот балахонистой куртки вырывающегося субъекта.

Симов боковым зрением отмечал внешние явления. Пройдя около полусотни метров, он опять очутился в густой толпе, но теперь народ шел ему навстречу. Мелькали лица, люди даже не шли, а, скорее, плыли, неслись...

Внезапно он заметил: путники идут на него без малейшего желания избежать сшибки. Безликая масса обтекала Симова... у самого его носа. Пришлось взять правее и обходить не столько прохожих, сколько насаженные вдоль тротуара тополя.

Вблизи них оно и содеялось. Из-за дерева выступил и устоялся на Симова потрепанный старик с пропитой физиономией. Желто и остро воззрились вытаращенные, как при базедовой болезни, зеницы. Старик исторг нечленораздельный вопль, чиркнул спичкой и сунул её зажженный конец прямо в лицо Симову.

— Дух! Дух! Дух! — возопил старик на всю улицу.

Симов попытался отстранить сумасшедшего и обойти его. Тот начал совершать неестественные движения и упал на руки идущих.

— Вы! Слепые! Разве не видите этот огонек?! — кричал безумец, указывая на Симова.

Прохожие стали смотреть на Симова, но ничего, кроме пустоты, там не увидели. Симову показалось, вот-вот он провалится в бездну.

С восклицаниями "Дух!", "Дух!", "Дух!" сумасшедший вновь принялся прыгать вокруг Симова и чиркать спичками. Пламя чуть не спалило Симову ресницы.

— Пошел вон, дурак! — неожиданно громко и резко, но бессловесно выговорил Симов, и в тот миг на него нахлынуло такое, от чего всё оборвалось.

Звуков в речи Симова не было, но присутствовало то, что хуже и страшнее. Лица людей сделались бледнее смерти, в их глазах застыл ужас. Оочурилась вселенная и родилась жуткая, дикая. Взметнулся густеющий мрак уничтожения, грянули круги сознаний концентрические, возникло третье, побочное равновесие, которого и не должно быть.

Исчез парк и стеклянное здание, сгинула набережная. Радостно визжа, размахивая тесаком, помчался детина в длинной балахонистой куртке.

Здесь Симов постиг: никто не чиркал спичками, огонёк есть он сам, разгорающийся под больным взглядом старика. Он, Симов, не шел по улицам, а плыл неувловимым плазменным облачком.

Мир стал неким третьим. Середина его коснулась периферии.

Вдруг Симов узрел себя дома и ровно со стороны — сидящим в кресле с поднятой левой рукой.

Через минуту внутренней смутности прорисовались воспоминания. Будто совсем недавно, он перемещался по вечерним улицам.

Симов еще сильнее напрягся, собрался с мыслями и до него дошло: местность, по которой он путешествовал, хотя и далековата, но знакома, в ней не приходилось бывать больше восьми лет. За долгое время там мог подрасти парк, выстроиться концертный зал с дискотекой, озеро — обрести набережную. Но нет! Нет! Не это важно! Мно-

гомерная карта сплетения причин и следствий выветрилась из памяти. Пропал остов того, благодаря чему завязывается их кажимость. Но они ли сейчас главное? Зачем потребовалось туда лететь? Карта Космоса не галлюцинация, не сновидение. Она яснее любой яви... Какое событие понадобилось изменить? В какую точку поселка довелось спешить с таким нетерпением, что в кресле осталось забытым тело? Какова была цель? Цель! Цель!

Эффект № 11

Поэта Ивановича лишили квартиры, у поэта Ивановича сломалась пишущая машинка, вдобавок у него отрезали ухо, в довершение он почти прекратил писать стихи и решил удавиться, а сие весьма потребно и важно настоящему пииту.

Ох, опоили его пережженным ликером, да подбросили к темным, горластым и торсоволосатым. Уж замуж невтерпеж закрыть и не рассусоливать эту историю. Теперь жил он при южанах в общежитии и торговал вместе с ними на рынке. Дома то сё у него тибрили, но его самого и гитлеровскую пишущую машинку "Рейнметалл" не трогали. И за то прославлять полагалось бога. И величал хохол Иванович бога, возвеличивал, но неверно. Поэтому бог недостаточно его миловал, ибо пил и пил пиит Иванович азербайджанское вино не просыхая, и вино дармовое, злясь на торсоволосатых, не похваливал. За то и послало ему небо новые испытания.

У фашистской пишущей машинки рассыпался лентоводитель. Состояла его тонкая и хлипкая рамка из пяти или шести спаянных частей, периодически застревала. И продергивать ее вверх,

вправлять вниз, согласно тайному моральному кодексу, рекомендовалось рукою нежною, трезвою и дамскою, но не хохлятской пьяной ручищею. Не германская была рамка, а советская, и равно кривые свинцовые литеры на крепких иноземных рычажках... Взял Иванович напильник, взял паяльник, третник и канифоль, принялся рамку — увы, слово не воробей — спаивать. В итоге он ее споил, а не спаял. Смеялись торсоволосатые азербайджанцы: "Контрибуцнули вы, хохлы, конструкцию у «Рейнметалла» и обозвали «Украиной»; вот печатал бы на нэзалэжной дрэнчливой «Украинэ», а не форсил жареным трофеем". Самый крутой и наитолстый азербайджанец носил странную фамилию — Петренко и лучше говорил по-русски, чем поэт Иванович, а на краинской мове — куда гарнее. Никогда не ездил Иванович на нэзалэжную и писал стихи на русском. Издевался Петренко над Ивановичевым незнанием языков. Чувствовал Иванович, чуял собственное непонимание сути языка, да родимое косноязычие. Из-за речевого дефекта вирши из Иванoviча рекой так и текли. В восторге от необычности и свежести образов поэта редактор Омулевский подпрыгивал на стуле, ловчил обойти и обмануть бухгалтерию, чтобы выкроить побольше гонорар Ивановичу, а потом, плюнув на бухгалтерию, ибо стихи не проза, молока из них не выдоишь, вел поэта в кафе "Миранда" откармливать и опаивать за счет спецфонда. И не по вине главного редактора типография упорно задерживала роскошную, золоченую книгу дистихов Иванoviча под названием "О, закрой свою негую бленду".

— Делашь дело на "Рейнметалле" — и делай. Не вздумай пустить в ход ручку, карандаш или компьютер, — предупреждал Омулевский. —

На тебя немецкая железяка действует, как вино рейнвейнское. А ПК хуже всего. Ты знаешь поэта из Гомеля Благоутробенко. Пока он сидел в кочегарке — писал поэмы, а женился на квартире с Пентиумом III и получил синекурный чин в издательстве — от его творений тошнить стало.

"Нужен едкий кислотный флюс с «Юноны», а не канитель-канифоль!" — решил Иванович. Но собираться на рынок «Юнона» противно, добираться туда — омерзительно. Коли туда съездишь — день убьешь, смертельно устанешь и стихов не напишешь.

Ну и насмешка — дурацкое высказывание "Ни дня без строчки!", здесь сплошные бесстрочки. Лишь аромат фруктов спасает. Без этого боевого отравляющего запаха ничего бы не писалось после дня торговли. А утром до торговли не пишется оттого, что подъем у Иванoviча собачий, голова с утра тяжелая. Долго не проходит в задубелом лбу сивушечно-бормортушечное. Украдкой Иванович записывал опорные мысли среди овощных и фруктовых рядов. Жалел, "Рейнметалла" нет. Азербайджанцы видели это преступление, языками цокали и усмехались. А придя к себе, да разложив по бокам машинки фрукты и налив в фужер нахичеванскую бормотуху, он принимался стучать по клавишам, — да в ответ со всех сторон в стены стучали. От негулкого эха Ивановичу стучалось великолепно, а пуще — от угроз ударить машинкой по маковке, расплющить машинку кувалдой или сдать ее в пункт приемки чермета. Может, иной стучащий агрегат и расплющили бы, но *Rheinmetall* блестел стилизованной под готику гордой надписью и набивался в родичи этой достопримечательностью и прочими особенностями

ми дизайна то ли танку *Panther*, то ли штурмовому самоходному орудию *Ferdinand*. Поглумившись, азербайджанцы замирали перед музейным раритетом.

С тремя пересадками доехал Иванович до «Юноны», но пройти в глубь рынка к ларьку с паяльными флюсами не удалось. Налетел на Иванoviча коренастый шпана и толкнул в грудь:

— Вон девушка в голубой шубке, пять тонн в колпаки проиграла! Помоги ей отыгратъся. Она тебя не забудет!

Посмотрел Иванович на девушку, и девушка на него посмотрела, и не понял Иванович, истина се или розыгрыш, впрямь ли эта девушка — девушка или размалеванная подсадная утка. Не успел моргнуть — толкнул его второй коренастый, началась суматоха, и видит Иванович: у стоящего на возвышении мужчины вытаскивают кошелек из внутреннего кармана распахнутого тулупчика.

— Держи кошелек! — закричал ему Иванович и почувствовал, что проваливается в проблематичную эру.

Не успел Иванович вздохнуть, как обнаружил у глаз лезвие безопасной бритвы — уже третье время перед ним возникло. Отвернул лицо от лезвия, а тут его цапнули за ухо и чикнули по хрящу. Потекло теплое за шиворот. Пережал он на всякий случай большим и указательным пальцем артерию у виска и нижней челюсти, тяпнул скотч с прилавка, намотал витки, где сумел, а отрезали ухо, не отрезали — не догадался пощупать.

Вышел Иванович из толпы, сунул руки в карманы, а в левом кармане правое ухо лежит!

"У любопытной Варвары на базаре майора Ковалева порвали", — мелькнула строчка. И не вспомнил он частушки-поговорки полностью, зато про-регистрировал память на событие, когда действительная варвара вякнула "Держи вора!", а потом отыскала кусок своего отрезанного носа в наде-том на ногу чулке. Чему удивляться?! У гоголев-ского героя и то нос обрелся в свежевыпеченном хлебе.

Нырнул Иванович в другие плотные эпохи и сразу будто вынырнул назад. Теперь с отрезан-ным ухом не подходили Ивановичу три пе-ресадки. "А флюс-то! Флюс! — засвербила ви-шудха. — Вот грандиозная смысловая рифма: на-меревался спаять "Рейнметалл", а распаял ухо!" И заметив на обочине две новенькие "Волги" с ша-шечками, поэт бросился к ним. Но все машины без водителей...

— Смотри! Клиент у тебя! — произнес поку-рывающий на тротуаре мужчина мощному верзи-ле в пыжиковой шапке.

— А кто знает! Может, и клиент, если не шу-тит. Только ободранный, обосранный и уха у него нет. В гробу я видел замухрышек, — громко от-ветил верзила и захохотал так, что прохожие ста-ли оглядываться и по-щенячьи подвывать и под-хихикивать.

Ивановичу захотелось взять валяющуюся в колдобине ржавую трубу и как следует огреть верзилу, но между тем принялся рассуждать: "Хороша ли рифмовка «гробу — трубу» или пло-

ха?" Решив, что рифма здесь скверная, Иванович не потревожил железяку.

— На Петроградскую довезете?

— Гм...м. На Петроградскую не прохонжэ. Кого я обратно повезу?

"С человека кровь капает, поэтому и выкобенивается, — подумал Иванович, — просекает, момент не до разбирательств, не до звонков с жалобами".

Пыжикова шапка дернул Ивановича за локоть, чуть подтащил и отчеканил:

— На Петроградской гони восемь сотен.

Спорить действительно "не хонжэ". Иванович деликатно сел по диагонали от руля — дабы не травмировать чужую психику небытием уха, а свою — расспросами, и поехал на Петроградскую.

— А ухо щас отъяли? — обернувшись, спросил водитель.

— Да уж! — неопределенно пожал плечами Иванович.

— Ну, анекдоты у нас творятся! И ровно-то, ровно срезано! Дураку понятно, не зеркалом заднего вида сбрило! А куда на Петроградскую?

— На кафедру микрохирургии.

— Это где?

— Первый мед.

— Улица Льва Толстого, значит. А ты, на сиденье, пригнись, пригнись, исчезни. Торчишь там, как .

В чем соль, до Ивановича не доходило; он, бесстыдный, наглейше не пригнулся. На подъезде к центру города ситуация несколько прояснилась: шофёр остановил машину, выхватил из бардачка изоленту, а с ним — продуктовый полиэтиленовый пакет и выскочил на дорогу. "Что за действо?" — ошарашился пиит и попытался высунуться, но,

покосившись на витрину закрытого на ремонт кабака, различил: таксист напялил на желтое табло с шашечками пакет и закрепляет его. Однако заграда оказалась довольно прозрачной, и потенциальные пассажиры наверняка увидели бы свет.

"Это на случай претензий со стороны внутренней инспекции. Мол, техника капризничает, де тумблер не удалось заменить, будто бы для соблюдения правил он и замотал", — сообразил нежелавший пригibasъ Иванович.

— Тумблер не трамблер! Из-за него выезд не отложишь, — проговорил вернувшийся водила и нагло дважды щелкнул рычажком.

От нарочито громкой процедуры в витрине ресторана погасло и зажглось отражение табло с шашечками.

Чем ближе к Петроградской, тем таксист становился замкнутее и суровей, похоже, был обозлен отсутствием "голосующих". На Каменно-островском он потребовал денег и заявил, что дальше не поедет.

— Льва Толстого перекопана. Вот парк. Пробежишь ножками квартал до Первого меда. Окажется быстрее.

Минут сорок Иванович слонялся по территории института и никак не мог найти кафедры. Люди во дворе о ней не слышали и отнекивались, или хуже: долго раздумывали и по-сусанински отсылали Ивановича не в тот закоулок.

Наконец, Иванович в нужном коридоре. Он у заветных дверей. На них — замки. Вышел на улицу и встретил женщину в белом халате:

— В воскресенье кафедра не работает. А в клинике сегодня ничего не сделают. Нет хирургов. Ни до кого не дозвониться. Приходите завтра в приемный покой с утра. Палец через большой срок пришивать бесполезно. Но у вас-то ухо, может, и срастется.

Женщина достала из кармана халата обсыпанную табачинками пластиковую упаковку с чашкой Петри, вытряхнула чашку себе в карман, в освобожденную тару затолкала злополучное ухо Ивановича и проинструктировала:

— До завтра держите в холодильнике, но сейчас отправляйтесь в травмпункт на перевязку.

— А хранить в морозилке? — спросил Иванович.

— Не хочу врать. По-моему, температура должна быть плюс один градус Цельсия или вроде того. Идите, идите в травмпункт.

Кровь у Ивановича сворачивалась быстро. Инфекции он не боялся, а глупых расспросов медперсонала и дикого укола от столбняка совсем не хотел. Представив кислое лицо фельдшера и нытье под лопаткой, поэт произнес "Бр-р-р!" и не пошел к медварварам. От столбняка умереть гораздо лучше! Р-раз — и на том свете. Облегчение-то! Нет издевательств, нет трамблеров.

Куда топать, он не знал. Ведь не идти к азербайджанцам с ухом в руках! Они не поймут! Сифилис могут понять, гонорею — могут, но отрезанное ухо, да еще в пакетике из-под чашки Петри, не воспримут. Ван-Гога не вспомнят, обязательно сморозят чушь с оригинальнейшим кавказским орнаментом.

Ивановича обогнала больная серая сучка. Из заднего прохода у нее выпячивался изрядный кусок вывернутой наизнанку кишки. Оболочка кишки выделялась алой краснотой, мнилась начавшим распускаться бутоном или вытянутыми для поцелуя перепомаженными губами нескромной дамочки. "Жертва медицинских опытов", — подумал Иванович. Когда поэт собрался выходить из институтского квартала, его повторно настигла серая сучка. Почти не уяснив собственное действие, Иванович бросил ей прозрачный пакетик с ухом. Вместо того чтобы порвать пакет или заглотить гостинец прямо с полиэтиленом, собаченция схватила брошенное и зигзагами помчалась вперед, а затем, вовсю вихляя шеей и крупом, вычурно-балетными прыжками — вбок. Театр! Просто театр! Объятые эмоциями, словно парусные барки пассатом, за сучкой с лаем и визгом устремились два пегих кобеля.

— Видел это! Видел! — заискрилось в мозгу Ивановича. — Да как забыл!

Ухо — дежавюха! По-ту-утроб-ный феномен! Нырнул эмбрионом и вынырнул в потудоданной степи... Вспышка из небытия. Да, Город. Другой Город. Тот Город! Там Иванович сделал ошибку. Не где-нибудь. Потом ночь всё объяла... Помрачение ума. Исчезновение памяти. Выпуклости великой благодати.

Ага! Не тот обмен квартиры. И еще, еще накручено! Не придал значения сплетням и слухам: де низовыми риелторами работают странные люди, не то шизанутые, не то заторможенные, похоже, обкуренные. А ему менять, требовалось менять. Ну и сменял! Где слыхано?! Будто специалисты по недвижимости — одновременно психиатры, психологи или медицинские сестры с того

света?! Двойной специализации не скрывающие! Снабженные сумкой скорой помощи и незримыми приставными хвостами да эфирным опереньем! Ах вы ангелы опальные, бледные печальные, бандиты, мошенники, врачи заколродные наколотые, имеющие наготове шприц! Ах вы, гипнотизеры, милиционеры, плюс кое-кто, о ком говорить цензуры ради не стоит. Но азербайджанцы-то, веселые блатники азербайджанцы почему в финале нарисовались?! Не знает Иванович. Припоминает только крепкий запах жженого сахара и ликер, темный ликер в фужере.

Был у Ивановича наработанный практикой неправильно-верный взгляд на вещи. В приличном смысле. Грузины-де окутаны кольчужкой амбиции, у армян — претензии внутри, как стержень. Подобного немного опасался Иванович, если фронтальная гордыня не вытеснялась у горцев косвенной: в виде хоть бы ученой степени. Прочих кавказцев Иванович принимал за своих ребят. Столетия их гены варились в красном вине, но до конечного эффекта не доросли. Есть белая, и есть красная горячка! Не бывает, не бывает на Кавказе русской паранойи, а фактична южная паранорма — и ругал Иванович душеведа Бехтерева за знаменитый кремлевский диагноз, почти последний. Понятно, для кого-то породнившаяся с "белочкой" равнинно-русская или сарматско-краинская пара-Ной-я — ковчег спасения, но горный виноград лучше, надежнее.

* *

Две недели Иванович считал, еще в Том слое бытия: у него нужный выбор; и ему пред-

ставлялось: он живет один на изолированном пространстве, занят обычными делами, вечером заводит будильник, утром включает радио... Но внезапно у Ивановича отверзлись глаза. Он проснулся среди ужасного гвалта и вони. В зале — семьдесят кроватей. На них сидели таджики, туркмены, азербайджанцы, калмыки, узбеки, каракалпаки... Когда Иванович первый раз осматривал эту площадь, кроватей не заметил... И здесь до Ивановича дошло: они складываются и убираются на время дня. Действительно, их складывали и уносили вместе с нехитрым скарбом. Бух! В кровать Ивановича ткнулась палкой швабры техничка и недоуменно посмотрела на него:

— Чего расселся, барон? Не на вокзале находишься!

Иванович поступил как все: сложил и прислонил к стене кровать, чтобы ее унесли.

Двинулся Иванович по длинной анфиладе нового для него потудоявного мира. В низких полукруглых окнах бывшей конюшни — женские помещения. Утренняя суета, дикий шум; по соседству девушки-армянки, одетые в пёструю форму, чикались с элементами китайской гимнастики.

Иванович вырвался на улицу. Куда идти? Он решил идти к дому, где влачил существование до... пе-ре-ско-ка. Преодолеl ирреальную ярко-зеленую заболоченную лужайку и десяток кварталов. У каменного ограждения пыхтел, притулившись боком, КамАЗ с прицепом, второй КамАЗ с поднятой кабиной застыл в стороне от него, третий КамАЗ маневрировал и разворачивался для въезда. Во дворе буянила ватага здоровенных псов. Псы не поделили некую добычу. Кобель,

похожий на выдру, выбежал на улицу с большим и красным в зубах, вероятно, кровавым куском мяса. Стая ринулась за ним...

Вот оно, вот оно что!

Псы, еще чего — псы! КамаЗы отнюдь не КамаЗы! Город! Этот Город — ГОРОД, Общий город. Это вон какой город. Москва-река и Нева, Гудзон и Потомак, Сена и Рейн, Тибр и Темза — одна система. К примеру, станция метро "Фрунзенская" в Петербурге, а через несколько минут — "Новослободская" в Москве, а через восемь минут уже татарские могилы в городе Одессе... Вестибюль московского метро переходит в одесский кинотеатр. Вышел — и перед тобой Черное море. А Манхеттен — где проспект Народного ополчения — и без хрущоб. Собрано всё, всё в одной грани собрано. Порт-о-Пренс взамен Канонерского острова, а у Васильевского острова плещется Индийский океан. Зато и Нева иная, спрямленная... Или сплюснутая! Нева без загогулины. Город без Смольного. Сразу за тридцатиметровым Медным всадником — Веселый поселок, но огромный и страшный, шикарно отстроенный и веселым его не называют. Там же чудовищный гибрид Адмиралтейского завода и предприятия имени Тельмана.

И виделся, и беспрерывно снился Ивановичу Общий город. Тот город, в котором сливались воедино все города Земли. Можно пройти пешком между зданиями, расположенными за двадцать тысяч километров друг от друга. Изредка попадались на пути странные болотца с ядовито-зеленой растительностью и мертвые столетние ду-

бы с взрывоопасными, катапультирующимися в Эдемветками-шахидками.

Был. Был и жил поэт Иванович в Общем городе, хоть почему-то и забывал о том иногда, а как отрезали ему ухо, взял и решил удавиться. По великому вдохновению перевернуть счеты. Из зала на семьдесят раскладушек он месяц назад перекочевал в комнату при рынке с десятком цивильных железных кроватей. Сегодня в воскресенье она пуста. А! Повезло! Все поехали в кафе на свадьбу! Крыло здания безлюдно. Только на первом этаже лежащий в прострации кавказец без передышки крутит компакт-диск с иранскими мугабами. Очень важно! Иванович и без того превратился в сомнамбулу. И что?

Поэт уставился в воздух, смотря на юркие частицы пыли; почти не глядя, снял с подоконника в коридоре брошенную штукатурами веревку и пару испачканных известкой блоков для лебедки. Блоки Иванович прицепил крюками к трубам отопления, сделал из рёвки-д-веревки петлю, намылил, надел на шею. Вер-веревку протасил через блоки, залез на кровать и для фиксации прислонился к ее спинке. Образовался равнобедренный треугольник. В одном из его углов сидел Иванович-Есенин, начавший дергать су-елей-в-вервие и затягивать петлю. Голова и шея откинулись, уперлись в железную спинку кровати, завизжали стальные александроблоки, п-петля, без подоткнутого п-полотенца или наворота из узлов для слома п-позвоночника затягивалась ту же. Лицо Ивановича покраснело и набычилось. П-потяг, еще п-потяг. Отчего-то узрелся Подколесин Гоголя,

прыгающий из окна... Но русская литература-география скончалась, поскольку звуки мугаба умощнились. Мужской голос смешался с пронзительным женским. Азербайджанским, не иранским... Силища! Куда там полифонии мегрелов-имеретинцев! Потяг! Потяг! Тьфу!

И тут Иванович проснулся от рева динамика. Зажег бра: четыре утра. Башка болела. С чего бы? Левая рука взметнулась вверх по диагонали: правое ухо — в наличии, ...наилучший рюсский — еврей, а не хохол...

На журнальном столике — пишущая машинка "Ромашка" с кириллицей и латиницей, а не "Рейн-металл"... ...поэт не прозаик, не драматург, ему большего не надо. Больше для него вредно.

Иванович вспомнил редактора Омулевского, вспомнил поэта Утробенко, вспомнил пятое-десятое...

Га! А зримо ли обоюдное между псами и КамАЗами? Пес выбегает... КамАЗ въезжает... Не есть ли псы, КамАЗы и рыночная шпана одна и та же сновиденная сущность? Вот незадача! Предвечный дух рядом танцует, но понять ни йоты невозможно! И вдруг, словно рикошетом, Иванoviча поразила ясно-чистая мысль о варварски недостигнутом блистательном Общем городе. Иванoviчу стало жалко, что он проснулся. Эх! Плохо! Жутко паршиво, когда гроб с музыкой пииту на ухо наступает. Всем пиитам подлунной наступил. Пиизия, la piss-si-zia сдохла! Звездой гавкнула.

...психея Иванoviча не успела расправить крылья, но уже мчалась со сверхсветовой скоростью к границе вселенной. Душа не ведала: подлетеv-

ший к этому абсолютному зеркалу не определит, с какой его стороны находится.

...и многое не чуяла. А в мире буйном нет ничего. Да и мира-то самого не

Довольные

— Мы здесь причем? У нас тишь и благодать!

— Греков забыли? Здорово они вас отделали!

— Да! Упущеньице. Зато и польза! Мы им вставили, как ключ в зад, Афинскую школу и провернули — два тысячелетия было спокойно.

— И рухнуло всё! Пригрели змей!

— Это про Декарта с Беркли? Ахинейский немецкий гроссбух приплюсуйте! Мы так им хлопнули — ни от Беркли, ни даже от Юма мокрого места нет!

— Подумаешь! Потом энергетисты-позитивисты поползли...

— Так мы по старой привычке пошелестели немцами, стукнули Гуссерлем, а умным французам подсунули Хайдеггера. Они рехнулись сразу! Эхोलалия и круги по воде пошли. А от русских избавиться еще легче. Мы на них фальшивой французской аромой побрызгали. Теперь они от другого-прочего нос воротят. Чекалдыкнутые, но пока хлыстами себя не бьют.

— Бьют. Сам знаешь, пусть без хлыстов.

— Тем лучше. Хвилософии и без них конец. Чуть-чуть хилозовия с хлорофосией остались. Да и те фиктивные.

КБ-6

Пещный оказался кем-то вроде Тургенева при Полине Виардо или Владимира Маяковского при Лиле Брик, но не статистом-литератором, а просто деятелем на краю чужого гнезда. Однако на край он не претендовал. "Мы с Борей не живем, мы по факту не муж и жена", — заявляла Наденька. То же твердил Боря и прямо приглашал Пещного жить с ними, то есть предлагал Пещному жить с Наденькой. Боря не с улицы парень, но красавец-молодец, изготовленный из высококачественного мяса. Будь Дмитрий <...лу.....>, он сам бы его <.....ра>.

Обиталище, в какое попал Дмитрий, чрезвычайно уютно. В спальне Наденьки — огромная кровать-диск на мощной ножке. Если эту кровать-центрифугу раскрутить, вращаться она могла весьма долго. "Все трое заберемся!" — восклицала Наденька. — "У нас с Надей интима нет и не предвидится", — уточнял Боря.

Боря отнюдь не импотент или кастрат; в полное исчезновение секса у этих близких людей Пещный не верил: "Несомненно, хотя бы единожды в полгода есть", — решил он про себя. И всё дело заключалось не в том, что Боря был любовником слишком редко, а в том, что Пещный слишком часто — столько раз в сутки, сколько иной мэнар в неделю или в месяц. Находиться

на краю чужого гнезда при таком обстоятельстве невозможно. А Боренька для всякой женщины — мужчина очень удобный, гораздо более удобный, чем ребенок или котенок. Разве в известном смысле не приставал и не ласкался, но вещей не разбрасывал, ничего не пачкал, пьян не надирался; сверх того: он чрезвычайно аккуратен, подтянут, необычайно вежлив, весел, остроумен, образован, как бык здоров. Боря — лучший партнер по танцам, по походу в театр, в гости и куда дальше. Не бросит, не предаст, не обманет, в нужный момент подставит плечо, а когда надо — заслонит широкой спиной — короче, фантастическая вещь, которую в супермаркете не сыщешь. Говорил Боря исключительно с московским булошно-ишным акцентом — словно купчиха-прабабушка с древними предрассудками, — но временами и петербургская ччтойна ччтобность запатЭнтованная прокофЭЭнной атмосфЭрой провинциальной конфЭрэнции раздражает! Тетя Хая из Шанхая! Почти нет даже в голосе белоэмигрантов ни московского, ни иностранного призвука. Последний бывает у аспирантов, поторчавших в забугорных университетских "пампасах".

Однажды Пешный не удержался и спросил Боря:

— Женятся не для пребывания в состоянии "брат с сестрой". У вас с самого начала этак пошло?

— А пошло скверно. Мы гуляли по парку "Лосиный остров", она там напала на меня и изнасиловала, — заплакал Боря.

— Но позже-то вы без проблем выбрали из парка?

— Она насильовала еще три года, пока я не опомнился. Но опомнился — стали брат с сестрой, — присмирел Боря.

Эффект № 12: контр-интактный

1

Павел Косидовский мог работать пять дней и не спать, но для отдыха у него имелся на Каменном острове особый домик. В нем размещались полторы дюжины спален: арабская, испанская, китайская, японская, индийская et cetera, но самой главной опочивальней прослыла ПЛК — православно-лютеранско-католическая. Отказываясь от неточных синонимов, он так и называл ее. Стены помещения украшали виды городских кладбищ, кирх, церквей. Для контраста там висели две тарелки с изображениями еврейских могил, но зато отсутствовал и слабый намек на среднеазиатские надгробия. Эти намеки (порядочную коллекцию) Косидовский думал расположить в одной из мусульманских спален, но о том забыл, а потом отставил намерение. Не все связывалось воедино. Слишком не похожи тюрки на семитов-арабов. Им бы подошел ламаизм. Гармония выше всего! Даже Испания улизнула из романского угла, а затем — из европейского аккорда. То в ней проступает мавританское, то южноамериканско-индейское.

Косидовский собирал чертежи подвальных пространств и подземных коммуникаций, принадлежащих монастырям, духовным училищам, храмам и кладбищам. Его интересовали кладбища и склепы. Но центральным пунктиком были подземные ходы. Рассуждать о них мог беспрерывно. Он знал подземные ходы на кладбищах великих и малых городов, туннели, соединяющие кладбища с храмами и реками. Вот карта начала XX века, а на ней — подвалы Томского женского епархиального училища — неофициального института благородных девиц. Ныне в здании — Военно-медицинский институт... От подвалов училища идут широкие подземные дороги, по каким купцы на лихих бричках увозили развлекаться обучающихся добродетельности девиц. А на этой карте — туннели под кладбищем города Козлова, сейчас Мичуринска. Ответвление ведет в кладовую, в которой до сих пор хранятся спрятанные от большевиков церковные ценности. Впрочем, подобным икладами, в отличие от ценных бумаг, Косидовский не интересовался. Важнее просто вдохновение. Павел Косидовский рассматривал чертежи склепов и подземелий перед сном, с тем чтобы они ему приснились. На столике у изголовья Павел раскладывал шанцевый инструмент, веревки, фонари, свечи, масляные лампы. Напротив висела черная накидка домино и военная плащ-палатка, а также масса ключей от старинных замков.

...спонтанно Косидовский перемахивал и нацивильные (то есть вроде бы на светские, мирские) подземелья. Знакомясь с ними, он нередко напевал под нос песню на слова Языкова:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.

В роковом его просторе
Много бед затаено.

Изучал цивильные подземелья Павел Косидовский опять с целью стимулирования необычных сновидений. Но чаще Косидовскому нравилось, когда духозрение появлялось само собой, без всяких усилий и просьб, сливалось с рутинной жизнью и оказывалось ее продолжением. Скажем, подземный ход между главным зданием университета (бывшего во время оно имени Жданова) и Академией художеств существовал в реале сновидений давным-давно. По нему вроде бы вагоны-электрокары бегали... Но в тех, не всем известных измерениях, Академия наук и Зоологический музей отскочили от университета на километры. И пешком здесь никто не передвигался.

На Петроградской стороне того таинственного слоя народилось с десятков станций метро (где им места хватило!), а "Горьковскую" перекрестили в "Станцию Мира" — не в "Площадь мира", не в "Улицу мира", но без намека на оговорки, как слышится — так пишется, стеклянно-чугунно-каменно: "Станцию Мира". А за ней — не парк, а длинное небоскребоподобное сооружение, несколько сходное фасадом с высоткой ООН. Обойти его стоило великого труда. А вокруг него — киоски, киоски... Ночью от них идет призрачноватый свет. Торговцы этих точек упрямо не подсоединяются к городской сети, пользуются свечами и аккумуляторами.

Серьезные кунштюки скрывала и улица Профессора Попова. Конечно, действовало подземное сообщение от Попова, 4 до Попова, 14, но еще ничего особенного. Дикое, странное, убийственное — в том, что через дыры в плетнях-зарослях и

мощных заборах, через скверики со скамеечками, через живописные уголки и уютные дворики проходил ход надземный! Целые куски витальности, выданные из Ботанического сада, нанизывались на узкую тропинку, как на шампур. Разное там кипело и дышало. Там можно жить и слушать птиц, там эпоху назад полагалось целоваться с третьекурсницами и подобно призраку растекаться по дереву. Собираясь туда, не обязательно менять хаки на штатское. А вот соль дикого, странного, убийственного: надземная стёжка не пересекала соответствующий карте проспект Медиков! Метагалактика ломалась и мчалась к черту. Проспект Медиков аннулировался как ненужный и неправильный, а страшная разлапистая громада Полиграфмаша испарялась.

В букете затейливых снов первенствовали мелочи-зацепки, оттенки красок, запахи. Кому могут сниться запахи? Неизбежно возникали пунктиры, хрупкие мостики между различными мирами. По ним естественным образом толковались и перетолковывались сновидения.

2

На верхнем этаже грохнуло. Косидовский усмехнулся. Усердствует Мотоустя. Заявилась с корабля на бал. Типичный шизоид. Однажды даже вознамерилась мыть резиденцию восьмого марта. Надеялась зашибить лишнюю тысячу долларов? И на Измайловский проспект в тот день поехала. Натурально не пустили. У нее с мозгами не совсем. Отчего не выставили с теплых мест?

Павел наморщил лоб: "Забыл, почему она Мотоустя, хотя зовут Клара?" Похоже, благодаря фамилии. Клара Устьянцева, а "Мото" оттого, что до нынешней "Оки" разъезжала на мотороллере. Доброжелатели подарили новую "Оку", дескать, не трещи и зря собак не дразни. Ну и Мотоустя!.. Рост — сто пятьдесят пять сантиметров. Масса — сто двадцать килограммов. А сложилось у нее так уже лет в четырнадцать. Получается, хорошо форму держит. Мебель перемещает лучше иного тяжелоатлета. Кровати не двигает, хватает за середину, поднимает и переносит. Беречь полы научили! Хи-хи! При эдакой корпуленции совершила семнадцать прыжков с парашютом, трижды в течение сорока минут управляла самолетом АН-2. Но в военное училище не приняли, космонавтом (фью!), как мечтала, не оказалась. И техником или инженером не сподобилась стать. Помешала нелепая историйка замоскворецкая... Прочулась пару семестров в МАИ, но выгнали из-за высшей математики. Взыграл знак интеграла — буква "S" запретила космос. Тайное в этом есть. Непрерывная неровность, нервность. Перемычка у символа доллара... Поедет Коралла на лошади, если опять начнет комплексы демонстрировать. Косидовский не мог остановиться. За мыслью шла еще мысль, но не та, а нужная пряталась где-то на заднем плане, словно за кулисами. Кругом сплошная интерференция. Любой человеческий тип не существует изолированно, но скачком переходит в соседний. Сразу, не постепенно! Без промежутков... И здесь перед ним мелькнула картинка.

— Ну да! — сказала в тот приснопамятный момент Элеонора, бросив девяностокилограммовую штангу. — Ваши жены — пушки заряжены. А вы ищете тех, кто верит и ждет. Нашли дуручек! С каких щей и с бухты-барахты я должна рваться на Курилы или в Чуркистан?

— И что предлагаешь? — делая вид, будто все ordinarily, спрашивал Павел ("Сла-богу, не культуристка").

— Выхода у тебя два: либо комиссоваться, либо определиться лакеем в академию...

— Почему лакеем?

— А в военных академиях лакеи — те, кто в чине ниже майорского. Надо за полковников таскать указку, раскладывать наглядные пособия.

"Требуется ли мне чрезмерно умная спутница жизни?" — засомневался Косидовский. Последний курс топографического многим развязал руки, позволил разжиться на всякий пожарный лишними кандидатками в жены. С полдюжины набитых студенточками вузов слились в ирреальную единицу, одни факультеты растворились в других. Шагает переодетый в штатское Павел по набережной Макарова (чуется, универсанты терпеть не могут курсантов, да сами по себе курсанты-недоофицеры воспринимались подчеркнуто желторотыми, хуже смотрящихся удальцами суворовцев; недорабатывали здорово военные дизайнеры), а взамен филфака ноги приводят к психфаку, чуть не на подозрительной психической почве...

Тогда Косидовский еще не представлял нужное и запасался вариантами. Но Павел знал: души нет... Точнее, он убедился: душа отсутствует лично у него, а потому везде искал объект, какой бы

ее заменял. Да, на Курилы он не поехал, а комиссовался, побыв адъютантом. Взял паузу с чужой подачи и душу встретил, которая ходила туда-сюда, оживляла тусклое житейское пространство. По молодости он не ведал: у тургеневских девушек есть тенденция превращаться в своих антиподов — тургеневских женщин. Шанс избежать смертельного апперкота — выбирать эмансипированных, но Россия не Париж и не Нью-Йорк; в Русландии они корявы: либо штанги кидают, либо имеют вместо сердца пламенный мотороллер.

Вот-вот. Косидовский пытался толковать и сновидения, и события. Для кого-то сновидения покажутся тренировкой перед чем-то. Истолкованию событий Павел учился не по учебникам. Уникальное зрение у него открылось, когда он числился школьником. Кое-что прояснилось — и присниться не могло...

В те смутные времена (Существовали ли они? Чересполосица в памяти: то твердо-резкое, тугоплавкое, то — маловесно-мякинное, бесформенное!) соученик Косидовского, Синельников, восемь раз ломал правую руку. Семь из них такое происходило при одинаковых обстоятельствах: на Синельникова налетал мотоциклист. Но однажды это случилось на легкой атлетике после несанкционированного прыжка в высоту перекатом. Прошло несколько лет с тех пор, как Косидовский-школьник перестал изобретать электрические вечные двигатели и верить в Буратино, Карлсона и подобных персонажей. Строгай не строгай полено, а человек из него не возникнет. Не всякому, увы, дано простейшее осмыслить. Внезапно освободившийся от суеверий и сказочек обост-

ренный ум Косидовского озадачился повторениями. Вначале Павел подумал: фантазер Синельников врет. Косидовский опросил всех, кого отыскал, и даже, прикинувшись посланником директора школы, познакомился с медсестрой хирургического отделения, в которое периодически привозили несчастного, и с оторопью постиг: "Вранья нет!" Но ужаснулся здесь не Косидовский, а его интеллект. И была, была прозаическая разгадка совпадений. Оказалось: третьегодник Синельников — класс-то не с литерой "А"; по свято-советскому уголовному принципу туда совали отпетых и переростков для отягощения кармы остальных — не хочет учиться, проще сказать, боится занятий. Глубоко спрятанная сила, что не хотела пребывать в мерзком казенном учреждении, норовила убить объект, в коем сидела. Она умела управлять ногами, но другая сила, ей противоположная, держала под контролем правую руку и, жертвуя ею, спасала организм. Но кроме тайных стихий есть закон причины и есть закон повторения волны. Закон волны важнее всего!

Теперь Косидовский, покуривая кальян, размышлял. Он тщился найти связи между несуразицами и особенностями, какие ему подарили природа или судьба. "Природа ли? — думал Косидовский. — Судьба ли?" По всему виделось: не природа, не судьба, а случай. Знал Павел те часы и те секунды, пенял на них, да позже потерял детали, сбился. Разное творилось: первое, второе, девятое. Почти одновременно. Что-то и стало причиной. Проклюнулась эта причина лет в восемь, а не когда он подстрекнул богатых интендантов

перекупить интересенькие акции и принял над несведущими в ценных бумагах старшими офицерами неофициальное командование.

3

Косидовский вспомнил себя, школьника младших классов, ту доисторическую зиму, деревянный дом и лицо старшей сестры Светы именно той зимой. Сестра стояла на крыльце и смотрела на черную собачку с белым хвостом, бегающую по утоптанному снегу.

— Розка родит щенков, — уточнила Света.

Эта фраза повисла умершей возможностью, памятником пустоте. События наступили на пуп самим себе: оцениться Розке не удалось. В январе или в феврале, раскидав сугроб и устроив под оградой лаз, в сад проникла чужая желтая собака. Она укусила Розку. Розка носилась по снегу, оставляя кровавые следы. Вскоре раны затянулись, о происшествии почти забыли.

Пришла весна, исчез снег. О щенках уже помалкивали. В остальном Розка вела себя по-обычному. И вдруг в конце апреля она набросилась на соседку Ираиду и прокусила ей сапог.

Затем в дом притаранился дюжий врач, Максим Давыдович. Он для приличия порасспрашивал жителей о том о сем. Всякий удивлялся. Никто не улавливал, чего этот благообразный ветеран добивается. Но Максим Давыдович побеседовал и с каждым в отдельности, позабрасывал престранными вопросами: "Что сегодня ели?", "Вы ели суп, а из чего он сделан?", "Какой идет месяц на дворе?", "Не сообщите вы мне, какое число наступит

завтра?", "А день недели какой?", "Не целовались ли вы с Розкой?", "Не приходилось ли ее гладить?" Затем врач прописал всем уколы от бешенства, сдернул очки и удалился.

Собаку больше не отвязывали. Она лежала в конуре, молча и затравленно глядела оттуда. Изредка высовывалась и утыкала взор в звездное небо, высматривала в нем ответственного за свою судьбу. Розка, наверное, чувствовала: очень скоро она здесь не будет, а ее теплый и уютный домик отволокут веревками дальше от сараев, польют бензином и подожгут... Над землей появится огонь и высокий столб дыма. Дым повалит в одну сторону, в другую, чуть замрет и устремится в неизведанное.

Павел терзался: "Зачем я сказал доктору: «До того, как Розка начала кусаться, гладил ее по шерсти»? Он и прописал тридцать дурацких уколов! А если воткнули некачественный? Например, с примесью наподобие прионов? Но уколов-то пятнадцать, а не тридцать! В этом заморочка? Или в третьем?"

И нашел Павел точку сборки — знаменательный урок во втором классе. Что было? Чистописание? Арифметика? Русский? Но не иное! Объясняла учительница. Вещала, аки птица пела. Разгуливала по классу в расшитом облегающем талию светло-синем джемпере а-ля венгерка. Падающие от окна лучи зажигали на нем золотые блески. Сполохи ходили по стенам, словно от Жар-птицы. Что значил вид преподавательницы и движения? Надо полагать, хотела в собственный рот посмотреть, перед зеркалом повертеться! Так красовалась! Так увлекалась! Вот, мол, дети, какая я, ваша учительница, хорошая и пригожая, и как

говорить изящно умею! Вот оно — зрелище! Похожее вовеки не встретите! Наслаждайтесь, пока есть возможность! До пенсии станете меня вспоминать, да и на пенсии вспомнится. Блеск! Блеск! Вы бы обратили внимание на пердючку-каргу или на невротическую уродину в параллельных классах. Сравните! Сравните! Повезло вам, дети, со мной! Или вы предпочитаете тех клуш и матрешек, кои рядом учат?

Много прозвищ дали преподавательнице. Одно из них — Жар-птица...

Оля, с которой Павел сидел за партой, быстро вырезала из бумаги крохотные цветки сирени натуральной величины. Вырезала она маникюрными ножницами пятилепестковый цветок, улыбнулась и похвасталась. Павел у нее переспросил, она ответила — и пошло. Да тут петухом выскочила учительница: "Ах ты, сволочь! Болтовню во время объяснения разводишь!". Схватила чью-то сумку-планшет, набитую чем-то тяжеленным (Кафельные плитки там гремели? Может, сумку Козырева? По инструкции отца Козырев каждое утро где-то крал десятка полтора штук кафельной плитки, а потом — не поворачивать же назад! — тащил это добро в школу), и принялась молотить ею Павла по темени: "Ах ты, сволочь! Бестолочь! Бестолочь потуская! Сволочь уповская!" А произношение! Произношение! Когда Жар-птица злилась, становилось оно, как у клуш и матрешек, что в параллельных классах — ученики не находили себе места от стыда, потупляли глаза... Ударила Жар-птица раз пятнадцать в истероидном сне без сна. С катушек полетела педагогиня. Жареной вознеслась. Ну и дело! Уколов штук пятнадцать, а теперь ударов — пятнадцать! Зло сверзлось с неба? Чье это задание? Кого-то свыше? Почуял

Павел крепкий запах гудрона, но не носом, ощутил верхушкой мозга. Аналогично германиевый транзистор со срезанной крышкой осязает горячий свет стоваттной лампы и служит датчиком. Никогда такого не испытывал. Лопнули, несомненно, в мозгу мелкие сосуды — и попала сыворотка от бешенства туда, куда проникнуть не могла по природе вещей, да скорее, проникла не сыворотка, но неизвестный загрязнитель. Раскладку эту Павел сразу угадал, хотя и не всё в ней уловил.

От сотрясения извилин у Косидовского повысилась температура, голова разболелась, и назавтра он не поспел на утренник с построением, речами и концертом. За нарушение объявила учительница Павлу строгий выговор с регистрацией, с хитро-нудным записыванием, в хвост журнала, но Павлу уже было наплевать. Он старался с той поры на утренники, собрания, соревнования, демонстрации, сборы металлолома и прочие коллективные мероприятия не ходить. Автоматически стал антиобщественным элементом, эгоистом и "частным капиталистом". Именно так его и называли после отказа сдать в макулатуру хранившиеся в сарае подшивки старых журналов. А еще без всякой основы его нарекли "Чичиковым". Наверное, оттого, что у гоголевского героя то же имя. Но суть не в том. Почему-то Павел изредка принимался рассуждать вслух и невпопад. Иногда даже рассеянность проявлял, а из отличника превратился в хорошиста. И почерк-то! Почерк! Забыл Павел чистописание, а до того считался каллиграфом!

Та ли то краеугольная причина — неясно. Но криводвигатель возник. И посыпались странные следствия, обыкновенные связи сущего разъехались, — и начал Павел жить по иным, чем обычные люди, законам. Интересно и жалко убегающего времени, потери сил на дополнительное трение, которое другим не снилось. Творилось с Синельниковым диковинное, и с Павлом Косидовским оно творилось, но не в тех сферах.

А ныне? Обострилось восприятие! Будто вновь ему грязную сыворотку от бешенства в брюшину закачали и раз пятнадцать надгорным паровым молотом по макушке ударили! Повторяется жизнь, повторяется!

Задумался Косидовский. В себя пришел — выяснилось: не там он. Не то ему видится, не то снится. Да уж подземные ходы! Ими изрыт шар земной насквозь. Люди живут не на поверхности, а во всем объеме планеты! На поверхности — только проекции-отображения! Платоновский театр теней! "Где мантия? Где магма? Где железное магнитное ядро?" — спросил Павел Косидовский. И оказалось, ничего этого нет. Открылся невнятный скол незримого. "Зачем так глупо, так неинтересно! Лучше до Марса пешком! И Луна рядом, а здесь ныряй в глубины, — досадливо констатировал Павел. — Что написано на роду... А затем? Дальше в рифму должно быть. Или без нее? ...написано на роду, то... тому... Не вспомнить". Провалился Косидовский еще глубже и, низвергаясь, зрел округу насквозь, с представляемым и случайно подставляемым. Уходящие свистящие пространства словно бы и не исчезали,

а мерещились. Ахнул Косидовский — и земной шар у него в голове: геополитика и затытика, зотаника и даостатика. Вот они тяги, шестерни, кремальеры, верньеры, рычаги и кнопки...

"Нажать, нужно обязательно нажать! — забурлили планы. — Отчего не подтолкнуть?! Не воспользоваться возможностью?! Но те ли рычаги, те ли кнопки? Ух, нажал бы, многое перестроил, перевернул! Тут они, тут они! Подлинные! Немедленно нажать и подкрутить не рукой, а мыслью! Как нажмешь — так и будет!"

И принялся Косидовский нажимать на проступающие из-под тумана пульсирующие кнопки-окончания, давить огромные артерии, переключать нефтепроводы, газопроводы, переносить дороги, перемещать морские и воздушные пути, изменять ход истории. "Надо ведь табакерка! Надо ведь музыкальная шкатулка! Всё различимо! И пофигизм везде! До всего легко дотянуться! Вперед! Вперед! Тянуть тяги! Вращать маховики! Перетасовывать связи! Перемодулировать сигналы!"

Уф! Обзор пропадает. Но хватит свершений и видений. Остановить их? Не удастся. Вылететь наверх? Получается. Почему летишь ввысь — неизвестно. Но вариант не тот, не тот. Не могут существовать эти шхеры, норы, пустотные пещеры. И главное: неощутим сам для себя... А для других?..

Что на теле Земли? Уже нельзя рисоваться в трехстах местах одновременно. Первый, кого удалось найти, был владелец Евразии. Во дворике вдали от магистралей...

.....

Владелец Евразии похож на китайца, но у него светлые волосы и светло-серые глаза. Его левое ухо меньше правого. Он житель Харбина. Любой сильный мира сего, сумевший прикоснуться к одежде или коже владельца Евразии, имеет мандат неограниченной власти. Целых тридцать шесть часов! Но никто не ведает об этом.

"На черта мне теперь власть!" — помимо воли проговорил Косидовский.

Вторым найденным стал немощный и дряхлый владелец Африки. Восемьдесят три года назад он покинул Эфиопию и поселился в Тунисе. Во избежание смуты не нужно никому называть его селение. О бытии владельца Африки узнали коммерсанты из ЮАР. Они давно задействуют его в своекорыстных целях.

"Премило! Разве мумба-юмбадохнут от СПИДа! И порядок этот не отменяем! В чём и загвоздка!"

Полет — перелет! Опять под землей перелет. И вот Австралия! Владелец Австралии, наоборот, юн. Ему не исполнилось и четырех лет. Гм... Уравновешенный, подающий надежды ребенок.

"Короткие штанишки? Да нет! Обойдемся без напарника!"

И вот — владелец Антарктиды...

Владельца Антарктиды зовут Пй́нгвин. Он росл и грузен. По обыкновению Пй́нгвин прячет тело жирное в утесах... ("Что? Что? — пронеслось в мозгу Косидовского. — Слишком опера знакомая!") Глупый Пй́нгвин очень боится барражирующего в небе Буревестника.

"Розыгрыш? Ан нет! Это не у Максима Горького списано. Молодой ницшеанец, подраненный Алеша Пешков, после попытки застрелиться, прохлаждался в тех же неизменных эмпиреях вечности, а пережитое там — записал. Не попадись ему злостный житомирский саботажник Короленко, вышел бы Пешков в дамки символизма, сиял бы славой русского Лотреамона!"

Наконец вакансия. Америка до сих пор без владельца. Наиболее подходящие для этой латифундии индейцы не дожили до наших дней.

"Америка? — соображал Косидовский. — Не желаю Америки! Через полтора года лет не отличишь Северную и Южную от Центральной! О-о, родится кофе с молоком и текилой!"

Контроль: контрольный

[16 +; 35 минус]

...утром дорогу перед капотом перебежала кошка. Впрочем, рыжая. И не кошка, а, судя по здоровенной морде, кот.

Кто бы это мог быть? Да известно, кто! Не иной! И думать не хочется! Он, скотиняка, опу-

пел! Но связываться — ни-ни-ни! Лучше отрежу ему что-нибудь. "Но нет! У него особая статья есть. На гул! На хул!" — крикнем дружно! Пока скромненько предупрежу. Ах, ты! Еще и управделами заболел. Руководитель администрации не придет. Везет коту толстомордому! А если меня на троне сменит, паразит?! И щелкнуть по носу нельзя. Из-за него неразберихи-несварихи пошли. То с перьями, то с трубами, то — с маразмой-протоплазмой. В перьевой стране с перьями в сорока двух субъектах федерации замороки.

Почему в Европе проблем нет? А от нас совет! Яволь! В ГДР торфом топили — и ничего, часто без котелков. И все равно — орднунг унд штрэнгэ дисциплин! И вовсе не оттого, что каждому бесплатно по четверти стакана штази наливали.

Ели восточные немцы на грош. Зато пили как следует. Цум воль — прозит. Цум воль унд цум воль. Хорошо нацумволивались, а схрумкивали за вечер только пару бонбонок. Вот тебе, бабушка, "после первого стакана не закусываю"! Это лишь русские жорики-швайнкопфы просекают, в чём соль эпизода из "Судьбы человека".

Проглядел выделенное разными фломастерами... Сегодня больше заинтересовали "плохие" цвета. Не иначе рыжий досадил... До чего стервецы дошли! Вчера зачем шнягу гнали по тому каналу?! Собаки! Собаки! Куда их? Предыдущий многое позволял. И что получил? Не тот винегрет! Гагаке лапчатому, гагаке хрустальному было мало. За облака воспарил, трамплины начал строить, мосты. Собирался верхотуру замостить. Чуть-чуть крыльев и фантазии не хватило. А внизу по-

добно танку себя вел. И пришлось его слегка перемостить. Он не понял. Не всё дотумкал.

Плюс другое вспомнилось. Еще как вспомнилось — насквозь прошло. И тут же провернулись в голове затверженные формулы: *"Заткнуть фонтаны! Убрать раздолбаев!"* Раздолбаев никто не сеет, не жнет, они сами родятся. Прореживать, отрезать и просеивать. Богатство и сила придут из пшика. По академику Зельдовичу.

И вообще: всякий сверчок знай свой шесток. Неча *вы-со-вы-ва-ца* кому не положено. Но когда для дела потребуется ушки, рожки или серебряные, хоть и глиняные копытца продемонстрировать — тогда мы скажем, тогда мы покажем, заставим высунуться, пусть даже головы и ноги при этом сбреет. Ордунг должен быть.

Раздался звонок внутреннего телефона.

— Слушаю.

— Готов анализ посылки с пачками чая.

— Ну, и?

— Токсичного не обнаружили, но присутствует постороннее вещество. Возможно, думали напугать.

— Позабыл, кто отправил посылку.

— Послали с почтового отделения на Комсомольской площади. Некто А. В. Петров. У нас Петровых миллион, а здесь, скорее, не москвич. Корпус ящика чрезвычайно тяжелый.словно специально подыскали, чтобы не отсылать бандеролью и не предъявлять документы. Присовокуплена краткая записка...

— "Отличный чай, прямо кремлевский". Верно?

— Так! Его желательно никому не отдавать, как вы намекали, но уничтожить. Проще говоря, сжечь.

— Поступайте по ситуации, — он кинул трубку и забормотал слова заклинания: — "Живый в помощи вышняго, в кровѣ Бога небеснаго водворится; речеть Господеви... ..Богъ мой, и уповаю на Него".

Штука! А у нас (он передернул плечами) опять отловили снайперов. Откуда чертяки берутся? Весь народ за меня. Будь халатный Горби на одну двадцатую мной, сейчас находились бы в раю. Ха-ха! Надеюсь, в земном раю... А почему бы, и правда, не выпить чаю? В горле пересохло. А может, подсушить поц-затычки между Ленобластью и Кенигсбергом? Не теперь! Пока пару пробных фраз брошу — хай журналюги разбираются, развивают умственные способности. Но сяду в кресло Генсека — высушу. Хотя шахты и бухты уже иссякнули сами... Ладно! Лишь появится недостаток спирта и угля и булки на деревьях кончатся... Начну с затычек, не с Европы. Главное, предлог бы нашелся.

КБ-7

Пещный не оказался в глупо-мудреном положении Тургенева или Маяковского. Надя трудилась на всемирно знаменитом ракетном заводе имени Столешникова, часто пропадала там днями, дежурила ночами. Она каким-то образом достала Пещному пластиковую карточку. На пластике Дмитрий увидел свою фотографию и чужую фамилию: *Мандро*... Показывать паспорт никому не -

понадобилось. И Пещный превратился в секретного любовника секретного работника на суперизвестном секретном заводе в одном из московских городов-спутников.

На тамошней овощебазе Пещный без документов зачислился экспедитором в абхазскую фирму. Фирма занималась не овощами, не закрывалась на ночь и в выходные дни. В любое время Пещный приезжал к абхазам. Рядом с гигантским дюралевым сараем денно и ночно стояли с включенными двигателями три десятка разномастных грузовиков. Пещный выбирал шофера-халтурщика, загружал товар и рисовал ластиками автомобильных протекторов хитрую загогулину на теле Москвы. Крутился сиим макарон Дмитрий с пятого на десятое, но ухитрялся при этом огрести червонцев раз в семь больше, нежели Наденька и ее муж вместе взятые.

Прошло два года. Пещный уже не на краю гнезда, он чувствовал себя вне его. Пусть Боренька соглашался едва ли не на роль камердинера, а в распоряжении Пещного — с полдюжины свободных помещений ракетного завода... Маятник судьбы торкнулся с того, что Дмитрий стал терять сон. Четыре часа сна в сутки, один час — и наконец Пещный разучился спать вообще. Странно, но его эротические способности резко усилились при таком обороте вещей. Зато восприятие мелодий и ароматов ослабевало, удовлетворенность жизнью — улетучивалась. Приходил срок отъезда. Как быть? Бросать Надю Пещный не собирался, невозможно придрататься к ней, а в самом Дмитрие начисто отсутствовал внутренний зверь, вызывающий спасительные скандалы, толкающий события к развязке.

Распрекрасным утром Пещный шагал по необъятному двору между длинным приземистым бараком и высотными сооружениями, сверху до низу обтянутыми брезентом. Неожиданно на Дмитрия выехал луноход. Серебристая машина медленно ползла по асфальту. Луноход остановился, к нему подошел инженер, вознамерился регулировать его башню. Сбоку завизжали шины, к аппарату подрулил джип охраны. Пещный знал: этот автомобиль — не меньший уникум, чем луноход. Его изготовили не в Ульяновске и не в Нижнем Новгороде. Несерийный джип сварганили на КЗКТ — Курганском заводе колесных тягачей — в пик пореформенного простоя. Из экспериментальной машины вылез пожилой человек в штатском, коснулся рукой нержавеющей металла лунохода и начал сухо и беззвучно рыдать. Видимо, пристроенный в охрану заслуженный пенсионер оплакивал смерть космической эры. Да! Луноход подчистят, подправят и отвезут на третьестепенную выставку, но никогда эта серебристая штучка не коснется другой планеты: ни Луны, ни Марса, ни Венеры... И ультрамодерные аппараты туда не десантируют: мир иных планет для России захлопнулся перед носом.

***Продолжение эффекта № 1,
ювенильного,
плюс эффект № 13***

1

Константин упек сыночка в военно-патриотический лагерь "Феникс". Лагерь находился далеко. В Лодейнопольском районе. Автобусы с детьми тронулись — и папаша услышал: славное заведение предназначено для трудновоспитуемых подростков и слегка похоже на колонию для несовершеннолетних преступников. Что делать? Поворотливостью, разворотливостью Константин не отличался. А поскольку давать отбой поздновато, он для успокоения пробормотал: "Ad augusta per angusta. Лучше этот лагерь, чем психиатрическая лечебница, в которую загремела мамаша".

В лагере Валик почти сразу получил кличку. Никому не спалось в пахнущем краской корпусе. Потихоньку переговаривались сосед с соседом. Затем стали делиться байками и жуткими историями уже для всех. Не первойшей свежести: "В черном-пречерном лесу стоял черный-пречерный дом, в черном-пречерном доме был черный-пречерный стол..." и так далее. Очередности в порядке рассказывания — никакой. И здесь к Валику пристал сосед:

— Расскажи страшную историю!

— Расскажи историю, — повторил второй сосед.

— Расскажи, расскажи, — загалдели кругом.

И не к месту Валик выпалил:

— Расскажи, расскажи... а почему не покажи?

— А ты покажи, покажи, — иронично заметил сосед.

— Покажи! Покажи! — зашумел общий хор.

Ретироваться некуда. Торопила деликатная двусмысленность ситуации.

— Кири-кири! — крикнул Валик в пустоту и принялся сверлить ее взглядом.

И тут вечерняя муть сгустилась, зашевелилась, из нее высунулось непонятное существо, которое может жить только в кошмарных сновидениях.

— Ай! — донесся чей-то напуганный голос.

— Вай! — передразнил трусишку Валик, и Кири-Кири исчез.

Промелькнувший призрак произвел колоссальное впечатление на публику. И Валик стал почтительно именоваться Гарри Поттером.

2

Игры в лагере обычно начинались из-под палки, по расписанию и под присмотром. Иных развлечений почти не оказывалось. А те, что возникали сами, были очень смешными или запретными. Они могли быть разве в психиатрическом интернате или у зэков. Одно из них — поход к деревенскому ларьку. Серый сумрачный ларек стоял у перекрестка дорог, но продавцы предпочитали в хорошую погоду в нем не прятаться — слишком вонял товар. Они выносили столик и торговали с него. Приличные продукты на нем трудно увидеть. По словам девушки-продавца, ас-

сортимент как во времена Горбачева, но качество гораздо хуже. Будто бы ничего и не менялось. Кидались в глаза малоаппетитные банки с зелеными помидорами, пахнувший вином перебродивший инжир в пачках, отдающие дрожжами токсичные плавленые сырки из глубоко уважаемой и особо любимой эсэнговой республики; высились стопки некогда сгинувших сигарет "Прима" и гниловатых папирос "Север"; громоздились бутылки с импортным подсолнечным маслом. "Рехнулись иностранцы на подсолнечном масле! Поджарить бы их на нем! — говаривал старший вожатый. — Во всякую больную точку мира посылают! Кому такая гуманитарная помощь нужна? А ведь сбываемое — пособие чеченцам, на котором кто-то наживается".

Куда-то проваливались сникерсы и жвачки. В чем загвоздка? Жители заранее узнавали о привозе товара и в тот же день его расхватывали, а тархтящая Tatra подвозила продукты только в дни выдачи денег в колхозе. Юным бойцам детского военного лагеря "Феникс" строго запрещалось употреблять сникерсы, марсы и прочие непатриотичные сласти. Рекламировали якобы отечественные шоколадные изделия фабрики имени Крупской. Но они в сельпо не поступали. Валик о них не жалел, вспоминал лицо своей бабушки, Вероники Калиновны. Ленинградская хореография и петербургский шоколад вызывали у нее обострение ревматизма.

Настоящий Гарик, то есть Гарик Лысенков, и Гарик Поттер, то есть Валик, подошли к лотку. Поттер обратил внимание на большой дефицит:

какао. Чистое, незамутненное наполнителями какао и в городе не найдешь. Всё его, по мнению папаша, норовят сразу пустить на шоколад: так выгоднее. Мальчики придвинулись ближе и под насмешливым взглядом продавца осмотрели и обнюхали пачки. Одно какао было прибалтийское, другое — отечественное. От прибалтийского пахло плесенью, от отечественного — ванилином. Гарик Поттер, то есть Валик, не удержался от хохмы:

— А какое какао лучше: отдающее плесенью или пахнущее ванилином?

Хохма не удалась. Продавец лениво промямлила:

— Оба плесневелые. Просто во втором плесень забита ароматом. Но какао с ванилином, для печенки вреднее.

— Почему? — еще надеясь на удачу, спросил Поттер.

Продавец равнодушно ответила:

— В нем два яда.

От страдания, от скуки и отсутствия на лотке халвы или подобного ей, пацаны обзавелись прибалтийским какао. Валик тут же вскрыл пачку и лизнул:

— Отчего какао сладкое и светлое? Информация и на русском. На пачке не напечатано, что туда положен сахар и сухое молоко.

— Важность! — пробурчала продавец. — А если здесь не какао, а отходы шоколадного производства. Смели с пола и нафасовали, а дураки купили.

— Поэтому на зубах скрипит! — озарило Валика. — Кроме сахарного песка, в нем и минеральный! Отчего на границе такое прозевали?!

— Не песок, а цемент. И кто вам сказал — из-за границы? Может, и правда вредительство или тамошние русские по стародавней привычке свиных чат. Но не думаю. Если у нас насыпали и пачки в типографии заказали? Документы, конечно, подлинные, от прибалтийской партии, которую услали в Москву.

— Вот волшебство! — восхитился Поттер. — Всё видите?! Вы фея?

— Фея! Фея! Но не я, а наша деревня. Запаслась у меня баба Галя макаронами с сушеной мышкой. Полчаса — и о том дошел слух в дома за озером. Вот и какао с цементом до вас лежало.

— А зачем вы его продали?

— Хо-хо! Зачем вы купили? Не я ли предупреждала: оно плес-не-ве-ло-е! Эх, Поттер, Поттер! Плохой ты кудесник. А у нас уши развесили: английский волшебник живет в лагере!

— В действительности английский шпион Джеймс Бонд! — изрек до того молчавший настоящий Гарик. — Он у нас с орденом Пенника спутался!

— Матом ругаешься?!

— Не ругаюсь я! У него и пенник еще не вырос.

3

Важным средством воспитания считалась песня. Новые вещи не написаны. Реанимировали старые. Правда, веселенькую древность со строчками: "Взвейтесь кострами, синие ночи!" петь не заставляли. Боялись, как бы кому не донесли, да как бы чего не вышло. Зато "Ночи" по

три-четыре раза в неделю доносились из динамиков. Вырезать их из готовых сборников не собирались. И кто бы бесплатно взял на себя труд?

Стингов, Zemfir, разную металлику требовалось дегустировать тайком, но подобным маревом никто, кроме младших вожатых, не увлекался. Странная расслабляющая и сладенькая попса, которую слушали на ночь через наушники не имела ничего общего с металлом.

Многие официальные песни перекочевали в лагерь из Министерства обороны. Они — для хождения строем, и не заводили. Может, оттого, что их исполняли в записях только взрослые. Из старых пионерских чаще принуждали петь "Орленка" и песню о барабанщике ("барабашке", — упрямо поправляли скауты). Обе воспринимались мистично, не хуже "Белокрылого ангела". Кто такой орленок, который должен... взмахнуть опереньем (а не блеснуть им или сверкнуть, как в бумажных текстах!), кто такие враги, которые называли орленка орлом, не знали ни подростки, ни вожатые. А дети, благо, не спрашивали. Самым таинственным казался текст о барабашке. Барабашка-тарабанщик отождествлялся с коммунистическим призраком, шагающим по городу: "Будет полдень, хлопотливый и гремющий, звон трамваев и людской водоворот. Но прислушайся — услышишь, как веселый барабанщик с барабаном вдоль по улице идет". Определение "веселый" ни о чем не говорило. Мотив заунывной мелодии вещал: тарабашка — призрак очень печальный, но она всем нравилась.

Откровенно подходило запрещенное, например полублатные песенки из "Бременских музыкантов" с речевками: "Ох, рано встает охрана!" да "Работники ножа и топора, романтики с большой дороги".

Шестеро скаутов — и даже Валик — дружно топали по узкой дороге, идущей близ клумб, и голосили на мотив "Ах, вы, сени, мои сени":

Соня! Соня Колпакова!

.....

Мальчишей-плохишей остановил начальник лагеря:

— Этот неприличный текст сочинен на иностранные деньги! Его придумали специально для опорочения нашей Родины. Запомните, Родина не государство, не земля, не мать, не сестра, не невеста. Вы обязаны сами чувствовать, что она такое.

Валик уперся взглядом в прогал между облаками и, похоже, понял совсем иное.

4

Лагерь предназначался для подростков мужского пола, но в нем жили и тринадцать девочек. Еще с прошлого года девчонок в лагере прозвали путанами, а корпус "Д", где они находились, — путанником. Отучивать детей от глупых именовании считалось бесполезным делом. Обитательницы здания от девяти до пятнадцати лет себя

путанами и величали, и гордились гуртовой кликухой. Путаны всем родам войск предпочитали кавалерию. Вследствие этого лошадки в конюшне были накормлены, вымыты и вычищены. Ржавели велосипеды. Но вскоре застаиваться в конюшне или на привязи у деревьев стали и животные: вожатых не удовлетворяла облошаженность тропинок на территории и в лесу.

Заигрывать путаны стремились с ребятами из младшей и средней групп. Младших они использовали вместо кукол. С палаточниками поддерживали дистанцию. Зато строили глазки вожатым. Гораздо удобнее и никому не обидно. Второе после лошадей увлечение путан — "балет", занятие секретное. Смотреть и показывать его могли только избранные. Валик попал в их число, то есть он поступил в штат зрителей. Отец Валика слегка знал обитательницу корпуса "Д" Нину. Он как бы в шутку попросил её надзирать за Валиком. Она ограничивалась тем, что время от времени приглашала Валика в свой корпус. Там Валик раскрывал тайны карточных фокусов, а пару раз подманил Кири-Кири. Восторг от призрака испытали немногие. Но за другие достоинства, особенно за честное и правильное лицо, Валика допустили к "балету".

Однажды Валик возился на площадке с гимнастическими снарядами. Первые недели смены к ним разрешалось подходить, потом их изымали и прятали под замок: начальник лагеря и доктор боялись, что юные бойцы из-за интенсивных физических упражнений потеряют вес и уедут худыми. К Валику подошла Нина. От нее интенсивно

пахло чем-то парфюмерно-косметическим, наверное, питательным кремом. Валик не стерпел и приник носом к ее голому плечу. И от плеча пахло, пахло от всего.

— Вот намазалась! — изумился Валик.

— Через пять минут балет! — сказала Нина.

— Какой балет?

— А сякой!

За зданиями, на некотором отдалении, высился сарай для дров и сена, с очень большим чердаком. Он походил на здоровенный одноэтажный дом. Снаружи к двери чердака кто-то приставил кривую деревянную лестницу. Под лестницей стояли два мальчика.

— Присоединяйся к ним, — кивнула Нина, а сама отправилась в кусты. В них шушукались несколько девочек. Первой из кущи вышмыгнула Таня Жукова. На ней колыхалась широкая юбка.

— Я полезу, а вы смотрите на меня, — заявила Таня и стала медленно подниматься по лестнице.

Валик добросовестно пялился на нее. Таня приближалась к концу пути, а Валик вроде бы ни черта не расчихал... "Разве балет? — удивился он. — Такой балет и на пляже бывает".

— До лестницы трусы сняла, — тихо прошептал мальчик слева.

Но Таня юркнула под кровлю. Валик ничего не увидел.

Второй поднималась Нина. Она надела юбку уже, но Валик мельком разглядел ягодицы и уголок между ног. Нина перемещалась медленнее, чем Таня. Идя, она словно бы и танцевала, и уст-

раивала всевозможные па, которые обычно выделяют воздушные гимнастки. Упершись взором в пустоту, Валик почему-то думал о селедочных брюхах и куриных гребешках. Продефилировали еще четыре девочки. Соседи Валика обсуждали детали зрелища, а Валик ухватывал исключительно рыбы брюшки и куриные гребешки. Ему чудилось, вверх забираются неизвестные науке животные. В качестве послевкусия он представлял себе зобы, распоротые кишки и вываливающуюся икру. Это было для него нормально. Ни радости, ни отвращения он не ощущал. А ведь год назад он с удовольствием поглазел бы на "балет"! "Виноват Кири-Кири!" — счел Валик.

5

Чуть не каждого насельника лагеря украшали наколки. Количеством и качеством наколок всех победили путаны. Со временем число наколок у них увеличилось: путаны обижались на запрещение пирсинга и с помощью татуировок силились выразить протест. Наколку, в отличие от блестящих железячек, не вытащить. Вожатые сердились, но, часто не зная, как реагировать, старались в непотребство активно не вмешиваться: "И без того отряд гитлерюгендом именуют!" Но шикарнейшей наколкой щеголял хулиган Кука (наренный так за "вирусоманию" и постоянное стирание в общем компьютере "кук"). На запястье левой руки, где положено быть якорю или чему-то подобному, у Куки красовалось схематическое, но точное изображение женской матки в стилизованном обрамлении придатков. Младшим бойцам

(то есть бойскаутам) по скопированной на кожу интернетовской картинке шутники советовали изучать анатомию. Но путаны, обнаруживая куковский шедевр, просто тыкали пальчиками и хихикали. На что намекало хихиканье, никто из мальчишек не догадывался. Путаны находили в куковском рисунке иное, нежели остальные.

У Валика наколок не было. "И не будет!" — замечал себе Валик. Но в действительности больной вопрос раз и навсегда решила мама и хитро втиснула готовенькое решенье в Валикову, голову.

"И у Тани Жуковой нет наколок, — пробормотал Валик. — Ха! Разве нет, если у нее на жо коня со стрекозиными крыльями видел! И тотчас забыл! Или нет коня? Как бы теперь проверить?"

То ли для симметрии, то ли из иных причин Татьяну Жукову звали не путаной, а Таней Гроттер. Таня умела приручать белок, трясогузок соек, чем и прославилась. Но суть не в этом. Назревало другое обстоятельство. Тили-тили тесто напращивалось само собой. А шутки плохи. Гроттер была здоровенной девицей и при желании могла до смерти забить худосочного Поттера. "А ладно, — успокаивал себя Валик, нашла на нее Кири-Кири!"

6

— Эй, Поттер! Тебя вожатый Михаил зовет, — крикнули Валику.

Валик чертил прутиком на земле схему электронного жучка для подслушивания и объяснял

принципы взыскующим. Отрываться от занятия ему не хотелось.

— Эй, Поттер! Ты схлопочешь! Беги к корпусу "А"! — предупредил Валика уже третий посланец.

Ничего не оставалось. Да и схема почти закончена.

— Товарищ вожатый! Юный боец Выготский по вашему приказанию прибыл.

— Ты всё прибывал? Ты не прибывал, а где-то пребывал и прохлаждался! Почему сразу не пришел, когда тебя попросил Семенов?

— Я думал, Семенов врет. Да он пытался меня выкурить со скамейки!

— Индюк думал! Плохая служба, юный боец Выготский, тебе зачтется. Что за малинник вы устраивали у сеного сарая?

— Какой малинник?

— А "балет". Вы так его называете?

— И правда, товарищ вожатый, вы там балет видели?

— Я тебе увижу! Погоди, дрянная служба зачтется".

7

Ибн Вола привезли в середине смены. Это был малыш по росту и возрасту. Но в первый день ему дали две клички: Вол и Ларин Пётр. Новенький продевал иголку с ниткой не только сквозь щеку, но и сквозь центр ладони. Мало того, он средь бела дня на долю секунды отрывал у себя пальцы, а потом возвращал их и сращивал. То же он вытворял с крупными суставами ног и рук: место, где соединяются части ног или рук,

на время покрывала непроницаемая тень. Палаточники ставили Вола Ларина Петра то против солнца, то на солнце, но пробегающие жесткие тени, имитирующие разрыв, никуда не исчезали. Вторая кличка Ларин Пётр (или даже Ларинпёрд) не удержалась, Вола после отрывания левой ноги переименовали в Порри Гаттера; книга с таким названием появилась на стенде в библиотеке. Кликуху Порри Гаттер через пару дней поменяли на Ибн... Кто есть Ибн? Ибн Волька или ибн Алеша? Непонятно. Ибн да Ибн! Не из-за дурачества палаточников, оскорбляющих обитателей домиков словом "сынки"? Отсюда гораздо чаще, чем Лариным Петром или Порри Гаттером, новенького называли либо Вол Ибн, либо, что страшнее, Ибн Вол. Считалось, Ибн — не сын волшебника, а сын вола. Пусть Ибн Вол — хитрый фокусник, но на внешность он, тусклый стриженный наголо карапет, тусклым карапетом и оставался, а потому прозвище Ибн Вол ему очень шло. Вдобавок от странного пацаненка пахло мышами, а доктор, неосторожно обмолвившись, оценил его в присутствии вожатых как дауна. А те не почли за надобность диагноз скрывать.

Валик усматривал, что Вол, невзирая на возраст, рост и запах, чуть не особая личность, йог, но это была ошибка. Выяснилось, чрезвычайная способность Вола — провоцировать кого-либо, а затем убегать вон, шустро перебирая короткими ножками. Многие нарвались на его козни.

— Поттер-Поттер! Покажи пеникс! — воскликнул Ибн Вол, спрятался за стволом дерева и,

сделав обманный маневр, подскочил к Валику в попытке сдернуть с него трусы.

Валик хотел схватить Вола за шею, но тот извернулся и бросился наутек. Догнать ловко маневрирующего Ибн Вола не удавалось. Но возле угла корпуса Вол налетел на врытый скребок для чистки обуви, клюнулся в землю и неожиданно для Валика заплакал, завизжал, как девчонка.

Валик почувствовал: его тянут за ворот; оглянулся и увидел торжествующего вожатого Михаила.

— Ага! Маленьких обижаешь! Сейчас отправлю тебя к начальнику лагеря! Получишь по первое число! Покукуешь ночь в подвале под столовой! Там крысы величиной с лошадь! К утру твои косточки и вытащим!

Начальника на месте не обнаружили. Не оказалось и старшего вожатого. Оба выехали в Лодейное Поле, еще намеривались в Петербург. Не ждали их вообще. Валик обрадовался, а зря.

Вечером на линейке главным был вожатый Михаил. После положенной беседы о Русском государстве и древних русских воинах-богатырях Михаил заявил:

— В лагере есть горе-бойцы, которые недостойны нашей Родины.

Он подал знак движением запястья: барабанщики мгновенно развернули инструменты. Грянула быстрая и четкая дробь четырех палочек. Валик смекнул: действие запланировано и срежиссировано заранее. Дробь прекратилась.

— Валя Выготский! Выйти из строя! — командовал Михаил.

Валик вышел и поворотился лицом к линейке.

— Юные бойцы! — начал Михаил. — У нас в распоряжении свидетельства, что ваш товарищ Валя Выготский обижает маленьких!

— Коля и Вера! Два шага вперед!

Коля и Вера вышли.

— Обижает Валя Выготский маленьких? — спросил у них вожатый Михаил.

— Обижает! — пропищали Коля и Вера.

— Коля и Вера! Встать в строй! Надлежаще установлен факт: Валя Выготский обижает и обижает маленьких!

Ударила по ушам громкая дробь барабанных палочек.

— Будем бить Выготского барабанными палочками? — обратился Михаил к присутствующим.

Дети молчали.

— Языки проглотили? Будем бить?

— Будем бить! — хором ответила линейка.

— Та-ра-ра-хт! Рахт! — согласились барабаны.

— Но мы до этого не снизойдем! — возразил Михаил. — Мы до этого не скатимся! Слишком много чести бить того, кто обижает и бьет маленьких! Негодяя и подлеца Выготского должны учить другие. Все знают: под столовой живут крысы-людоеды. И крысы обязательно съедят протобестию! Ну-ка, хором произнесем: "Пусть съедят!"

— Пусть съедят! — громко пропела линейка.

Е-да-да-дят! — изобразили эхо барабаны.

— Итак, приговор подтвержден.

Опять застучали барабанные палочки.

Михаил нагнулся, поднял с помоста и продемонстрировал огромный замок с торчащим из него ключищем:

— На замок и запрем Гарри Поттера. Нехай попробует заколдовать крыс, если он (хи-хи!) могучий волшебник! Вот уж его обгрызут! А утром мы посмотрим, во что Гарри Поттер превратится! Мы увидим, какого цвета у него косточки!

Застучали барабанные палочки. Их дробь больше не прекращалась.

— Конвой! — заорал Михаил.

Явились три старших мальчика-палаточника.

— Увести преступника на место отбывания наказания.

Двое надели на Валика наручники, взяли за плечи и повели. Третий с ржавым замком побрел следом.

Барабанная дробь прервалась, когда идущие отошли метров на сорок и скрылись за деревьями.

Для Валика время заковывало будто во сне. Он не чувствовал наручников, почти не воспринимал, как его ведут. Освободив руки, втолкнули в пахнувший сыростью подвал, закрыли тяжелую дверь, с лязганьем задвинули щеколду, со скрежетом навесили замок. Конвоиры, перебросившись несколькими невнятными словами, удалились. Горела забранная в решетчатый колпак тусклая лампочка. Похоже, она гудела. Нет! Гудел понижающий трансформатор. Валик поискал взглядом выключатель, но увы... Наверное, он располагался где-то снаружи. В проходе висели другие, потушенные или перегоревшие лампоч-

ки. Выключателей на стенах не оказалось. Коридор тянулся вглубь, его окончание терялось в сумраке. "Без свечки там ловить нечего", — подумал Валик, прошел до боковой загородки из штакетника и уселся на рулоны с рубероидом. От рулонов пахло смолой и шпалами. Было тихо. Крысы пока держали себя спокойно или спали. Валик слышал шум деревьев и немного звуки, доносящиеся с вечерней линейки. Протекло минут двадцать. Линейка вроде бы распущена. В дверь постучали:

— Эй, Поттер! — донесся басок Михаила, — В штаны не наложил? Эй! Ты не умер?

— Не умер! — нехотя ответил Валик.

— Раз не околел, значит, крысы тебя еще не съели! Подожди, подожди! Скоро они к тебе подберутся! Узришь кузькину мать!

Михаил потопал прочь.

Примерно четвертью часа позже вновь раздался стук:

— Поттер! А, Поттер?! — долетел до Валика чей-то шепот.

Валик приник к двери:

— Кто здесь?

— Я, Таня Жукова.

— А! Гроттер! Долго жить будешь. Не узнал тебя по голосу.

— Ты, Поттер, крыс не бойся. Они тебя не тронут. Хочешь, я покалякаю с ними?

— Ты даешь! Они сюда сбегутся и начнут вонять! Это тебе не белки!

— Я их на расстоянии заговорю...

— Ты бы дверь заговорила, чтобы она открылась. Крысы не крысы, а я замерзну! Колотун, словно в холодильнике!

— Не смогу ее заговорить. Она деревянная, не живая.

— Живая! Живая! Потяни слева раму за скобу, а я пихну изнутри. По-моему, столб не вкопан или подгнил.

— Не тянется!

— Давай дружно! Раз, два! Тяни!

— Не тянется!

— Представь, перед тобой репка! Раз, два! Тяни!

Валик толкнул трухлявый косяк — и тот захрустел сухими гнилушками. Дверь подвинулась вместе с ним.

— Отойди! — крикнул Валик Татьяне. — Я ногой шарахну!

Валик отошел на несколько шагов и, разогнавшись, сильно ударил подошвой по столбу. Столб заодно с закрытой дверью отступил еще, щель увеличилась, и Валик протиснулся через нее.

— Ура! — тихо сказал он. — А ну-кась сделаем, как было! — Раз, два! Поднажмем!

С третьей попытки им удалось водворить раму в паз.

— Куда теперь? — поинтересовалась Гроттер.

— В барак точно нельзя. Сообщат.

— Да уж! Все видели проработку на линейке! Страсть мечтают посмотреть на твои косточки!

— На всякий случай зайдем за корпуса. Как бы по дороге кто не попер. Но в лес тоже нельзя: там комары и холодно.

— Комаров придется терпеть. Да и не так их много. Сразу бы закусали. А холод... Подожди меня тут. Отыщу куртки, — заявила Гроттер.

Вскоре двое отправились по известной тропе, уводящей в чащобу. Идти по широким дорогам было опасно. По ним в любой момент могло пойти начальство. И вот полянка. За густым калинником журчал ручей. Дети уселись на поваленное дерево.

— Поиграем в маму-папу? — задала вопрос Гроттер.

— Поиграем, — неосмысленно согласился Поттер, будто речь шла о салках или считалках. Во что-то надо поиграть, иначе не согреться.

Невдалеке треснула ветка. В листьях и траве зашуршало. Таня прислушалась. Шуршание не смолкало. Шумы в лесу, наверное, были и днем, но в темноте они звучали громче и настораживающе.

— А там? Змеи шебуршат?

— Может, и змеи. Д... нет. Пожалуй, ящерицы и жабы. Или здоровенные жуки с крепкими мандибулами, то бишь челюстями.

— Фу! — Гроттер плюнула на землю. По холоднокровным она не специалистка! Насекомыми преимущественно увлекались иные обитательницы корпуса "Д".

Ее плевок загорелся желтым светом. Плоский огонек разросся до диаметра хорошего яблока и пополз на нее.

— Гляди! Гляди! — прошептала она Валику.

Зрелище не для слабых. Яркий желтый кружок полз на Татьяну и вдруг погас. "Что за светлячок?" — озадачился Валик. Раздались звуки си-

рены на военной базе. Сирена прозвучала и, поперхнувшись, заглохла.

"Не связана ли эта иллюминация с военными?" — торкнулась мысль в голове Валика.

— Что за светлячок? — произнес он.

— Слишком здоровый! Не может быть, чтобы я свою душу выплеснула! Находиться здесь больше не хочу.

Гроттер с Валиком пошли вдоль ручья. У места, где он впадал в реку, умирал плохо потушенный костер. Они набрали сухих веток, мха, коры и раздули пламя.

— Себя и обнаружим.

— А наплевать.

— Ты уже наплевала.

— Не напоминай мне.

Часа через два в вышине слегка побелело. Скауты двинулись от реки в сторону шоссе. Там они увидели крытую автобусную остановку. На ее скамье они решили провести остаток ночи.

Убежище показалось чрезвычайно удобным. Вокруг стояла тишина. Похоже, ее излучало небо. Но по навесу изредка то тише, то громче ударяла ветка ели. От этого конструкция скрипела и тихо пела. Впечатление замершего времени и уюта. Точно в печной трубе гудел ветер, а рядом мурлыкал кот. Беглецы сидели, прижавшись друг к другу. Спать не хотелось. Наплывала вечность. Внезапно из-за поворота шоссе грянули многочисленные звонкие голоса. Было ясно: гам порождается юными бойцами лагеря. Подкатил страх. Валик и Татьяна быстро вскочили и спрятались за низкими ёлками в тылу остановки. Разлеглись на

кем-то притащенном сюда ворохе соломы и принялись с испуга действительно имитировать папу-маму. Они не догадались только снять одежду или расстегнуться. Однако виртуально получили ощущения как настоящие мужчина и женщина. Приблизившийся галдеж эти ощущения еще и усилил. Стало гораздо спокойнее, но Валик постиг, что теперь никогда не сумеет вызвать Кири-Кири. Галдеж пропал.

На дороге зачастили машины. Беглецы вернулись в лагерь. И корпус Валика, и корпус Татьяны были пустыми.

"Ну и отлично!" — подумал Валик и лег спать. — Кири-Кири не приснится.

8

Оказывается, в час ночи, когда станция "Би-би-си" на коротких волнах сменила русский на английский, Михаил сунулся к двери подвала.

— Эй! Поттер! — закричал он.

Никто не откликнулся. "Уснул поросенок", — буркнул Михаил, погремел ключами и отомкнул замок. В коридоре — никого. "Подзаховался паразит!" — Михаил зажег фонарь и прошагал весь коридор. Вожатый открывал боковые клетушки, осматривал углы, но никого не обнаружил, кроме двух небольших крыс. Пасюки пискнули и лениво прошмякали по косо-криво набросанным доскам в неизвестную щель. "Ёкс-мокс! Остались одни дохлецы! Шустрики нашли корма лучше!"

Михаил еще раз обозрел подземные отсеки. Нигде ни души. "Да обманул Поттер! Наверное, затаился у выхода, а едва я двинул в другой конец — выбежал..." — утешил себя Михаил и от-

правился прямо в корпус "Б". Кровать Валика оставалась пустой.

Часа в три утра объявились неожиданные начальник лагеря со старшим вожатым.

— Что-что? — изумился начальник, узнав об исчезновении Валика. — Разбирайся сам! Поднимай средние группы и палаточников! Айда на реку и в лес! Ищи где хочешь. Твоя работа. Я иду спать.

Старший вожатый вцепился в Михаила:

— У тебя с мозгами нормально?

— Неверно донесли! Ты... не такие устраивал эксперименты! Я словно не помню, как путан таскал за волосы и коленками на горох ставил!

— Победителей не судят! А проигравших — всегда! Ты доигрался и проиграл! У тебя не ныне начались закидоны. Я, в отличие от некоторых, не бил ребятню чайником по голове!

— И я не бил! Было демонстративное действие. Театр! Нужно пацанят учить!

— Всё на свете — театр. Умирая, поймешь: видел в жизни только игру. У тебя и сейчас театр! Буди народ и веди на поиски. А я подожду. И посмотрю, чем завершится твой сегодняшний спектакль.

Скауты слышали плач споткнувшегося о скребок Ибн Вола; за пискню карапет подцепил новенькую кличку: "Девочка". Никакими кунштюками

реабилитировать себя он не мог: Девочка и Девочка.

А когда у великовозрастного, то бишь четырнадцатилетнего, палаточника Хэвы украли двести рублей, тот наглым образом развел под глазами мокроту... За недостойное бойца прегрешение Хэву прозвали Второй Девочкой. Потом подобрали имечко похлеще: "Путан".

Но путанами стали именовать и волшебников. "Я-то причем!" — дивился Валик. "А не надо нас путать!" — отвечали ему. Белки, сойки и трясогузки, подобно столовским крысам, обрели пропитание где-то на стороне и стали избегать Гроттер и ее приманок. Голуби перестали ее слушаться. Поттер разучился вызывать духов, а фокусы одевичевшегося Ибн Вола, то есть Ларинпетра, то есть Порри Гаттера, надоели. Однажды его схватили, завязали ему глаза, переодели в девчачье платье и корчившегося протащили вокруг спортивной площадки.

Зато настоящим волшебником сделался Кука. Кука двигал, точно ножницами, большим и указательным пальцем — и выколотая на его руке якорь-матка шевелилась; Кука водил этими пальцами вдоль друг друга — и ее трепетания становились завлекательными, просто интригующими. Вскоре заметили: внутри куковского узора появилось темное пятнышко. В течение смены оно росло и превратилось в бородавку, а затем — в огромную родинку. Публика буйно выражала восторг.

Кука разумно умалчивал о кое-каких подробностях. В чём тайна? В лагере днём и ночью боролись с курильщиками. Возглавлял эти меры доктор, отставной военный. Он прогуливался время от времени по окрестностям, заглядывал в подозрительные и сомнительные уголки, прислушивался к разговорам. Доктор знал тут всякое, но интересовался лишь курягами, не спугивал замеченную случающуюся парочку. "Пусть учатся умножать население вымирающей России", — резюмировал он и не заострялся на петтингующих путанах или тривиальной девиации мальчиков-палаточников. Ему в поисках нарушителей помогали вожатые, но они придирались к любой вшивости. Куку ловили не единожды. В последний раз (его схватил Михаил) Кука сопротивлялся изо всех сил, ибо понимал, что ему грозит. Доктор начнет его ублажать елейной беседой, потом угостит фирменным сиропчиком, а через пять минут попросит закурить. Где-то на третьей затяжке во рту и в голове разверзается ад. Из-за процедуры варварского лечения целых семьдесят часов невозможно переносить табачный дым.

"Эсэсовский метод! Хорошо, током не бьют!" — тоскливо думал Кука. Получивши от вожатого ядреных "пунк флэйдэв", то есть пинков, и приведенный в кабинет доктора, он по оплошности выпил сироп, но закуривать наотрез отказался. Михаил раскурил сигарету сам и попытался всунуть ее в рот Куки. Кука только отбрыкивался. Разгневанный Михаил пообещал уничтожить горячей сигаретой наколку. Кука принял это за пустые слова. Но когда вожатый действительно стал прижигать выколотый на руке шедевр, Кука сдался. Пока страдалец вдыхал положенный та-

бачный дым, мудрый доктор успел обработать его кожу хлорэтилом. Пигментное пятно в центре татуировки — результат ожога.

Но опозорился и великий герой Кука. Путаны не выдержали и проболтались о своем секрете. В первую неделю смены Нина не стерла в компьютере некие рисунки... Трафарет знаменитой наколки происходил не из интернета, а со сканера — из книги по зоологии беспозвоночных.

Так на священном "якорном" месте Кука наколол внутренние половые органы черного таракана-самца.

10

К концу смены денег в кассе почти не осталось. А прощальный костер кто устроит? "Обойдемся картошкой, чаем и самодельными кексами", — рассудил начальник лагеря. Картошка и мука еще есть, молоко и яйца поставляли шефы с подсобного хозяйства при воинской части; правда, с чаем скверно. Оптовый склад не мог ничего продать, кроме "Пиквика" в фильтр-пакетах. Повар выехал в город для покупки исключительно дешевого чая. Но как быть со вкусом? Нужно смешать несколько сортов! Да зерен десять кофе туда.

Часа за три до мемориального костра вожатый Михаил, бывший трудный подросток, он же прежний краснопогонник, охранявший во время оно зэков, увидел на столе начальника штабель из пачек чая. Их принесли сюда для вящей надеж-

ности. Заварки едва хватало. Но Михаил решил воспользоваться моментом и приготовить на праздник чифирь. Давно им не баловался. И душа не стерпела. Михаил выбрал самую яркую пачку. Картинка на упаковке показалась изумительной: под развесистой разрайской чинарой сидела девица с мандолиной.

Уже смеркалось. Доктор двигался в сторону будущего костра. Впереди он заметил чуть пошатывающегося человека с медной тубой. Гм... Да это Михаил! Поравнявшись с ним, врач спросил:

— А зачем туба?

— Не туба, а труба! — с горделивой интонацией воскликнул вожатый.

— Зачем тебе труба?

— Я не кто иной, как архангел Михаил!

— Ты хочешь сказать "*архангел Гавриил*"? Обычно он любит дуть в трубу.

— Разница! Главное, я архангел! Я стану вещать!

С этим вожатый совлек с плеча тубу и протрубил в нее что-то очень знакомое и забористое.

— Весьма впечатляет, — отозвался доктор. — Но о чём ты хочешь вещать?

— О скорой и неотвратимой беде! Большой беде!

На дороге, в прогалине леса, почти светло, но доктор нацелил на лицо Михаила фонарик. Внешний вид вожатого удивил:

— Дай, померяю тебе пульс. Так. Ого! У тебя за сто двадцать. Тих-тих! Сие под язык. Пойдем-ка назад!

Михаил не сопротивлялся. Доктор отвел его в изолятор, благо там никого не было. Достал шприц и ампулы, впрыснул пациенту сильнодействующее успокаивающее. Минут семь — и вожатый задремал на кушетке.

— Отдыхай! — промолвил доктор. — Теперь без "интубаций"! — и направился к костру.

Там присутствие медика важнее. Чего не случается на последнем костре! И кипятком могут обвариться, и искра в глаз попадает, да и подраться могут! В одну из смен вздумали топать-шлепать по раскаленным углям без пропедевтики!

Михаил очнулся часа через полтора и принялся искать тубу. Туба не находилась. А надо подать знак! Обязательно подать знак! И обретший себя пророк уяснил, каким образом это сделать.

— Беда! Наступит большая беда! — повторял вожатый, обливая керосином стены корпусов.

Знак был подан! Пылали корпуса, пылал сортир, загорелись деревья, но веселившиеся у костра, разложенного на берегу реки, этого не видели. Спящей в своей каморе пьяной поварихе приснилось, будто на нее напал медведь и попробовал душить. Повариха закричала, проснулась от крика, заметила огонь и еле успела выпрыгнуть в еще затянутое марлей открытое окно.

КБ-8

Пещный побрел по заводу в таком состоянии, словно луноход его личное детище или луноходом являлся он сам. До московского застревания Дмитрия лет семь носило между Владивостоком и Калининградом. Что отпечаталось в памяти из того?

...древлемешающий Оку с Волгой и наглый, как Москва, да и наглее Москвы Нижний Новгород;

...безропотно сосущий розовый кемеровский лосьон прямо из Томи Томск (от растворенного креозота-резорцина-фенола испеченный в городе хлеб мог, не плесневея, храниться в нестерильном полиэтилене вечность, а местные клозеты пропахли маргарином);

...обрамленный с одной стороны лепотой стальных океанских чудовищ, с другой — разновеликими сопками сам надетый на сопки Владивосток (Ох, не забыть на маяке твой огонек!);

...вызывающий абрикосовой пылью саднение в горле и нагоняющий неутолимую жажду Краснодар;

...насквозь пропахшая гнилой рыбой и водорослями Находка;

...награжденный особым изумрудом — лучшим в мире вокзалом — Челябинск;

...тонущий не в саду, а в едком воскресном дыму Новокузнецк (выбросы устраивали по праздникам и выходным для успокоения санэпиднадзора);

...известная упорно живущей неофициальной прусской топонимикой Кёнигсбергско-Калининградская губерния;

...вовсю кудахчущий ельцинскими бройлерами, пронзенный в сердце куриным духом Екатеринбург (*Где еще встретишь не березку, не ракиту, а куриные пельмени?*);

...утонувший в зелени Донецк, рядом с ним картофельные поля, усеянные, колорадским жуком — согбенными горожанами, собирающими именно это прозрачное насекомое;

...прославленная невменяемыми для приезжего правилами уличного движения Чита.

Но толку? Даже пребывание Тургенева в Париже скрывало подтекст. Сверх всего Тургенев основал там библиотеку. Она существует и ныне. Пятьдесят тысяч томов — мелочь, но была роль. А смысл теперешнего положения-нахождения? Бездействующий луноход поблескивал внутри Дмитриевой черепной коробки... В туманном "луномобильном" состоянии Пещный и совершил давно ожидаемый неблагоприятный поступок, который разрушил анекдотичный союз с Надеждой. Что фортель исполнен, Дмитрий уразумел, когда покинул территорию знаменитого завода и потопал по улицам города-спутника. Пещный обвел вокруг пальца вахтера: он вчера прошел через Южную проходную, а сегодня вышел через Восточную. На всякий случай Пещный вытащил из кармана взятый на вахте кусочек пластика: на нем не его фотография и не его номер. Вахтер выдал не то. Возникла двойная ошибка. Со временем скандал дойдет до службы безопасности, но разбирательство затеют на Восточной проходной. На Южной проходной его не его карточка пролежит неопределенно долго, пока не потускнеет. Объявить об ошибке — означает подставить Надю, уголовное

дело неизбежно. А унеси он ноги — Надя, невзирая на эмоции, не наломает дров. Технарь-с, не кисейная барышня! Отправляться на край чужого гнезда несуразно. В итоге многомесячного торчания в Москве и Московской области Пещный оказался на Ленинградском вокзале.

Сейчас, в автобусе, Дмитрий вспомнил бы массу подобных историй, но остановился. Оттенком, призвуком, присвистом ни одна из них не походила на сегодняшнее происшествие!

"Це Кастанеда!" — осенило Пещного. Пассажиры, поймав некие токи, принялись озираться.

Эффект № 14

Студент Антон Воскресов начал потихоньку писать дипломную работу о высоковольтных воздушных конденсаторах. "Кто бы знал, почему понадобились они? В чем подоплека?" — думал Антон. Впереди два года. Спешить некуда. Но Воскресов решил всё добить авансом, а потом как следует повалить дурака или заняться очень приятными вещами. Что есть приятные вещи, Воскресов, в отличие от сверстников, не ведал, но подозревал: упоительные сферы реально существуют.

Всюду буйствовали чудеса. Для чего-то надо получать одну специальность, а использовать другую. Премудрости! Готовясь к странному обороту событий, Антон заранее окончил курсы по компьютерному железу, а сверх того, — программистов и сетевых менеджеров. В будущем

году требовалось некоторые из них повторить. Нормальные люди превосходно обходятся курсами без института и диплома. Не видно логики. Воскресов мог защитить диссертацию, но не по компьютерам, не по конденсаторам, а по малоизученным поэтам серебряного века. Но Антону такого права не дали. С какой стати?! Покоя захотел? Если во всяком сапожнике проснется морожник, то морози пойдут с клыками, а твороги с кварагами. Но грибы — каблуками, сапоги — индюками, а в грядущем не светило ничего, кроме компьютерного сервиса, то бишь щетки для чистки кулеров, отверток и армады приемов для отсеечения занудной придури в прогах. И от диплома не от делаться! Поэтому, из-за сдвига пластов жизни, Антону не предстояло испытать ни приятных вещей, ни тем паче тайных красот. Сад радостей земных скользит не то в метрополитен, не то в новую черную дыру, которую отыскивали американцы.

Для сбора данных Воскресов потащился на Южную ТЭЦ. Кроме блокнота студент прихватил с собой и "Гриф-2" — компактное устройство для измерения радиации. Несколько лет гуляли слухи: целый микрорайон в Купчине возведен не то на могильнике радиоактивных отходов, не то на чем-то похожем. Теперь представился случай это проверить.

Вот электростанция. Кое-как Антон расставил на планчике объекты ТЭЦ; он был не энергетик, а электронщик и частично инженер-электрик. Никто не обращал на непрошеного студента внимания. А он ожидал, что подойдет сапиенс в камуфляже. Люди в камуфляже располагались у

шлагбаума при выезде на бывшую свалку и у складов неизвестного назначения. Мимо складов мог проехать любой, лишь бы позволяли габариты кузова: над дорогой нависали трубопроводы, изображая изгибами букву "П". Пройти пешком затруднительно. Из подворотен выбегали грозные полоумные собаки, величиной с овцу, и загораживали путь.

Воскресов поблуждал вокруг внушительных градирен, рассмотрел подстанции. На доступных зрению территориях конденсаторов немного, за заборами их, скорее, нет, тем не менее неплохо посетить техотдел и уточнить. Можно подметить издалека марку конденсатора, но не его характеристики. Пришлось не раз звонить. Принять Воскресова отказались и посоветовали подойти дня через три. Сейчас цацкаться со студентами недосуг. Антон поскущел, но вспомнил о желании замерить радиоактивность. Тем более обвиняли в ее избытке именно ТЭЦ.

Мембрана защелкала, табло загорелось, и Воскресов чуть не упал: ПЯТЬ МИКРОКЮРИ! Это меньше, чем на середине эскалатора метро, и вероятно в тундре или в дремучей тайге, где не ступала нога человека.

Студент задумался: или, правда, здесь низкий радиоактивный фон, или... прибор у высоковольтных ЛЭП стабильно не работает. В корпусе не только ионизационная трубка. Ковыряться в его нутре не хотелось. Штука расчленимая, но, пожалуй, для ремонта пользователями не приспособленная. Можно сломать. Вылетит, скажем, мелкая пружинка и спрячется в траве.

Антон обошел овощебазу, миновал винный цех и побрел в сторону длинной и широкой зеленой полосы — Загребского бульвара. Поговаривали, там секреты и скрываются. Иначе почему огромное пространство не застраивают, не сажают деревья для парка? Действительно очень нелепый бульвар. Какой это бульвар, если на нем нет аллей? Пустырь обыкновеннейший. Воскресов двинулся по его бугристой поверхности, вновь вытащил из сумки приборчик: радиоактивность обычная для Купчина — раза в два выше, чем на Невском. Впрочем, малохарактерную для остального города радиацию Воскресов однажды засекал в цокольном этаже школы № 239, где кассы кинотеатра "Спартак". Хотя всё — почти нормально, а по санитарии совсем прилично. Но не без нюансов.

До пустыря, при переходе Бухарестской улицы, Воскресов попал в пылевую бурю. Ветер вздымал тучи пыли. Не сельскую пыль, но едкий порошок с примесью брошенных стройматериалов вроде песка и цемента. Левое ухо и левый глаз — полностью забиты. Воскресов схватился за голову и нащупал в волосах песок и игольчатые кристаллы. Проехал грузовик и поднял еще пыль, ее поднял едущий от кольца трамвай. Сильнее подул ветер — и стало черно. Такое творилось от улицы Дундича до окончания. Антон захихикал, когда увидел в зоне пылевых позёмок трамвайные остановки. На каждой — толпа. Трамвай тронулся, но люди в него не сели, дожидаясь другого. "Герои! — пришла мысль к Воскресову. — Трех шагов

невозможно пройти, а они стоят по двадцать минут!" Плетущийся по улице бомж или замызганный пенсионер прогундосил что-то неясное. "Фарфоровые челюсти потерял", — предположил Антон; и на миг зависший, подобно компьютеру, но очнувшийся мозг перевел бормотание шедшего: "Генерал-губернатора сюда! С пылесосом!"

"Вот как! — ошеломился Антон. — Оказывается, только бомжи достойно представляют гражданское общество! Никто иной в спикер-бароны не метит! Отчего парламент не зарегистрирован в ночлежке?"

Побродив по зеленой зоне и пощелкав приборчиком, Воскресов не придумал ничего лучше, чем махнуть к своему знакомому Григорию Грибову в дом-фляжку, близ Федоровского центра. На углу Дундича и Бухарестской мокрели следы ретировавшегося подметально-поливочного трактора: влажные полосы обрывались за пару кварталов от трамвайного кольца. "Логично! — решил Антон. — Трактору с мощной пылищей не справиться, да и мотор у него заглохнет, не рассчитан на рассыпанные стройматериалы".

На катальном кургане Антон обнаружил поверженных языческих идолов, а в стороне — избенку с несущей крест башенкой и дымящей трубой. Воскресову стало жалко идолов. Незвестный мастер вырезал их из толстых стволов дерева, обработал морилкой и воткнул в землю. Кому-то не понравилась достопримечательность.

Внезапно вторгающийся не всегда приятен хозяину, кем бы ему ни приходился. Чем занимался в тот момент Гришка, трудно уловить. Занятия он, похоже, похоронил в платяном шкафу и прикинулся добрым малым. Сему помогли темно-малиновый халат и явно пять секунд назад раскуренная трубка с чашей в форме черепа.

— А-а! Вон у тебя какие новости! — возгласил Грибов. — В зеленого собрался поиграть! Я тоже экойгой баловался. В восьмом классе в область ездил класть кости перед Киришским комбинатом.

— Успешно?

— Кромешно! Гринпи... — выругался Григорий. — Шумим, друг, шумим. За нас кто-то ушлый пошумел. К купчинской радиоактивности ни ТЭЦ, ни свалка не имеют отношения. Виноваты ДСК и ЖБК.

— Коим образом?

— Здесь много панельных домов. Фирмы сыпят в бетон, за отсутствием известняковой щебенки, гранит, мрамор и камешки похуже. Даже у гранита радиоактивность выше фона.

— Откуда тебе известно?

— Да уж известно. Знающие люди говорили. И я натурный опыт проводил.

Грибов подозвал Антона к аквариуму. На дне отдыхали тигровые сомики, вверху плавали лимонно-желтые астронотусы-гибриды с крепкими челюстями. Сквозь стеклянное сооружение просвечивало лихое стихотворение на косом клочке бумаги:

КОМАНДИРОВКИ

Берген-Бальзен, Треблинка,

Ау-

-швиц.

Равенсбрюк, Дахау.

Моа-

-бит.

Бухенвальд, Майданек.

Петер-

-бург.

Купчино, Обухово

— неразрывный круг!

Книзу от виршей — пригвожденный к кресту обалдевший 3D-смайлик. У этой рожицы высунут язык и почему-то пронзен пернатой стрелой. "Еще там пузырь с самогоном не хватает", — хотелось сказать Антону.

Григорий давно забыл о стенном художестве и указал на то, что находилось в аквариуме взамен грунта — массивные камни различных цветов:

— Отнимают объем у рыб. А что делать? Камни я взял на трамвайных путях, вымыл, прокипятил. Рыбки их терпят. Грунт из зоомагазинов не годится. Мелковат! Забивает сифон. Нужны средние камни. Их-то я и набирал на стройке, а потом на комбинате ЖБИ. Вымыл, прокипятил, поместил. Рыбы вздумалидохнуть. Одна за другой...

— В ином секрет!

— Иное — на дамбе. После тех камушков три дня лечись, если есть чем. А нечем — то полтора месяца. Не рекомендую дамбу для загораний и купаний.

— О дамбе не в курсе, а у вас на Бухарестской бог знает что творится. У-у! Пылица на остановках!

— Ты кто? — спросил Грибов с удивительно наглой интонаций.

— Как кто?

— Ты пешком сюда пришел или приехал на лимузине?

— Пешком, — наивно открыл рот Воскресов.

— Коли пешком — ты есть пролетарий. Пролетарии всех стран, носите, пожалуйста, кепки! Не выпендривайтесь!

— Понесло...

Грибов молча снял с полки толстый лист белой бумаги:

— А ну потряси над ним свой есенинский чубчик! Или дам медицинский гребень. Сейчас проверим тебя на вшивость.

Антон пару раз потряхнул.

— Обеими, обеими руками, дружок! — заметил Григорий, вытаскивая из футляра двойную лупу. — Энергичнее!

Далее махать чубом Воскресов гордо отказался:

— Изучай собственную башку лучше!

— Увидим и так.

Из тривиальной человеческой нецензурщины на листе резко выделялись страшные смоляные точки. От наиболее крупных отходили витые отростки с клешнями-штепселями. Грибов положил

на бумагу линейку и стал шевелить точки иголкой:

— Это что?

— Угольные фрагменты. Из них и должен состоять городской смог.

— Ой ли? Ты не боишься? "Смог" в тебя вонзится, когда подрастет, и начнет сосать кровь, а то под кожей жить-прохлаждаться или согреваться, там-сям покусывать жирок и плодить детишек.

— Но что это?

— Черный микроклещ. Космический пришелец. Очень спирохетистый товарищ. Четыре сотых миллиметра. Может дорасти до одной десятой. Итак, господа присяжные, модификация болезни Лайма Антону Воскресову обеспечена. Поедет он в Невский район и усех заразит. Наволочки и простыни споганит. Диваны, ковры, весь гардероб — зразу выкидати. Хе-хе! Марсиан шампунем не смыть. Сколько кирпичом голову ни дери. Хоть наголо обстригись!

— Про Лайма и его болезнь не слышал. Скорее, забыл о ней.

— Да не Лайм! Не то! Намек. А лихорадка — некая помесь вялотекущего возвратного тифа с энцефалитом. Хе-хе! О точках сих ведает только парочка маститых зоологов. Да еще один канадский ветеринар... Людской медицине, всяким КВД и Боткинским баракам, они не снились! Красота какая! Если и будут лечить, то неправильно и с опозданием! Хе-хе! Ох, не сам я трясусь, меня бесы трясут, молодые спирохеты подбрасывают! Хо-хо-хо!

— Не сочиняй! Покажи гиперссылку.

— На фиг она мне. Покупал, не выходя из дома, плоскогубцы-пинцеты, набрел в *Yahoo* на клещи, а уж с них — без затей на питерские вредности. Именно из-за микроклещей град Пет-

ров прослыл неважной столицей. Дюже увлекались властители охотой, цепляли на нос черную гвардию. Энцефалитники чертовы, винь. Русь погубили. Де сапрофитами, винь! Кус-кус ням-ням!

— Ловко ты плоскогубцами Русь ухватил! Давай-ка, запустим железо.

— Ух, крякер! Восстановить информацию хочешь? Шиш с масличком! На том главном диске зарэмлена куча бэдов. Сколько можно терпеть?! Ищи утиль на помойке.

— Спасибо. Обрадовал.

Воскресов покосился на Грибова. Тот не казался пьян, но тонус его был очумительно зашкален. Физиономия выглядела одутловатой. "Чем он до меня занимался, чем накачался? — напруг извилины Воскресов. — Заел "Бизоном" или "Антиполицаем", от звонка вздрогнув? Понять невозможно".

— Ты вытащи трамвайные камни и разбей их молотком, — решив отомстить, завелся Воскресов. — Хватит меньшего количества. Не заберут зря пространство.

— Вот и разбей, а я посмотрю, — лениво отбоярился Грибов. — Могу пожертвовать зубило, благо есть лишнее.

Зазвонил телефон.

— Привет! — произнес в трубку Грибов.

— ...

— Да так как-то. Здесь Воскресов сидит. Чешет репу: откуда в Купчине радиоактивность.

— ...

— Известно, в норме. Но выше, нежели в прочих местах, включая Славутич, Киев и Гомель. Воскресову покоя и нет...

— ...

— Возьми трубку, — обратился Грибов к Антону, — Тигран тебе втолкует что к чему.

— Алло! — взял трубку Воскресов. — Да. Да. Почему с бунтоватой улицы? Прописан не на Вакуленчука, а на Матюшенко. Другой район. Улицу Вакуленчука в книгу Гиннеса надо: на ней один единственный дом... А на Крестовском... Ясно, нормально. И без тебя знаю: не превышает... О, хитро ты повернул... Гм... Про Пулково не подумал. Наверное, все огулом складывается: и аэропорт, и свалка, и копалка, и гранит в бетоне... У сфинксов (напротив Академии художеств) также мерил — хорошо щелкает. Ладно. Мэррсы. Опрэвуарр.

— Постой, — заявил Антон Грибову, положив трубку, — мне тутোшняя экология до лампочки. Я в Кукчине-мукчине не обитаю, значит, лишний раз не облысею. Меня пока интересуют конденсаторы. Но и от них избавлюсь. Как потом освободиться от компьютеров? Будь они неладны! Надоели железки и программы.

— Займись-ка ты лучше...

— Нет. Этим ты сам займись.

— Этим я и без тебя занимаюсь.

Грибов полез в шкаф и выволок оттуда силиконовую женщину.

— Ну, ты и гриб! — вырвалось у Воскресова.

— Готовлюсь к Силиконовой долине. В отличие от некоторых в одну сторону гну.

— А я-то грешным делом заподозрил: у тебя в шкафу — теплицы с марихуаной. Впервые подобного миллиардера вижу. Хотя бы для экономии выбрал резиновую или секс-шоповский агрегат на струбцинах.

— Я поклонник максимальной натуральности,
— гордо ответил Грибов.

— Какая к бесу натуральность?!

— Ты попробуй! Совершенней натуры. А гигиена?! То ли канал пережимается, то ли рецепторы... В чем ноу-хау — бог весть, но сперма уходит тебе же в мочевой пузырь или в иную там полость — физического ослабления никакого! А психического и духовного — тем более! Вкуснее всякой вазэктомии. Бабы вообще не нужны. На фиг! На фиг! Даже мизерного SOS от отсутствия бабского духа нет. Потерхаешь такой силикон — сразу чувствуешь себя Наполеоном.

В это время шкаф заходил ходуном. Из него послышались странные звуки: не иначе скребло когтями о стенки крупное животное. После чего из шкафа раздался могучий зевок и дичайший звериный крик. Похоже, кричала гиена. Грибов звуки проигнорировал:

— Через год-полтора и Антон Воскресов почувет себя Наполеоном: на него нацепят звездочки и отправят служить на радарную станцию поближе к морским котикам или голубым песцам. Глядишь, он и с белыми медведями подружится.

Вариант очень вероятный. Воскресов его подзабывал, рассуждая о грядущих передрягах.

— А что в шкафу? Бабака Баскервилей?

— Понравилась? Предпочитаешь силиконовой женщине?

Воскресов постучал ногтями по торцу шкафа. Оттуда донесся полузадушенный вопль. Забулькало. Бульканье сменилось клокотанием.

— Га-ха! Ты поосторожней! Убьешь человека!

— В чем дело? У тебя камера пыток?

— Не знаешь?! Всего-то генератор случайных процессов.

Генератор угадал: говорят о нем, и скромно замолк.

Грибов — ладошку ко рту, зевнул и прокашлялся:

— Ты меня разбудил, — и, якобы извиняясь за эти слова, добавил:

— Твой покорный проснулся часа в четыре, бродил из угла в угол. К двенадцати только-только задремал, к искусственным и естественным женщинам не притрагивался...

— Успеешь додремать!

— Как бы не так! Бодрствование обеспечено до конца дня. Чем теперь заниматься?

— А займись ты ...

— Сам займись!

— А нечем заниматься, поехали в Поповку.

— В Красный Бор, хочешь сказать?

— Туда именно.

— А что мы там потеряли?

— Конденсаторы. Не пустили на Южную ТЭЦ. Осмотрю нужное, а ты полюбуешься природой. Погнали на электричку в Обухово.

Грибов захохотал. Упал на диван и принялся демонстративно перекачиваться с боку на бок да бить себя куда придется.

— Где ты видел: из Обухова среди дня — и вдруг электрички? На железной дороге тыщу лет — сплошные перерывы! И чем дальше — тем дольше. Сегодня нет информации. Вчера прерывались с девяти тридцати аж до семнадцати сорока

пяти. А божеское недоразумение: 96-й автобус для депутатских маршруток? Хе-хе, брат! Для дюжины тупиков сойдет и виртуальное расписание! Его лишь вороны и галки читают! Интервалы межобластные!

— Ситуэйшен! — воскликнул Антон. — Тихая и неслышная революция...

— Революция с генсека гороха. Потом она углубилась и заглубливается прямо с рогами. Трамваи на Лиговский проспект днем не ходят лет десять, поворачивают в парк. Путь длинный, всегда найдется причина перекрыть, а ремонтируют его не ночью, как было положено раньше. Экономят на прожекторах... Но айда к нашим баранам. Трох-тибисдох! Довезу тебя до Поповки. Там уяснится. Назад, может, сам вернешься. Едем?

— Едем!

Грибов засунул искусственную женщину в шкаф и захлопнул дверцу.

— У-а! Уа! У-а! — вырвалось из шкафа.

— Ты, оказывается, еще и отец силиконового ребенка...

— А ты думал!

— Так что орет?

— Оглох или память отшибло? Повторяю: генератор случайных процессов. Я не проверял эти четыреста мегабайт. Мало ли в них дряни записано. Для самого сюрприз — вылетающая тарабарщина. Пока не привык.

Вскоре белый москвичок со студентами выехал из города и помчался по шоссе. Благополучно миновав гибэдэдэшников, а после них — развилку, Грибов дернул к обочине, остановился и обрадовал:

— Дальше ни с места. Веди машину. Я не выспался и засыпаю.

— С кислых щей? Я разучился, как только научился.

— Давай меняться. Каждый российский офицер должен сноровисто водить транспорт. Тебе же вездеход по тундре гонять, куропаток распугивать.

— Даешь!

— Я тебе покажу, где Красный Бор, где что. Буду за тобой наблюдать — и дремать перестану. Дело для меня новое, передовое. Но руль — чистый автоматизм. Боюсь влопаться в болото, а на одной трансмиссии из него не выедешь.

Невзирая на перерыв в вождении, Воскресов довольно уверенно повел, но езда стоила ему большого напряжения. Физиономия студента перекосилась от мышечных спазмов. Смотреть на него Грибову было просто смешно.

— Вот и Красный Бор, — минут через двадцать заявил Грибов.

— Интересно, а где знаменитый полигон химических отходов, то бишь растворителей? Говорят, он давно переполнен, но я тут ни разу не видел подтечек...

— Ах, эколог чертов! В тундап тебя заносит! Машиной управляй! — Грибов прихватил руль и выровнял движение. — На фига тебе экология? Я знаю?! Не течет — и не течет! В Саперном есть целая Джомолунгма из твердого гумна. Удивительно: в книгу Гиннеса сей факт не попал! Зато отметка о высоте на карте имеется. — Грибов отдал руль Антону. — Но химией, хоть всё обойди, не пахнет. Тьфу! Чувствую, нас опять несет. Ты достукаешься! Не доживешь до собственной смерти! Что на тебя находит! — и Грибов начал

выкручивать руль. — Кого-то точно ждут песцы, но не на Таймыре, а на Колыме.

— ...

— Еще лучше туда послать на исправление Грин Пи-пи Длинного Чулка. Тра-та-та... ползучие вынудили дураков запретить противомалырийный дуст и теперь эликсир жизни—трансгены уничтожают.

Студенты оставили "москвич" метрах в пяти от подстанции. Григорий призаголился и нагло разлегся загорать на травке, на виду у случайных прохожих; Антон отказался от эскизов и сразу устремился к администрации, которая почему-то решила устроиться вплотную к распределителям и подставить мозги и требуху действию электромагнитного поля. Это выглядело забавно.

Григорий вынул из травы какую-то былинку и принялся ее жевать. "Ничего. Домашних тварей здесь вряд ли выгуливают. Небось не заражусь эхинококком или чем-то подобным".

Солнце стало припекать. "Дурацкое положение! Не подумали о пикнике! И воды нет! Влип ни с того ни с сего!" Однако постепенно у Грибова открылось второе дыхание. Он и дремал, и неведомым образом все вокруг видел зажмуренными глазами, слышал, обонял, осязал, но почти мгновенно забывал. Ни воды, ни еды ему уже не хотелось. Пели птицы, стрекотали насекомые, еле колебались ветки деревьев, со станции доносились редкие звуки цивилизации. Время замедлилось или наоборот убыстрило ход — не понять. Мелочи быта смыты огромным потоком. Словно

широкая река, Волга или Енисей, смела лишнее, сделала пеньки, рытвины и занозы тайного пространства души ненужными. Грибов никуда не хотел ехать, никуда не хотел идти. Ему теперь — всё всё равно и безразлично. Засасывала дневная прозрачно-эфирная и, естественно, не черная, а волшебнo-бесконечная, но и откровенно опасная неизвестная стихия.

И мелькнула рифма тонкой экзистенции: появился сияющий Воскресов. Рот у него был до ушей:

— Крупно повезло. Ни на Южную ТЭЦ, ни на иную не надо. Попался разговорчивый работающий пенсионер. Главное — суметь разобрать свой почерк. Инженер рассказал обо всем. Даже о городских и областных ТЭЦ. Об одном умолчал: куда идут кабели, о характере нагрузки. Да мне и не...

— Будто слепой. Идут провода и какая нагрузка?! Что за китайские фонарики качаются? Поплавки? Что за зрелище? Буи для воздушных купальщиков?

— Посмотрим?

— Отчего не посмотреть! — отошел от лениости Грибов.

У Воскресова — сегодня торжество: фактически завершена работа дня, недели, а то и месяца. А успешный финал требует немедленной награды. Желательно и пенсионера отблагодарить, найти коньяк, но не сейчас. Неудобно в тот же день. Самаритянин может и отказаться. Коньяки и такое прочее могут быть поздним причастием. После защиты. Феерические фонарики-поплавки, разметавшиеся в воздухе, сами по себе походили на праз-Д-ник.

Студенты махнули на другую сторону железной дороги. Ограждений — нигде. Действительно, кому нужны железные палки, мачты, растяжки? В отдельности они ни туда ни сюда. Но общее зрелище было грёзоическим, с налетом некогда исчезнувшей детской мистики. Или небо ныне слишком голубое?

Воскресова так и тащило дальше, дальше. Грибов влачился за ним шагах в восьми. Перепрыгнули через несколько канав. Они оказались сухие — неудачный прыжок не привел бы к неприятностям. Много поваленных столбов. Прямо в чащобе! К большинству прикреплены провода без изоляторов.

Где блуждают двое? Территорию с цветными "буями" они давно миновали, не найдя в ней интересного. Бывает: привлечет человека зеленый перелесок, а подойдет он к нему ближе, войдет, а там ничего, кроме неприглядного бурелома, крапивы и комаров. Воскресов и Грибов шли очень быстро, не отдавали себе отчета, куда их несло, паутину нацепляли, колючек на брюки и носки набирали. А всё трын-трава. Идут и идут. Солнце в рощицах уже не палит. Березки навстречу шествуют. Тут камни какие-то жуткие, мерцающие, непохожие на земные...

Из-за деревьев вышел человек в камуфляже и направил на Воскресова карабин:

— Стоять! Стрелять буду!

Возник второй камуфляжный. Этот тип ухмылялся в усы:

— Попалась рыбка!

Карабин у него болтался за спиной. Наводить его на кого-то усатый не собирался.

Отставший Грибов затаился, остального не видел. Услышал слова команды, обращенной к Воскресову:

— Р-руки за го-лову! Пальцы — в за-мок!

Торчать здесь Грибов счел неуместным. Да и ситуация рискованная: задержка грозила продлиться надолго, а у "москвича" на обочине не заблокирована левая задняя дверца.

Подошедший усатый караульный принялся обыскивать Антона. Первый караульный нацелил карабин в одуванчик у пяток Антона, но в любой момент мог повернуть его на недостающие сорок градусов.

Обыск закончился. В спину Антону уперся ствол:

— Вперед! Шаг-гам марш!

Воскресов двинулся сквозь кусты, руки были по-прежнему заведены за голову.

— Ку-уда прешь! Иди по дорож-жке.

Воскресов и караульные проходили то густые заросли, то полянки. Затем почапали по распластанному массиву из колючей проволоки, прошли какое-то подобие распахнутых раскуроченных ворот и остановились у огромного холма с квадратной дверью.

— Откры-вай! — прозвучала команда. — За-хо-ди!

Воскресов оказался в захламленном гайне. Горели бестеневые лампы. Из маленьких зарешеченных окошек под потолком падал тускло-молочный свет. У комнаты была и другая дверь.

— Садись на стул. Отвечай, кто ты есть?

— Что отвечать? Документы у вас.

— Не увиливай! Кто такой? Как в запретке очутился?

Минут через цать пристрастного допроса уса-
тый караульный отчебучил:

— Куда тебя сдать: в милицию, в ФСБ или
куда погаже?

— Вам виднее.

Усатый не удивился:

— В углу — кран. Вон — швабра, вот тряпка,
вот ведро. По-мещение уб-брать!

"А ситуация-то знакомая!" — подумал Воск-
ресов.

Лет двенадцати-тринадцати он с двумя подро-
стками ездил в Петро-Славянку. Недалеко от это-
го поселка они уже с год паслись на примыкаю-
щей к номерному предприятию полосе, где распо-
лагался огромный склад утиля под зияющим не-
бом. В тот раз зона ограждалась. В стране — раз-
руха, но древнюю свалку решили оградить и обу-
строить!

Гораздо позже Воскресов узнал: свалка у Сла-
вянки — настоящий Клондайк. Но если прежде на
ней трудились редкие старатели, вырывавшие ку-
сочки печатных плат, детали переключателей для
извлечения драгметаллов, то отныне золотоиска-
тели стали организованными. Путешествие на
Клондайк необходимо заранее согласовывать и
отстегивать большие бабки.

Тогда-то троица мальчишек и напоролась на
людей в камуфляже. После выяснения больных
вопросов "Кто послал?" и "От какой фирмы?"
ребятам кинули под ноги грабли, скребки и двор-
ничьи метлы. Прилежному в работе — Сережке
Климову поручили вымыть пару помещений в
примощенном к зданию флигеле.

Воскресов очнулся.

— Нн-не начну уборку! — заявил он.

— Ах, ты н-не начнешь! Сам и напросился! Мы готовились тебя отпустить! Хальт! Повезем тебя в Питер, там тобой займутся. Сейчас составим протокол, и ты его подпишешь.

— Составляйте, — неожиданно для себя проговорил Воскресов.

В укромном уголке мозга у него брезжила мысль: при дружелюбном прощании с караулом ему вернут только студенческий билет, а блокнотик с тарабарскими каракулями замылят; но при расследовании по всей форме, скажем в филиале ГРУ, ему наверняка отдадут и блокнот.

Возиться с протоколом никто не стал.

— Давай руки, — скомандовал усатый.

Воскресов не пошевелился.

— Еще и сопротивление оказываешь!! Тебе же хуже!

Караульный снял трубку и, не набирая номера, что-то произнес не то на блатном, не то на нечеловеческом языке. Во всяком случае, Воскресов ничего не усвоил. Нарисовался хмырь в черном кожаном жилете, швырнул на стол мудреную упряжь. На Воскресова бросились все трое, завели ему руки за спину, прибинтовали их друг к другу. Потом обмотали тело вонючими вожжами, надвинули на лоб мятый кривоватый чепец. Глаза теперь закрыты. Воскресов притворился почти бездыханным; ему захотелось обеспамятеть. Он не обращал внимания на происходящее, на всё уже ему наплевать: играйте, мол, если вздумается, мне-то какой резон... Антона потащили. Шварк-

нули на мягкое, опять повозились с упряжью. Вскоре Антон догадался: он в машине, его везут. Машина подергалась на ухабах, стремительно помчалась, остановилась, стала выворачивать, вновь остановилась. Воскресов почувствовал: его схватили и волокут, лодыжки дважды больно ударились о препятствие. Похоже, посадили в кресло. Еще одна машина? Мотор грубо застрекотал, затрещал. "Вертолет!" — смекнул Воскресов.

Прошло около часа, но, возможно, больше. Люди рядом разглагольствовали (иногда орали) то на русском языке, то на нелепом лающем наречии. Разговор на русском языке чаще шел о каком-то гражданском или военном чиновнике. Хороший тот работник или нет. То ли он делает по службе или не то. Порой даже русский язык перерастал в совершенную бестолковщину. Поэтому Воскресову казалось: он не летит, а ему снится, что он летит.

Вертолет сел. Воскресову освободили и голову, и руки, и глаза. Особенно осмотреться не дали, но без того ясно: он находится на венце высоченного дома. Впереди и по бокам простирался неопознаваемый индустриальный пейзаж. Поблескивали лужицы озер или болот, мелких прудов, зеленели чахлые рощицы, но всё затмевали, забивали многочисленные одиночные здания с трубами, ансамбли промышленных корпусов, эстакады, виадуки, башенные подъемные краны. Утыканные блестящими выступами и параболическими антеннами, некоторые сооружения напоминали надстройки на верхних палубах боевых кораблей.

Путь внутри дома показался долгим. В проходах, переходах, у лифтов идущих встречали вооруженные люди в кожаных жилетах, проверяли жетоны.

— Куда? — спросил очередной постовой в жилете.

— Идем к БББ. — Имя не было лающим, но Воскресов не смог его разобрать. То ли упоминаемого звали "Мянь-Мянь-Мянь", то ли "Нь-Нь-Нь". Воспринимались только мягкие концовки.

— Промóхо прóйдете! — отозвался кожаный жилет.

Делегация протиснулась в длинное узкое помещение. Место, где все оказались, походило на начало конвейера.

— С чем пожаловали?

— Да вот привезли вам материал.

— Действительно? — удивленно вскинул брови БББ. — Ну-ка, ну-ка, — БББ покосился на прибор в форме индивидуального дозиметра. — Какой же материал! Это объект! Готовый объект! И настраивать не надо! Идите на седьмой этаж... Немедленно!

Депутация, ведшая Воскресова, стала пятиться.

— Быстрее! Быстрее! — поторопил БББ.

Выходя, Антон увидел в углу огромный стеклянный цилиндр с вытянутым в нем по стойке смирно заспиртованным ухмыляющимся человеком. Лицо экспоната вроде бы знакомо, а ухмылка пронзительно выражала мысль: "Ага! Всех надул! Обманул директора кино!" Антон успел прочитать надпись на бронзовой табличке:

Ruslan Okolesov,
*Cicindela campestris*¹

Охрана на седьмом этаже состояла из одетых в хитоны секьюрити, похожих на самураев. Пришлось шагать мимо их жестких взглядов. Один из самураев примкнул к идущим.

— ТТТ вас примет сразу, — проговорил он. И провел в небольшую комнату, за приоткрытой второй дверью которой снова замаячил длинный коридор.

ТТТ, гуру неопределенного возраста и неясной расы, осмотрел вошедших. Затем отрезал движением зрачков Воскресова от остальных.

— Поди сюда, — указал он на пространство рядом с собой.

Пару минут ТТТ молча созерцал Антона.

— Что ты хочешь? — спросил ТТТ.

— Ничего, — откликнулся Воскресов.

— Как ничего? Что ты хочешь не теперь, а вообще?

— Ничего не хочу, — произнес Антон, понявший метафизичность вопроса, — хочу проснуться.

— Откуда ты знаешь ответ?

— Я уже просыпался, но частично и не на долгий срок. Но очнуться лучше тотально и навечно.

— Ладно. Но в земной жизни, что должно хотеть?

¹ Руслан Околесов, *полевой скакун* (лат., энтомолог.).

— Обычно важны три "Д": Дееспособность, Дело, Дорога. В этом суммирована наша командировка. Например, просто способностей или просто здоровья мало. Дееспособность их подытоживает, заостряет. То же с Дело и Дорогой. Дело без Дороги не пойдет, может оказаться чем-то факультативным...

— Очень ххорошо, — пробубнил под нос ТТТ. — Почти верно, но главное в земной жизни — связь. Мы приходим связываться и связь — мы сами. Скрепить одно с другим — вот задача!

ТТТ достал толстую стеклянную авторучку, нацелился на ее табло и задумался: "Так, так мы имеем сейчас... Кто стоит передо мной? Да-а! Он и есть!

"Бессмертный! — вещал про себя ТТТ. — Я вижу живого Бессмертного. Того, кого мы искали эпохи и эры! **МЫ НАШЛИ БЕССМЕРТНОГО!** Мы, а не кто-то! Реально ли сие?! **СЛУЧИЛОСЬ!!** Стряслось, наконец!! Почему не рушатся небеса? Небеса не лопаются, и я спокойно сижу! Бессмертный! Бессмертный! Повезло-то как! Гм.. Гм... Да, но что грозит нам? Что с нами произойдет? Мы будем не нужны. Сорок тысяч сотрудников во всей Евразии... Их функция успешно выполнена... Долой их! Долой! И нас в том числе. Зачем это мне трэба? Зачем это филиалу?" ТТТ изрек:

— У тебя **НЕТ ДОРОГИ**. Жаль. Пси-тракт перегружен искусственно сфабрикованными талантами, людьми-компьютерами с мозгами для ассоциаций. Направить тебя с твоими природными достоинствами и непостижимым грядущим не в моих силах. За пустые века мы разучились это

делать... До них, если не считать одного полубессмертного мавра, прокандыбали втуне полторы тысячи лет. Не мнимое падение античного мира и не Пресвятая инквизиция здесь виноваты.

И ТТТ обратился к сопровождающим:

— Объект ликвидировать. И без ореолов! Без побочных эффектов!

— Десять тысячи вольт против ореола хватит? — спросил самурай.

— Вы с ума съехали! — вскричал ТТТ. — Зря к нему нетипичная фамилия прилеплена?! Необходимы пятнадцать миллионов вольт, а то и ускоритель! Ведите на экспериментальную установку. ВВВ распорядится. Он в подобных тонкостях специалист. Нынешний пароль: "Великий Пан — тюнер!" Надеюсь, и Субботовых больше не возникнет!

После ухода посетителей ТТТ предписал: у-праз-Д-нить пост близ станции Поповка.

Продолжение эффекта № 4 (рецидив)

Во сне Татьяне Быстровой явилась цыганка. Цыганка несуразно водила пальцем по Татьянинной ладони, словно перемешивая там невосприимчивое, и твердила:

— Ох, богатая станешь! Ох, разбогатеешь!

Гадалка из сновидения не ошиблась. Ни с того ни с сего в середине октября выдали тринадцатую зарплату. В предвкушении шопинга Быстрова села в автобус. Только автобус тронулся, она почувствовала приятное покалывание выше и ниже зада, а также в промежности. Всё объялось властью незримых волн. "Как вкусно пахли в детстве карандаши, карандаши как мило в детстве пахли, — запела она себе. — Что еще было в детстве?"

— Разговариваете вслух, гражданочка, — заметила подле сидящая толстая тетка. — В детстве, скажу точно, были вкусные жареные пирожки с яблочным повидлом.

— Не помню похожего.

— Ах! Вот болтаю! Тогда тебя, гражданочка, в проекте не значилось! А еще продавались пирожки с требухой по четыре копейки за штуку.

Татьяна Быстрова уже не могла вообразить запах карандашей детства:

— Да идите вы сами в требуху!

— Это я требуха? Меня ты требухой называешь? Да я тебя, паршивка, щас тресну по башке. Сразу из нее дурацкие карандаши выскочат! Вкусно пяхли, да вкусно драхли! Трахнуть, наверное, тебя, дура, некому!

— Ты что, ведьма старая, несешь?!

Тетка размахнулась и ударила Быстрову по голове. Быстрова сбила с тетки платок и вцепилась в архаическую прическу. Стоящие молодые люди с открытыми бутылками пива беззастенчиво заржали, один из них демонстративно вытянул перед собой руку с бутылкой и полил волосы Быстровой:

— Лучше расти будут!

— Га-га-ха! — противно засмеялась тетка. — Так тебе, бзничка! Дождалась!

Быстрова поднялась с места, наступила тетке на ногу и, продравшись сквозь упрямые теткинны колени, вздумала расталкивать толпу, направляясь к выходу.

— Ну и нахалка! — слышалось рядом.

— Су-у-ка-а! — подпели-подсвистели левее.

Кто-то беззлобно поддал Быстровой в бок локтем, кто-то лягнул напоследок или ухитрился, отвесить пинка.

Выйдя на ненужной остановке и едва проводив взглядом отъехавший автобус, Татьяна машинально заглянула в пластиковый пакет. В нем не оказалось кошелек с тринадцатой зарплатой. Татьяна заплакала и, не разбирая дороги, пошла прочь. Она проплакала минут пять, а потом громко зарыдала. Волосы ее растрепались, пальто... порвано. Она напоминала выставленную вон пьяную проститутку. Из-под земли родились два милиционера. Блюститель закона, с тремя лычками на погонах, ударил Быстрову дубинкой по животу, другой — пихнул под лопатку:

— Куда прешь, стерва? Пойдем с нами. Отоспишься в КПЗ. — И милиционеры, обнажая кривые желтые зубы, гнусно засмеялись. Патрульный с лычками, для острастки шмякнув Бы-

строву тем же резиновым орудием по раздражающему око заду, авторитетно изрек:

— Правительственная комиссия едет из Москвы, а здесь всякая шваль по улице бродит!

Татьяну бросили за решетку. Она села на казенную скамью, не обращая внимания на окружение. Повторяется мир, повторяется. Чем? Будто на военных сборах, под нее подтекала чья-то лужа. Лежали и сидели интенсивно излучающие дух дерьма и лука бомжи.

"Так вкусно пахли в детстве карандаши! Карандаши так мило в детстве пахли!"

— Пусть убьют! — решила Татьяна Быстрова. Главное то, что я ощущала в шесть лет. Уже тогда я полно и счастливо прожила жизнь. Чуждого мне не надо.

Татьяна прикрыла веки и вызвала из памяти не запахи, но яркие и сочные цвета своих первых акварельных красок: оранжевый и лиловый. Не те, какие они у взрослых, а настоящие оттенки исчезнувшего времени.

Эффект № 15

В графе "Национальность" Петерман писал слово "хорват". Но ничего по-хорватски не знал и не без оснований числил себя турком.

После покупки нового саксофона он прекратил игру на музыкальных инструментах и переключился на игру биржевую. Ему крупно везло. На рынке Forex и на фондовом. Прежде баловством подобное представлял! Изменилось что-то в мире подлунном. Не сглазить бы пугливую форту-ну!

Чуть не каждую ночь Петерману (то есть на самом деле Питиримову, если кто забыл) снилась игра на саксофоне. Саксофон во сне сильно вытягивался. При желании Петерман мог им достать до облаков, до луны, до звезд. И всерьез доставал! А саксофон не тромбон, наполовину повернут на 180... Зато у него... "Вот ведь Фрейд-эйт!" — думал во сне Петерман. Фрейд Фрейдом, но чем выше во сне вытягивался саксофон, тем больший куш отваливался на бирже.

"А Соросом все равно не стать!" — обижался Петерман. Успех становился квазинеуспехом, настроение падало. И только виртуальная сновидческая игра на саксофоне давала какое-то удовлетворение.

Раз в неделю Петерман читал в гуманитарном лицее факультативную лекцию по истории джаза. Это были действительно лекции, а не уроки. Джаз есть джаз. Нужны демонстрации, и по требованию темы Петерман приносил музыкальные за-

писи, либо просил играть знакомых музыкантов. Его терзал панический страх. Ему казалось, извлеки он из инструмента хоть ноту самолично, моментально лопнет свежееобретенное биржевое благополучие.

С Пителимовым (то есть с Петерманом, если кто забыл) случилось еще чудо: он начисто потерял способность к употреблению крепких спиртных напитков. На стене его орехового кабинета, где раньше громоздился бар с бутылками арманьяка и хереса, блестела нефритовая рамка с факсимильным текстом:

АЛКОГОЛЬ.

Е. Янтареву.

Когда толпа надеждъ растерянно рыдаетъ
И дьяволъ прошлаго на раны сыплеть соль,
Когда спасенья нѣтъ... лишь онъ не отступаетъ,
Лишь онъ, цѣлитель мукъ, священный Алкоголь.

Въ немъ невозможное такъ сладостно возможно,
Единымъ маніемъ мечты воплощены,
Въ немъ дивно истинно, что было только
ложно,
И сны — какъ будто явь, и явь — какъ будто сны.

Хочетъ онъ въ глаза железному закону,
Въ снѣгахъ творить цвѣты и всѣхъ зоветъ:
сорви!
Бѣднягѣ-нищему дарить, смѣясь, корону
И нелюбимому — вѣнецъ его любви.

О Царь отверженных! О радость позабытых!
О претворяющий въ восторгъ земную боль!
Ты въ заревѣ вѣковъ — какъ сфинксъ
на черныхъ плитахъ,
Владыка гордыхъ сновъ, священный Алкоголь!

Старые друзья-собутельники Петермана сочли такое украшение кабинета насмешкой. Половина их куда-то исчезла. Некоторые решили: во всем виноват Янтарев. А нагрянувших гостей интересовал не Сергей Кречетов, но лежащая на антикварной пишущей машинке *Rheinmetall* книга поэта Ивановича: "Улечу в твою негую бленду".

Год назад, заставив издателя изменить название, Питиримов-Петерман перевел на счет типографии недостающую для золочения переплета сумму. Попутно разжился трофейным раритетом. Существует и каменный вариант германской пишущей машинки. Он находится на одном из южных кладбищ Петербурга, на могиле безвременно ушедшего от нас поэта.

КБ-9

Дмитрий Пешный двигался вниз, держась за поручень эскалатора станции метро "Петроградская". Туннель выглядел ободраным, невзирая на побелку. Ни с того ни с сего Дмитрий захотел не спускаться, а наоборот подниматься. "Что бы значило это желание? — задался он вопросом. — Вроде горький шоколад не ел, инжиром его не заедал, витаминов не трогал..." Но Дмитрий заметил брюнетку с необычным зраком, на соседней ползущей вверх лестнице. Брюнетка, точнее, очень темно-темно-русая особа лет двадцати семи обзревала трещину на потолке шахты и даже подняла руку с вытянутым большим пальцем, словно бы думала проверить: сколько дюймов в иероглифе, изображенном обязательными для города разрывами в штукатурке...

До нижней площадки оставалось немного — у Дмитрия мгновенно возникло решение. Сойдя с лестницы, он перелез ограждение, сделал разворот вокруг освобожденной стеклянной будки и начал догонять примечательную особу.

— Извините, мне показалось, вы художница...

Прибрюнетистая нисколько не поменяла алтарного взора — скорее, он был натуральным — и промычала неразборчивое.

"Вряд ли немая..." Чуть передразнивая ее, Пешный промычал нечто от себя, но с довольно выразительной и почти нескромной интонацией, и добавил в том же ключе, но с открытой заинте-

ресованностью (вот-вот твердь упадет, земля провалится или по другой причине жизнь на планете оборвется):

— И в институте Репина не учились? Или в художественном училище? — хрипловато спросил он.

И в ответ — нуль удивления:

— Я закончила Мухинское.

— Про него я и не вспомнил. Как оно теперь называется?

— Художественно-промышленная академия, но зовут по-прежнему "Муу-хой".

— Да! Трещины на потолке туннеля действительно ближе к промышленному дизайну, а преимущественно — к муу-хову. А я получил диплом на курсах пауков...

— Вы похожи на человека военного. Погоны! И всё встанет на места... — замялась на последнем слове незнакомка.

Аккуратно выведя жертву своих непонятных устремлений на Каменноостровский проспект, Пешный уже не выпускал ее локоть. Ему грезилось, он находится в двух мирах сразу; ум рвался и туда и сюда. Еще объявилось мифическое царство: в голове завертелись строчки:

Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!..

Надо бы убрать неподходящий мотив? И-их! Клин — клином!

— Петро-градская род-ная сторо-на, — полупшепотом пропел Пешный, лихо адресуя слово "родная" спутнице. — Вы, вижу, не спешите. Могу кое-чем похвастать. Мне код Петроградской известен. Знаю хитрости хождения по ней...

— Какой код?

— Ритм в делании поворотов направо и налево. Когда улавливаешь такой код, прогулка становится сверхзамечательной. Архи-нео-бык-новен-ной, — продолжал сидящий в Дмитриии черт, заодно посылая глазами острия произносимых слов "замечательной" и "необыкновенной" в направлении девушки. "Что не воспримет, то клетки ее кожи поймут..."

Линия их променада не походила на изящную синусоиду, то есть не походила на волну, но, ломаная, запутанная, она сотворяла нужные волны внутри. Даже нелепые кривоугольные траектории пальцев музыканта или ужасные закорючки на нотном стане порождают вполне гладкую и гармоничную мелодию, а некоторое пошлое безобразие — изредка невиданный экстаз. Пешный и девушка забредали в те или иные кафе, но нисколько не рассиживались, только поддерживали тонус. Дикий запущенный Петербург превратился не то в забытый романтический и реально не существовавший Ленинград, не то в выдуманную для оформления этикеток Пальмиру-на-Севере, не то в фантастический зрительно звонкий чертог из нетленных измерений. В подобные моменты асфальт теряет ущербины, небо — серость, а улицы — прозаичность. Город переоткрывается и приоткрывается, меняет лицо. А в особенности подожжеными косыми лучами кинопроектора-солнца. То же и сейчас: воздух слегка запах сосновым лесом и почудился нарисованным. И далее блуждание оставалось бы галлюцинацией, сновидением, сбывшейся легендой, но Пешный оказался верен самому себе. Час-полтора, а может, четыре без ма-

лого... — всякая длительность утратила смысл, определенность — где-то в окрестностях Артиллерийского музея всё померкло. Петрополь умер как оргазм.

Катя удивлялась: они шли по одну сторону воды и почему-то теперь идут по другую, будто они переплыли Стикс. Двое двигались по неоглядному пустырю в центре города. Да это была свалка! Лежали половинки кирпичей, пластиковые канистры, ржавые консервные банки, годами не убиравшийся хворост, мятая бумага. Именно так в мавританских или испанских средневековых сказках недавние дворцы и сокровища обертываются ослиным навозом и глиняными черепками. Фланирующую парочку, похоже, вбросило сюда страшным взрывом, про который она запомнила. Невзирая на дикость и сиротскую неухоженность, земля пестрела, смотрелась мозаикой, геометрической головоломкой, лабиринтом. Не утренний снег первого января с обугленными петардами, опростанными бутылками, мандариновой кожурой... Компьютерная игра?

Выстрелила пушка Нарышкина бастиона. Закаркали вороны и смолкли. Странное ощущение за затылком, весь универсум находился в большой ярко освещенной резиновой груше... А если её сжать? Земля и ободранный асфальт? Да они тоньше папиросной бумаги! Не исключено, под ними ничего нет! Через полминуты тишины раздался непривычный звук. Кудахтанье? Слева и справа выросли крошечные деревянные домики.

Многочисленное непрекращающееся "Кудд--куддах! Кудд-куддах!" — явилось отчетливой.

— Курятники! У Петропавловки — курятники! — подняла руку Катя.

Еще несколько минут — и оба застыли как вкопанные, увидев окружение из клеток со львами, тиграми, обезьянами-мандрилами. Не входя в двери и ворота, они очутились в зоопарке, безбилетники, непрошенные гости и одновременно кто-то вроде космических зашельцев. Они — и тати, и всепроникающие боги.

Пещный был в своем репертуаре, он вспомнил: позавчера в сто первый или сто пятый раз прошел в Ленэкспо без билета и попал на нужную выставку, хотя на территорию комплекса не торопился, о новых объявлениях не знал, но решил подышать воздухом Гавани.

— Мы просочились сквозь стену... И через вселенную... — прошептал Дмитрий изумленной Кате.

Кате показалось: старое отрезано и планету подменили.

Эффекты № 16 и № 17 ***(потенцированные, зауральские)***

Жил да был в областном городе Званске Юрий Михайлович Переплюев. Кабачки и картошку он ел сырыми, а свежие огурцы — жарил.

Почти рядом, в районном городе Зарвайске, имел честь проживать Михаил Юрьевич Светосватов. Этот герой звуками балалайки изображал фортепьяно, игрой на трубе — аэроплан, и больше всего боялся, что кто-то разгадает секреты его самодельных медиаторов и мундштуков.

Не возьмёмся описывать, как два приятеля встретились, как сдружились: то ли в поезде, железнодорожные чаи распивая, то ли где-то застряв на пересадочной станции и согреваясь теми же жидкостями из термоса, и не будем копаться в том, когда они начали чудить: до дня знакомства или позже него, — мы, ребя, байки баем, а не мемуары пишем.

Настоящий театр возник, едва Михаил Юрьевич в гостях у Юрия Михайловича после принятия вместо аперитива крепкой сливовой наливочки стал есть горячие огурцы. Да! Наверное, стыд, срам, вежливость и прочую моральную сбрую потерял. Попробовал он огурцов и говорит:

— Фу, гадость! Жареные, да еще несоленые, слизняки настоящие! Не то тыква, не то икра заморская, буржуазная!

Твердит всё такое подобное, а сам ест, ест, ест. Остановиться не может. Килограмма три съел. Чуть не прожёл язык и желудок.

А Юрий Михайлович глядит на обжору молча и ухмыляется, да покуливает турецкую трубку.

Перевёл дух Михаил Юрьевич, еле затормозил челюсти, молотящие по инерции воздух, и прорезонил с зубовым призвуком да горловым усилием:

— Жареные помидоры в смеси с чем-то — вещь приемлемая: блюдо народное, на идише приготовленное, но огурцы! Из какой оперы?

Произнес он и заозирался подобно сумасшедшему. Сам заметил: очень глупо озирается.

Смотрит Михаил Юрьевич: Юрия Михайловича нет, комнаты нет, и сидит он, Михаил Юрьевич, среди неизвестных плетней и огородов не то подлинных, не то сказочных. Точно на сцене театра кто нарисовал их — не хватает только зрительного зала, а вверху — не потолок, а небо. Огромное небо, великое небо. Этакой небодуры Михаил Юрьевич никогда не видел! И плетни превысокие! И деревья здоровущие! Но нарочитые, декоративные. И Зауралье ли сейчас? Не Херсонская ли губерния?

Думал Михаил Юрьевич, думал, уже и дремать вознамерился, да тут низринулась с исполинского неба гигантская птица с грозным клювом, отфордыбачила несколько смешных прыжков, подскочила к Михаилу Юрьевичу — и стук его по лбу раз, стук его по лбу два! Склонила птица голову в одну сторону, искоса вылупила на жертву ярый красный глаз и стала про себя что-то соображать.

И дошло здесь до Михаила Юрьевича: состоит он на 95,6 % из воды, как и положено огурцу, и

долбает его жирная черная ворона — самка. Пить паразитке захотелось.

Понял Михаил Юрьевич, карачун приходит. Вернее, грянул. В телесах грубейшие дырки... Миновала жизнь! Закончилась! Не молиться же теперь! До свиданья, мир, до свиданья! Прощай навеки! Вспомнил Светосватов-огурец свою кличку "Мишель", внятно представил портрет Лермонтова, висевший лет пятьдесят назад в русской детской поликлинике на берегу могучей и мелкой латышской реки. Вспомнил мавзолей шейха Муслехеддина в Ленинабаде и нахальных воров на рыночной площади в Зарвайске, дернулся на пружинистом стебле и почил в бозе.

И устремилась его душа ввысь, в высь. Наверное, в огурце тайно расправила прозрачные крылышки...

"Печальный демон, дух изгнания..." — похоже, пропела отлетающая душа.

— И надо же! — продолжила она более отчетливо, обращаясь к кому-то бесплотному, но подразумеваемому, то есть к Михаилу Юрьевичу, оказавшемуся вне тела и ее самой. Стал он, как и все умершие люди — нуль без палочки.

— Ладно бы от нрава царицы Тамар погиб, а то — тьфу ты, от жареных огурцов!

Возмутилась душа несправедливостью, отстегнула незримые крылья, скукожилась и умерла с горя. Распалась на части: нейтрино, полтора пузыря и один грохотрон. Зазвучал грохотрон не то подобно трубе, не то — аэроплану. И возникло что-то ясное-ясное, исполнилось всё смыслом, а

через миг — словно не было ничего. Родилась пустота. Но одну пустоту в другой и различить невозможно. Нет сущего на белом свете, кроме их множества.

* *

А Юрий Михайлович Переплюев выбил трубку, пригубил в сорок четвертый раз козырной сливовой наливочки, и уставился на чучело рыси. Стал пристально-пристально глядеть. Утомило такое действие. Закрыв глаза. Не выдержал и вторично на рысь посмотрел. Опять закрыл глаза, еще отдохнул. Затем бесповоротно посмотрел. И спросил строго у чучела:

— Где Михаил Юрьевич? Почему его не вижу?

А Михаил Юрьевич Лермонтов на портрете подмигнул, усмехнулся и произнес голосом Буратино:

— Ки-ки-ре-ки! /"Ку-ка-ре-ку" то есть по-немецки./

Знак свыше получен! Обрадовался Юрий Михайлович, язык высунул, выпучил пяла и принялся расстегивать ширинку. И тут в висках загудело.

— Ты что делать, гад, собрался! — закричал Лермонтов. — Хоть убей не дамся! Укушу-укушу, но и удавлю обязательно!

— Сам ты кто! — обиделся Юрий Михайлович. — Себя оцени. Ишь как барин вырядился! И художник приукрасил тебя! А в жизни ты плю-

гав, неряшлив и обликом неприятен был. Не возьму в толк, отчего в тебя Царица отчаянно влюбилась, а Царь приревновал и на Кавказ сослал!

Обозлился Лермонтов, вскинул и развел руки, плащ его обернулся демонскими крыльями. Бросился новоявленный Бэтмен на обидчика.

— Ах ты, мышь летучая! — начал сипеть, задыхаясь, Юрий Михайлович.

Увидел он на Лермонтове-Демоне-Бэтмене таинственную холодную полумаску. Черный бархат, унизанный бисером. Сверкнуло от бисера адским и дотумкал Переплюев: до пришествия спасенья не будет.

Принюхался он: "Не Лермонтов здесь! От настоящего поручика Лермонтова, говорят, исходило горелое, горнее и мистическое. Кто это? Печорин? Ведь Печорин — выдумка. Эврика! Голова, голова-то знакомая. Кто ж это?"

Да не Печорин, а Пещный! За что? За что, спрашивается? Позапрошлым февралем или раньше, после аварии на ТЭЦ, замерзал командированный в гостинице... Подарил ему по дружбе электропечку с вентилятором, а теперь он душит! Вот расплата!

Стой! Стой! Да какой Пещный! Окончательно я очумел! Токи времени сдвинулись! Светосватов, черт окаянный, мудрит! Аэроплан-фортепьяно грёба-ное!"

За десятую секунды пронеслись отрезвляющие доводы, и постиг Переплюев: кранты! Но в синем его мозгу еще на долю секунды вспыхнули слова: "Аэроплан! Аэроплан! Эх! Зря спирт для

сливовой наливки покупал в лётном училище!
Плохой он спирт! Чувствую правым подреберьем:
дряхлый ацетон отработанный!"

Воспоминание о монадах

* *

Монады не влияют друг на друга.

* *

В каждой монаде — все остальные монады, но
их трудно распознать.

* *

Даже воплощенные в чуждом мире, они со-
храняют способность к стремлениям и мнениям.

* *

Отражений не бывает, есть череда постоянных
совпадений.

* *

Смысл дления монад — в оправдании предус-
тановленной иллюзии.

* *

Увидеть монады очень просто: нужно быть одаренным трехлетним ребенком и иметь 160 %--ное зрение.

* *

Наши души суть гниющие отходы монад.

* *

Главная не предусмотренная свыше дисгармония — в том, что желание гнить правильно неосуществимо.

***Продолжение эффекта № 2,
феминного
(Отпустили на побывку)***

Юлия шла из бани. Легчайшее настроение. Бла-го-дать! На плечи совершенно не давит атмосферный столб, и сила земного тяготения стала вроде бы раза в три меньше. Возьми детский надувной шарик — и полетишь, полетишь, полетишь! Да и без шарика идетя, точно плыветя. Здания, деревья словно не из твердых материалов сделаны, а из воздушных или из всяких безе, кремов, зефиров-пирожных и дутой кукурузы. Но это? На пути к дому посреди дороги расселась наглая собака Пряжка, принадлежащая Петровым-Сидоровым-Портвейновым — дворникам-мусорщикам, дроворубам-бензопилам, плотникам-стропальщикам-каменщикам — пылесосам на все руки. Собака и раньше никому не давала прохода. "Сейчас обгавчит, — поморщилась Юлия. — Было тонкопарное эфирно-зефирное настроение! Исчезнет вдохновение, как пить дать исчезнет!" И здесь Юлия спохватилась: идет она не из психбольницы Скворцова-Степанова, а из сестрорецкой бани, и, значит, не пахнет сама собой! И пахнет, наверное, мылом, шампунем, лосьоном и медальоном, а не человеком. Но может быть, не пахнет ничем! Ну, собака-бабака! Берегись! Будет тебе на орехи! Юлия перешла на громкий парадный шаг. Изображая пасть, полную острых зубов, широко открыла рот и агрессивно ощерила верхние зубы. "У собаки сумеречное черно-белое зрение — поди, различит и в полутьме, и на расстоянии!" Юлия так начала печатать

шаг, что испуганная Пряжка кинулась бежать, забилась под крыльцо и жалобно заскулила. Упоенная победой, Юлия тем же строевым шагом подступила к крыльцу и прыгнула на него. Крыльцо рухнуло. Раздался плач обиженной Пряжки и серия всхлипов-писков. Внизу в щелях мелькнули то ли темные человечки, то ли неровные тени. Привиделись эрогенные шахматные поля, уставленные плоскими гномиками со скорченными мордами. Опять тихо пискнуло. "Не прятала ли она там щенков?" — предположила Юлия.

Однако Пряжка унюхала иное, царапнула землю когтями, клацнула зубами и лишние звуки пропали. В тот же миг Юлия почувствовала, что выздоравливает.

Она вспомнила совет психиатра: простым смертным проще изучать Коран по сутрам с плохими рифмами, но не по Крачковскому, и кэрролловскую "Алису" — не в переводах, а в пересказе Бориса Заходера... "Несомненно, — решила Юлия, — нам ближе «Волшебник Изумрудного города», чем «Чародей из страны Оз». Вдобавок есть мультики: «Хохлушка в стране чудес», «Хохлушка в Зазеркалье» — Киевнауцфильм!"

Похоже, клеился психиатр. А как не приклеился, строго заметил: "Кэрролл или Роб-Грийе не детективы Дашковой. Для чтения «Алисы» или «В прошлом году в Мариенбаде», нужно запастись необходимым, и взявшись за текст, читать до конца, не отрываться". Дескать, у вас всё в порядке с памятью и вниманием...

"Ныне нет непотребного", — поняла Юлия.

О чём он еще балабонил? Хе-хе! Чеширский кот, мол, умер. Его улыбка-медуза сменилась парящей ухмылкой доктора Фрейда. Сигары этого

мистика-атеиста не узреть, но ее аромат повсюду ощущается.

Былое и думы плюс слух об эффе́ктике № 18

Шестнадцать страниц транснарратива изъяты цензурою. Дмитрию Пещному привычно думать о всяком-разном запретном. И нескучно! Идейки с него так и соскальзывают, так и проскальзывают. Если бы они хорошо соскальзывали и куда надо, то здесь пребывал бы Гиперпруст. Но цензор тормозит посылы, кои никому, кроме Пещного, не пришли бы в голову. Иначе никто не будет на нашей глупой планете жить. Чем меньше идей, тем лучше. Но о запретных озарениях промолчим. Скажем, рассуждать о проходах и ходах в российско-финской границе — почти смежной с более важной *СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕЙ* — неудобно. А у Дмитрия ходы-червоточины нередко появляются на Старо-Невском и в Репино.

Известно, Пещный держит при себе запаянный пакет с разговорниками и валютой. На случай. Можно автобусом, сновидением или Маннергеймом ошибиться. Мамаем, устьем Непрядвы. В тот день, когда Пещный ошибается — остальные гораздо сильнее: таможенники, пограничники, потусторонние выдры... Финны и шведы выпивают, часто где-то застревают и отстают, мечутся в тяжких снах у дверей небесных. Потом, конечно, со скандалом возвращаются, но пока до того доходит, Пещный, оказавшийся при чужих документах, золотых ключиках и кармах, не слабее Фигаро. Да и без документов не тайна, как его временами заносит и уносит...

Но положим, неверно? И на самом деле он умер и просто бродит, позабыв что-то под кровом обманно-логарифмических белых ночей или в достоевско-крокодилово-бобоковой мгле?

* * *

В Ботаническом саду желтели листья. Петру Дюмову надоел ежедневный маршрут. Выйдя из главного здания БИНа, Петр резко развернулся и решил пройти вглубь. Был предлог: увильнуть от очередной воздыхательницы. Новенькой и свеженькой. Никто ее не успел предупредить. Чего ради вырвался из горла слащавый восточный комплиман? Дама без того — словно на иголках, да вдруг взвинтилась. О чем этак? Будь одна, глядишь, и пригрел бы. Но у нее — две пары двойнят, муж с профилем и осанкой Каменного гостя. Не спутник жизни, а памятник конкистадору. В мире киношном он выбрал фенотип? ...пороха не нюхал, отсиживал бэк у арки Генерального штаба. Рывок — и пожалуйста: теперь наращивает мягкое место в шахер-махер-шараш-монтажке близ Смольного.

Ударил яркий свет. Листья желтые, оранжевые, красные, воспаленно сияющие. Еще не потерявшие психею. Был ли Петр в этом году вне обычных дорожек? У осенних клумб он увидел второй вспышкой, давнишнего знакомого — Пешного. Не дух ли он? Рядом с ним шла Катя.

Дюмов кивнул Кате и, пожимая руку Пешному, спросил:

— Где последний раз встречались? В СКТБ "Биофизприбор"?

— Именно там, если не в ЦНИТИ "Морфиз..."

— В "Морфизприборе" меня не бывает, — перебил Дюмов. — Нет причин.

— Есть. Бионика нужна везде.

— Тоже *бионика*? — поинтересовался Дюмов, указывая на Катю.

— Бесспорно! — театрально-патетически подтвердил Дмитрий.

— Представил бы, — продолжил Петр голосом благородного дона. — Кто она тебе: сестра, жена, любовница...

— Юбовница, — ответила за Пещного Катя.

— Вот как! — в звуке "ю" Дюмов, разумеется, отчетливо поймал призыв "е".

— А мы заскочили в сад не через проходную! И в кассе билеты не покупали! — похвасталась Катя.

— Ну и пусть. Не продаются билеты в райские сама-садики-садилы. Туда иная тропа.

— Хоть раззадины. Неважно. Суть: Сады и Мазохи нам не требуются, — заметил Пещный.

Дюмов направился своей дорогой, но его настигла фраза Пещного:

— Ничего не слышал о Карене Акидорове?

— Ничего. Отовсюду ушел, а что задумал, куда нацелился — не передавал. Странно... Известно, где его искать.

— Известно, известно. Большой поворот в мозгах на Большом проспекте. Удалился крутолобый в монастырь. Не брали. Но победил взнос. Очень крупный. Прокуратура перекалилась, но

не выяснила источник обогащения. Отмазался и мечтает о судьбе столпника.

Пройдя шагов сорок, Дюмов понял: в "Морфизприборе" бывал. Черт возьми! А протекция на атомный ледокол? "Хе-хе-хе, — возник внутри ровный басок Фантомаса, и неожиданно добавилось: — Сват! Свят! Надо же, ловко память отключается! Как кто нарочно за нее дергает! Контора не гидасповская, но в минувшем году кое-чтостряслось. Лучше бы рвануло! Висели просушенные полев черно-лиловые дохлецы на раскаленных проводах. Доизобретались! Или это содеялось в другом ящике, или в сновидении-ужастике? Да отчего же прошлое столь смутное?" Завауалилось озеро, зашептался камыш.

Контроли из случайной выборки

Ефросинья ходила по пустой церкви и сливала масло из лампадок. До того на виду у всех она с Аглаей выдираала щипцами из подсвечников недогоревшие восковые свечи, толстые и тонкие, длинные и короткие, — на переплавку. Одетые в темное старушки с засушенными лицами хватали бесстыдных монахинь за рукава, но божьи невесты лениво отмахивались. А теперь? Зачем сливать масло? То оказывалось ведомо одной Ефросинье. "Пол-то, пол плохо подметен, — бормотала Ефросинья. — Стекла давно не чищены". Пол был чист, пыли на витражах нет, но бурчать нравилось: монахиня облегчала душу, поругивая работу меньших служек.

— Обмети паперть, — сказала она вошедшему в храм Василию.

— Ванька обметет. Он нас покидает через полтора часа, а здесь ему все равно делать нечего.

— Знаем его, знаем. И как он обметет, и якобы делать не будет.

— И мы знаем. Почему его никто не выгоняет?

— Я тебе милиция? Или заседатель? Юродивый Ванюша-то. Юро-ди-вый. Блаженные храм украшают. Если чего себе позволяет, то бог за ним смотрит.

И вспомнила Ефросинья: необычно Ванюшка повел себя перед масленицей. Адски ей стало приятно. Так приятно, что она лампадку проглядела.

— А пол-то, пол неладно подметен! — опять пробормотала Ефросинья.

* *

По статистике каждый злостный насильник совершает за свою жизнь 37 изнасилований. По-такало общество его наклонностям или нет, сажало его усредненные полтора раза в тюрьму или нет, прошу покорнейше, положенные при основании мира 37 преступлений среднестатистический насильник совершит.

Иван Полупайко еще не отсидел назначенные ему небом сроки и осуществил пока не 37, а только 27 нарушающих *у ка* эротических деяний. М-да! Небогато даже для воина-оккупанта! Впрочем, считают по-всякому. Жертвы, говорят, частенько заранее настроены. На счету Полупайко — четыре старухи в возрасте от 60 до 88 лет, девять подруг жены, пять жен друзей; три блудливые школьницы сами его... Кроме того, он поймел трех побродяжек и трех работниц с соседнего текстильного предприятия, возвращавшихся порознь с вечерней смены.

Иван вознамерился подежурить у чердачного этажа нестандартной хрущобы, повсматриваться там в пролет лестницы в ожидании подходящего объекта. Это его фартовый способ. Некоторых подруг жены он тем же манером выискал. Те, конечно, узнали паскудника, но, жалея его жену Машу, по их мнению, на редкость приятную и отзывчивую женщину — хотя и набожную — не подали заявлений в милицию. Да и кто на смазливых кляузничает? А похож на Шаляпина! Прямо копия! Единственно, не поет. Да и любой муж после такого "нападения" просто тьфу, а не что иное.

Подежурить Полупайке не удалось. На площади к нему подвалили плюгавые субъекты: один из них держал микрофон, второй — телекамеру.

— Я корреспондент московского телеканала "Аш два эс о четыре" Микита Ольстерович Голосидзе, — возвестил человек с микрофоном. — Представьтесь телезрителям и ответьте: "Как вам живется, можется на святой Руси? Вы чем-то недовольны?"

— Я Иван Полупайко. Служу сторожем. Всем. Всем доволен, — отвечал Полупайко. — Претензий нет. Мне хорошо живется-можется на святой Руси. Пусть болтают: де мозгами ты прибацанный.

Полупайко отошел в сторонку донельзя гордый и забыл о запланированном.

Телевидение остановило проходящего мимо капитана-артиллериста.

— А вы, ферцер-офицер! Как вам живется, можется?

— Как сказать. Зарплату офицерам (а не ферцерам, до чего докатились!) надо повышать, квартиры быстрее выделять. Переводят из части в другую, и везде ни кола ни двора. Будет зарплата, будет квартира, тогда и станет всё отлично. Нет ферцеров и много мисс!

— Г-мм... интересно! — бросил в микрофон корреспондент, не стесняясь. — До того интересно, что скучно. Господин Полупайко гораздо лучше ответил. Не правда ли?

— Истинный бог — правда! — откликнулся Полупайко и внезапно почувствовал себя плоховато. У него страшно зачесалось нутро. Ванюшка задрал рубашку и принялся, словно собака, быстро-быстро чесать грязными нестриженными ногтями огромный безобразный шов — след падения на

мопед с высоты... Хирурги в то время удивлялись: почему крепкий сук не пропорол тело насквозь?

— Кого еще спросим? Кто вы? — сунулся телекорреспондент к пожилому гражданину и тут же посетовал: "Начнет нудно лепить про абсурдные пенсии ниже прожиточного минимума..."

— Я доцент кафедры философии. До сих пор вынужден работать.

— Пенсии не хватает?

— Про нее молчу, хотя моим товарищам туго. Смены нет. Молодежь оканчивает факультет и уходит. Тянуть лямку преподавателя не хочет. Завкафедрой меня и упросил. А так дети обеспечивают.

— Ваши бывшие студенты совсем не стремятся быть профессорами и доцентами?

— Зачем им это? Кое-кто аспирантуру завершает. Но защитится — сразу прочь, PR кому-то делать или в том же духе.

— Для престижа нужна ученая степень?

— Степень ныне элементарно покупается. Имярек звание профессора получил после трехмесячных курсов, а затем и кандидатом в депутаты выдвинулся. Но не выбрали.

Вскоре помощник Голосидзе несколько коряво притормозил неторопливо идущего человека с острыми и правильными складками на брюках:

— Здравствуйтесь! Представьтесь, пожалуйста, телезрителям!

— Очень рад! Я Федор Максимович Петеньков.

— Нормально! Скажите нам, счастливы ли вы? Хорошо вам живется на Руси?

Петеньков ответил по-своему:

— У меня миллион зеленых. Из них пятьсот тысяч я готов потратить на развлечения.

— И как вы хотите развлекаться? — забыв о сути интервью, осведомился Голосидзе.

— Я родился в Баку. Туда я поеду и там истрачу кровные пятьсот тысяч, — произнес Петеньков и поспешно удалился, поняв, что сказал лишнее.

— Увы, Баку не Россия, — процедил помощник.

Вдруг корреспонденты увидели: по площади важно шествует непереодетый священник. Габаритистая толстомясая физиомордия. Широченная ряса нисколько не скрывает великомогого брюхеня. Любо-дорого поглядеть! Классика! Голосидзе толкнул напарника локтем и прошептал:

— От соблюдения постов, наверное, раскормился!

— Есть иное мнение, — доложил напарник, — Джуна Давиташвили мне говорила: пузатенькие экстрасенсы и попы легче берут на себя чужие грехи, и, взяв грехи, в отличие от худых, не болеют. Например, Фивейский у Леонида Андреева был худой, потому и загнулся. Пузатость у них лучше счесть не за профзаболевание, а за профзащиту. Пузо — что-то вроде молока за вредность. О монахах такого не сообщишь. Толстые монахи — бесстыдники.

Голосидзе похихикал, но почел неудобным возражать. И вспомнил очередные статистические выкладки. Особо сильно жиреют, оказывается, доноры и почитатели долгих постов. Телеса готовятся к будущему дефициту ресурсов... "При-ро-да гос-по-да о-о-бма-а-не-ет! — мысленно

пропел телекорреспондент. — А пост зачем тогда-а, за-а-че-ем?!"

Вскоре священник поравнялся с корреспондентами.

— Представьтесь, пожалуйста, и ответьте на вопрос: "Как вам живется-можетсЯ на святой Руси?"

— Я протоиерей церкви "Пасхальное Яйцо", — отрекомендовался священник приятным, звучным, но женсковатым голосом. — Мне хорошо можетсЯ на святой Руси. Вот только сломался "ауди", но к вечеру починят. Моцион мне полезен.

Священник потопал дальше.

— А вам как живется-можетсЯ на пресвятой Руси? — спросил корреспондент у прохожего, одетого в синюю тройку. — Кто вы? Представьтесь.

— Это прямой эфир?

— Не совсем.

— Покажите меня неузнаваемым, в мелькающих квадратах — и представляюсь.

— Клянусь. Вас не узнают.

— Я вор, — тишайше промолвил прохожий в синем, — Мне хорошо живется на святой Руси.

— Что ж, пожелать творческих успехов в вашей профессии не могу.

— А мне и не надо. Адью! — попрощался вор.

— На сегодня хватит, — обратился к напарнику Голосидзе, а про себя подумал: "Неплохо бы повериться, откалиброваться на полноту опроса!" И сразу пришло на память шуточное произведение, какое имел счастье держать в руках пару дней назад.

РУСЬ

*Одностраничная пьеса
из многочисленных закулисных деяний
и бесчисленных нормативных актов*

Замечание: в изложении деяния и акты опущены
вследствие художественной необязательности.

Действующие лица:

Бомж-оптимист

Клерикал-ленинец

Хиромант

Астролог

Стоматолог

Либерал-идеалист

Евробандит

Плутто-ДЕМО-Крит

Пустопляс-милашка

Компра-ДОР ОРС НОД-1

Убежжённая проститутка

Мандатарий Роддома

Человек в сером

Подозрительно честный бюрократ

Первый подохлец

Второй подохлец

Сто седьмой подохлец

Энный подохлец

The End

"Юморист еще тот сочинял. Знал куды бить, — начал соображать репортер. — Но правда в пьеске кривая и подпольно-осевая. Нам лососёвая аксиальность не нужна. Требуется срез поперечный. Потому собранных мнений почти достаточно. Но все равно трудно, ох трудно! Если бы здесь, на данной широте, нашу почву заменить австралийской (с побережья), а наши реки — чужими, то был бы театр интереснее. Австралия занимает шестое место по продолжительности жизни, мы — второе по самоубийствам и первое — по пропавшим без вести. Да-а! Что-то в русской почве и воде лишнее и вредное, а чего-то катастрофически не хватает. Вот для дам — два отдельных интервью. Одно в салоне красоты, естественно, при наличии красоты. Другое — в мотеле, по предъявлению водительских прав. Лупцевать Карасева за идиотскую фантазию! Но и вранья не хочется!"

— Давайте подведем итоги, — адресовался Голосидзе к виртуальным телезрителям. — Мы сей-

час опросили тринадцать человек. Не посчитали только мужчину, который едет в Баку. Извините, растерялись и не смогли выяснить, счастлив ли он. ("Похоже, он подставное лицо, подосланное для сдабривания статистики, — мелькнуло в голове. — Чую, спецконторы ныне сверхоперативно работают. Бог в курсе, какие управления и департаменты в них возникли".) Итак, оказалось, хорошо живется-можетсЯ первому господину — сторожу Полупайко; и последнему, квадратненькому — вору; и среднему, иже нам сообщил-пропел, что он протоиерей церкви "Пасхальное Яйцо".

Репортер сделал многозначительную паузу и добавил:

— Бесспорно, нет четвертого, воспетого когда-то знаменитым поэтом, а именно: Гриши Добросклонова. Смею вас заверить, Добросклонов — это я, журналист телеканала "Аш два эс о четыре", Микита Польстерович Голоси. Мне хорошо живется-можетсЯ на святой Руси.

Голоси достал блокнот. Устраивая для себя краткий отчет, против отметки об интервью Полупайко репортер накропал: "Олигофрен или дебил. Материал вырезать".

Микита Польстерович задумался: "Кто у нас еще? Священник? Вырезать! Не надо раздражать надзорные органы. А Добросклонов? Бравада! В эфир не пойдет! Сие исключительно для друзей".

Журналист провел жирную черту и ниже написал: "Пару отрицательных интервью отредактировать и перекинуть в положительные...", задал вопрос: "Ну, всё на сегодня? Ничего не забыл? Забыл, ух-ты, забыл! Вор-то, вор! Вот пикантно! Удача приходит врасплох... Оставить!"

Обязательно оставить, невзирая ни на что, пусть даже и квадратненького! Основное — испортить подлинник... Впрочем, господа фуражкины без того всех мафиози знают".

Однако закругленная концовка обломалась. Голоси почувствовал странную дрожь в икрах, на него повеяло бездной. Репортер поднял голову: на него надвигается новый клиент. Из воздуха взялся? Словно из стены выскочил... Пришлось достать давно выключенный микрофон, напарник расчехлил телекамеру.

— Добрый день! Извините, коли вас задерживаю. Я телекорреспондент Олосид. Представьтесь, пожалуйста, если не возражаете...

— Не возражаю. Я Дмитрий Пещный.

"Только-только о конторе, а она тут как тут!.. — удивился журналист, опять исказивший собственную фамилию. — Куда миллионеру Петенькову до этого хлыща из табакерки!"

Часть третья

"ШРОТ"

Производитель

1

В торце здания прохаживался тощий усатенький тип. Заметив Святослава, он перехватил в руке рацию или мобильный телефон. Из вещицы поплыли булькающие звуки...

"Где приходилось видеть усатую глисту? И не раз приходилось: в плаще и без плаща, в очках и без очков. С букетом и без букета. Иногда с тросточкой. А усы — те же".

Святослав Анов подошёл к лаборатории. Дверь полуоткрыта. "Гм-м... Запирал вроде бы. Нормально ли с мозгами?"

Во второй комнате — посторонние. Один, явно главный, восседал в кресле, повернутом спинкой к монитору. Двое слегка покручивались туда-сюда на высоких лабораторных стульях. Гости устроились подобно хозяевам. "К чему бы?" — озаботился Анов.

— Нэ суэться, дарагой! — произнес главарь.
— Мы по важному дэлу.

— Морфин в героин не перевожу, если вы за...

— Нам нэ нада гэроин. Что нам нада? — спросил заправила сидящего слева.

— Обработать эфедрин гидразином, — ответил тот.

— Вас обманули. Применяют более мягкий реагент.

— Мы агаворылыс, но ты-то знаэш, чем аб-
рабатывать. Мы заплатым.

— У меня не цех. У вас нужных денег не бу-
дет. А в итоге — дешевый продукт. Не иное. Ка-
кой дурак сейчас возится с эфедрином?

— Эта наша дэло.

— Где? Когда заниматься "ваша дело"? Здесь
идет непрерываемый процесс, и времени нет.
(Просто так не отвязаться. Кто-то навел, дал све-
дения, гарантии. Скорее, уже и задаток получил.)
Вам известно: не я начальник. Ошиблись этажом.

— Нам нэ нада началнык. Мы сечем фишка,
что ты можешь и что нэ можешь. Нэ нада нам
кудри матать.

— Достаточно, господа! До свидания!

— Ты обо всем падумаль? Патом нэ пажалэ-
эш?

— Зачем жалеть? Мне жалеть нечего.

— Пашлы, — скомандовал главарь подруч-
ным. — Он другой язык лубит. С ным на другом
языке пагаварят.

2

Четверо суток в помещении стоял страшный
запах падали. Анов и уборщица Алена обыскали
всё и решили: где-то подохла крыса. Унюхать
уголок, какой избрала крыса, не удалось, поскольку
в первые дни напасти Алена опрыскала подозри-
тельные места крепким дезодорантом, годным
лишь для туалета. И только к концу недели Свя-
тослав при вернувшемся из заграницы Семене снял
кожух со своего "железа". В системном блоке —
мертвая кошка...

— Достукался, хакер! — засмеялся Семен — То-то при запуске возникала розовая надпись:

System hardware abnormal, press any key to continue!

— Кто тебя вычислил? — продолжил Семен. — Я считал, напряжение в сети прыгает, датчик глючит!

Кошка была без головы и хвоста, весьма худой и немного мумифицированной еще до подвешивания в компьютере. На лапке болталась петля из суровой нитки.

— За петлю держали брезгливые, — заявил Семен.

Святослав нашел упавший на пол пистончик. Подобными скобками скрепляют пучки проводников, чтобы не расходились. Тем не менее он обратил внимание на краевой зубчик...

— Ясно, эта часть куда-то вдвигается. Куда? Нет таких разъемов.

Святослав стал осматривать компьютерную требуху и особенно не обнаружил. Семен тоже, пока не перевернул крышку системного блока. И тут Анов оторвал от ее внутренней поверхности диск, похожий на аккумуляторный элемент. Правда, он оказался крупнее. На нем различалось отверстие-замок для выступа скобки.

— Картина немудреная, — проронил Святослав. — Или забыли вставить или вставили, но не довели до отказа. Поспешили. И защелка не сработала. — Пойдем-ка на улицу, прогуляемся.

Оба экспериментатора побрели на свалку НИИ, вытащили из хлама относительно сухой мешок из крафт-бумаги и подожгли его. Штиль. Пламя медленно поползло. Осталось положить на середину мешка "аккумулятор". Когда Святослав с Семеном отошли метров на семьдесят, хорошо бабахнуло.

Взрыв непримечательный, но им подбросило в воздух древний лабораторный таганок. Железка взвилась до уровня пятого этажа. Ее взлет и падение заметил из кабинета директор института. Взрыв он слышал, но не постиг, отчего сие и где. Таганок принудил главу учреждения высунуться из окна. Внизу — рассеивающийся дым! Посмотрев направо, директор смог опознать физиономии двух оглянувшихся виновников происшедшего беспорядка.

На лестнице экспериментаторов ждала встреча с руководством.

— Ну, Святослав? Опять пиротехникой увлеклись?

— Поневоле. Дополнение к тому разговору, что у нас был пару недель назад. Злоумышленники затеяли в компе опочивальню длядохлой кошки и, дабы никто не будил, заминировали.

— Дела. Я собрался передавать зальцбургские деньги на службу безопасности. А далее для ее оплаты нужно тебя с Семеном до пенсии мариновать за бугром. И кого здесь сторожить? Кроме вас двоих, ни одна душа валюту не зашибает.

— Очень остро, — промычал Семен, — но больше не полезу в атомный реактор вместо робота. Маяковские прочие шведы пусть чистят там сами.

— Другой вопрос пикантнее. У нас Анов по реакторам не ползает, не надевает чешую из свинца. Он у нас ефрейтор Сбруев. У него сейчас жен семнадцать или двадцать семь? И если охранять каждую жену? Зачем ему означенное количество?

— Преувеличиваешь, Игорь, преувеличиваешь, — произнес, почти не улыбаясь, Анов.

— И сколько есть, ненормально.

— У Святослава столько любовниц, а не жен, — поправил Семен. — Зато фамилия напоминает библейскую. Почитай, до земляничных полей здорово тренировался в каком-то чертополохе...

Все трое загудели.

— Ну, три жены в разных городах. А детей от семнадцати любовниц? Четырнадцать? Им зелень переводить? — обратился директор к Анову.

— С вашего согласия. Хоть зеленые, хоть рубли. Давай продадим технологию модулятора.

— Нет уж, нет! Недостает скандала на всю вселенную. Может он не модулятор для кого-то и по-настоящему будет буравить мозги? Нам смоделируют еще не то коровье бешенство!

— Мы сидим, как собаки на сене, — вмешался Семен. — Такими производными интересовались японцы. Они спокойны, рациональны.

— Выискал спокойных людей! В храме или в офисе они без капризов. Поэтому и оттягиваются специфически. Кто поручится, что не запузырят ваш продукт в систему вентиляции токийского метро?

— В мандарины модулятор пока не впрыскивали, но, подозреваю, подболтали кое-куда, — ухмыльнулся Семен.

— Ату тебя! Чура-чурочки! — просипел едва не задохнувшийся от грандиозных эмоций директор.

— Не Чура, а Нифертётя из заоблачной академии. Без нифертитек. Полгода каждую ночь она снится Святославу. Но эврики — нуль.

— Увы, тематика там, гошпода-товалисы, иная, — добавил Анов.

— Зато вериги расчудесные. Лишь бы Эзоп с Крыловым не ожили!

Психоаналитик

Вести из приемной

— Сновидения! Ха-ха! Сновидения! Да ведомо ли вам, что деньги, зарабатываемые в них, прокручиваются через страховую фирму мадам Соколовой?!

— Х-х!

— Да-да! Вы поройтесь в ваших сновидениях. Выстройте их цепочку. Наверняка, придете ко сну, в котором подмахиваете странные розовые бланки. К восемнадцати годам их подписывают все!

— Х-х!

— Соколовой охвачены и старики. Ее фирму знавали при Ленине-Сталине. Да-да! Подобно легендарному Кооп. Только между нами: председатель Кооп брежневских времен побогаче нынешнего Абрамовича! Да вот о Кооп я не боюсь заявлять, о Соколовой — побаиваюсь. Хи-хи! Соколова была и при Николашке! И при Иоанне Грозном!

— Х-х!

— А вы с вашими снами?! Да вы каскадер! С каскадеров Соколова удерживает 70 % зарплаты и не возвращает. Ни в той, ни в сей, ни в тридцать четырнадцатой потусторонней жизни! И в тридешатой — тридешатой не получите!

Эн-Эн покопался в своем прошлом, стал до-вольно блекло вспоминать, напряг память. И правда! Он действительно лет двадцать назад заключал договор с Соколовой. Военная кафедра нарочно отпустила полкурса прямо после первой пары. Заставляла зайти туда, сюда, и в частности — в двести сорок первую "А" школу, заполнить в семнадцатом кабинете для блезира и общего развития стандартные бумаги, в том числе форму ноль ноль четыре ша. Память у Эн-Эн внезапно стала феноменальной. Тогда им, недотепам, выдали для чего-то без внятных объяснений карманные рубли. Обрадовались! Просто так дают! Потратили на кино, мороженое и всякую ерунду... Премия за массовое подчинение. Тот, у кого не было военной кафедры, того посылала кафедра физвоспитания. Тех, кто и от нее отделался, к мадам Соколовой загонял здравпункт. Охватили всех. Не счастье сколько сновидений снилось! И неизменно возникал мал-малюсенький сон, в котором надо идти в двести сорок первую "А" школу, в семнадцатый кабинет (против правил он находился не на первом, а на втором этаже) и забирать там какие-то гроши.

В недавнем сне разговаривал с кем-то в библиотеке. Да! С библиотекарем и разговаривал. От нее и услышал: "Вы что, и это Соколовой переводите? Ну и вернут по прошествии полугода, да и то мизерную долю".

Из святая святых

— Если вам нужен банальный психоанализ, отправляйтесь в другое место. Желательнее в столицу. Мой ассистент посоветует куда конкретно...

— ...

— Здесь — ни нового, ни старого психоанализа.

— ...

— Да, жрецы, среди них священники. Священников я тоже называю жрецами. Да, Фрейд! Но мы не обязаны подписываться под тем, что он утверждал.

— ...

— У Юнга вообще — проблемы со своей психикой. В попки бы ему, а точнее — в ламы. Сторонники Юнга в этом доме не прохлаждаются.

— ...

— Ах, его формальные методы! Против них возражений нет, но их не использую.

— ...

— Кисея? Да я беседую с вами через две кисеи "Антигипноз". Между ними даже прочная решетка есть. Потрогайте решетку, потрогайте. Вот! В отличие от некоторых, я не насилую клиентов.

— ...

— Сквозь кисею я вижу вас, как вы меня видите. Без оптических обманов. Мужчина или женщина со мной говорит с лёту можно определить лишь по голосу.

— ...

— А вы хотите меня изнасиловать? Потрогайте, потрогайте решетку для удовлетворения.

— ...

— Разрядились?

— ...

— Да именно! Кисея токопроводна, а решетка заземлена. Всё по-людски.

— ...

— Лицезреть клиентов не должно. Толкование поступков и сновидений при заочном контакте, например по телефону, это недвусмысленно подсказывает. Реакция клиента мешает, вносит искажения его внешность. А клиенту могут мешать облик и манеры аналитика. Под всех не подстроишься.

— ...

— Бывают случаи. Порой неплохо знать и внешность. Ассистент в приемной для чего? Он подкорректирует. Важное упущено не будет. Но уже в конце, по исчерпанию чистой интуиции. Клиента нетрудно попросить вернуться...

— ...

— Да обнажайтесь сколько надо, обнажайтесь и хоть дробите там. Никто вам ничего не скажет. Телекамеры? Может, у нас есть телекамеры. А может, и нет. Сами думайте.

— ...

— Маски выдает ассистент. Дешевые лежат на полке по левую руку.

— ...

— Я разрешаю клиентам проверить наличие камер. Нет-нет да и приходят они сюда со специалистом по безопасности. Это хорошо, если клиент убеждается, что всё хорошо.

— ...

— Стараюсь не запоминать произнесенное. Дневников не веду. Боюсь повторяться. Материалы дневников или протоколов неуловимо отпечатываются в голове, создают штампы. Психоаналитик окостеневает в профессиональной деятельности. По той же причине я давно не пишу научных трудов.

— ...

— Несомненно, обидно. Целые теории из-под носа уплывают. Но и теории сплошь и рядом вредят толкованию.

— ...

— Позавчера от нас выскочили закадычные подруги. Порознь, естественно, исповедовались. Эти подруги — первейшие враги. Им истину не объявили прямо, но они поняли. Не передать, как обрадовались, что раскумекали. Ассистент смеялся: у той и другой был хвост трубой.

— ...

— Врет ваш Щеглов. Не исключено, в письменной речи он бы не допустил ляпов. Ему нужно ораторствовать экспромтом. Бывает, что смысл вопроса доходит постепенно. Вообразите гресс-мейстера на сеансе одновременной игры.

— ...

— Заметьте, Щеглов не пользуется кисеей. Его смущают софиты. Он тоже человек.

—

— И ни разу не заставляли момент, когда телепсихологи краснеют, стыдятся и стесняются?

— ...

— У этих спецов крен в физиологию и анатомию. О психике они забывают. Психологи в том числе.

— ...

— Да! Колдовством не занимаюсь, но нечто из вашего душевного несварения беру на себя. Раньше по утрам делала пробежки для избавления от лишнего груза. Теперь есть иные пути.

— ...

— Соколова! Доныне, к сожалению, Соколова. А как изволите быть? Вы посоветуете?

Опять психоаналитик

С клиентом-2

— Кладбища? Вы не догадываетесь что такое кладбища? Возьмите для примера Смоленское или лучше провинциальное, закрытое.

— ...

— Не схватываете поднаготную? А вам не доводилось справлять потребности на некоем диком запущенном кладбище, напрочь заросшем деревьями?

— ...

— Ага! В детстве? Припомните, припомните ощущения!

— ...

— Ах, вы чересчур поздно совершили первый половой акт. И голые девочки вам редко снились?

— ...

— Почти не снились! А с мастурбацией как обстояло?

— ...

— Сколь часто?

— ...

— О! Кладбища для вас вдвойне привлекательны. Еще бы! Там до сих пор похоронены ваши нереализованные возможности!

— ...

— Вот какие мы скромники! И в голову не приходило затащить кого-то туда!

— ...

— А я вам заявлю, приходило, но помимо постижения. Потому в сновидениях вы путешествуете по кладбищам!

— ...

— И под кладбищами? Гм... Весьма интересно! Изменяем подход. Дайте мне пять минут на размышление и расслабьтесь; подумайте об эмоциях, которые обуревали вас при хождении под землей. Сравните их с обычными наземными.

— ...

— Рабдовирусы и Дракула? Не знаю связи между бешенством и порфирией. Только одна из гипотез.

— ...

— О недолеченном бешенстве, честное слово, не слышала. Клянусь, ничего не найду на эту тему. Да нет! Вы меня просто морочите...

— ...

— Говорите, известны случаи, когда вакцина опаснее контакта с бешеной собакой? Усматриваете отдаленные эффекты?

С клиентом-3

— Гиперборея! Чертовски интересно! Страна легенд, надежд, рай обетованный!

— ...

— Вам ни разу не хотелось отправиться куда-нибудь в пещерную эпоху?

— ...

— Жить среди папуасов не хотели?

— ...

— Как вы относитесь к историку-математику Фоменко?

— ...

— Да не про то! Вы скажите, вдохновляет вас Фоменко или нет? Ага, вдохновляет! Припомните себя полностью, туловище, руки-ноги, голову во время чтения Фоменко. Я помогу вам припомнить. Но сейчас важно не чье-то, а ваше восприятие. Итак, представьте, перед вами произведение Фоменко. Вы читаете Фоменко. Что при том переживаете?

— ...

— Замечательно! Вы откровенно рассказали... Душевный подъем? И ощущение, будто камень с плеч упал? А чувство усложнения? Присутствует и то и сё! Одно не убивает другое. Да это новая жизнь! Вы недовольны вашей нынешней жизнью. Получив новую историю человечества, вы как бы обновляете персональное бытие. Но хеттские предания в обработке Карпущенко вообще выньте из ума. Здесь не найдете аналитиков.

— ...

— Аборигены? С аборигенами гораздо легче. В изолированном племени даже сифилиса и, возможно, герпеса нет. Правда, в последнем усомниться проще простого. Птички везде летают и бомбят.

— ...

— Не забывайте о ваших действительных или мнимых двойниках. Вот они невыдуманные вампиры. Да и вы сам. Примите как шутку, но обмен между виртуальными субъектами у нас факт. Если вам хорошо, то вашему двойнику плохо, и наоборот. У них и то, чего не было...

— ...

— Да! Взрослому труднее. Образы не так яркие. И дома это реже. Картина: вы гуляете по улице, быстро выпиваете где-то чашку кофе, идете дальше. Улавливаете бодрость. Но не с неба она свалилась! За нее нужно что-то отдать. Когда рассудок не занят насущным, в воображении смутно должно появиться...

— ...

— То — контакт с виртуальным двойником.

— ...

— Да не на Луне он. Скорее, в вашей голове, но не обязательно в ней.

— Но мне находили и настоящих двойников. Рожденных женщиной. Одного на кафедре, по ту сторону проспекта; второго — в НИИ Арктики и Антарктики и в музее с таким же названием.

— ...

— Они погибли. Западенца бросили под электричку бандиты, местный испытал на себе четвертый инфаркт.

— У вас тут не всё сваривается. Срочно ищите актуального двойника!

— Он, похоже, есть. Только меня с ним пока не путают. И на Гиперборее он не помешан.

— ...

— С теми двумя — да! Но в отличие от них, я не косил от армии. Военные сами потеряли мою папку. Помимо того, я не интересовался мареной, а также щеглами и зябликами. Вещи сверх здравого смысла!

Вновь с клиентом-2

— И вы всерьез верите в вашу сказку о владыках мира?

— ...

— Хотя бы о владыках материков.

— ...

— Представим, вы не ошибаетесь в отношении Евразии и Африки. Но как допустить, чтобы владыкой Антарктиды был пингвин?

— А нет? Владыкой Африки мог бы стать и слон. У него мозг гораздо больше человеческого. Вполне втиснется биокомпьютер, координирующий биоценоз и общество.

— Да вы тотемист!

— Не возражаю! Отдельными этносами руководили страусы, змеи и леопарды, материком в целом — слон...

— Хы-хы-хы! Извините за смешок. Уж больно всё вне рамок.

— Пропорция. Многонаселенной Африкой способен иногда управлять слон; почему бы ледяной замерзшей Антарктидой не управлять королевскому пингвину?

— Хы-хы-хы! Извините. Психоаналитики тоже плачут и смеются. Но учтите, где-то смех надо подавлять, а где-то он психотерапевтичен. Кроме того, вы раньше говорили не "пингвiн", но "пiнгвин". Жирный... Да сбоку-припеку — утесы и буревестник. Вам не кажется, это из Максима Горького? Вы гагар забыли! Им гагарам... тра-та-та-рам...

— Коли взято не у Горького, но из некоего сновиденийного источника, откуда почерпнул и Горький? Если это метафоры? Вдруг здесь стоит невыразимое? И с какой стати на земной шарик упали религии? По сути они отъявленная ложь. За ними изредка — уловимая польза. Например недолгий союз людей, племен или народов.

— Или вражда. Мы далеко зайдём. Давайте глянем с иного конца.

С клиентом-4

Первую-вторую печать снимаем. Гм... Собрался подшутить? Позабавиться? Разведать ситуацию? Нет! Нет! С моей новой установкой могу не то что сапиенса — демона выпотрошить, бога усыпить, трикстера обнаружить, беспилотного мертвеца-гипербореяца разоблачить!

Третью-четвертую печать сковываем. Да-а... Наклеывается буйнейшее. Ничегочки! И он оттуда... Ага! Сейчас отроем! Откроем матрешку трансфинитную!

Так. Пятую-шестую печать сдираем! Ужас какой! Поди ж ты! Ну и таблетка сегодня досталась! За седьмой печатью наверняка карачун светит! Пещь огненная разгорается! А седьмую печать пусть он сам сбивает.

Правы те, кто не советовал полностью воплощаться...

С клиентом-3

— Да были у вас те керамические сосуды с рукописями. Целых четыре или больше.

— ...

— ...постепенно забирал и гасил память. Ваш Поппи почище Месмера. Но есть нюанс: похоже, ваш приятель о тайнах не ведал и вроде бы злого умысла не имел. Не иначе прокрались наводочки. Он изображал этого австрийца не по своей воле.

— ...

— Не хотелось бы раскрывать, да и темны бормотания-ревоспоминания. Там без счета и того, что вас не касается. Мне Соколова совсем не нужна.

— ...

— Вот-вот! "Бешеные на треножниках" рядом.

—

— Да не в Гиперборее и не в "Бешеных" сердцевина! Почти весь ваш искусственно вызванный спонтанный монолог касался какого-то расчудесного илеинового дерева и планок из него! Инопланетного дерева, встающего раз в год к земле вершиной и корнями к небу. Ха-ха! Де планки летают сами по себе! Уж не из кометного ли

илеинового древа мастачили ладью для Озириса? Хо-х! Может, и ступа для Яги из одного материала? Но, считают, у ведьмы не ступа, а просто гроб. Устроили иносказание для деток.

— ...

— Слишком сложно. Астроспоры и могоны. По вашему отчету, планки нужно заталкивать внутрь треножников, но немного выставлять. В этом хитрость, не в пифийных сланцах. Не хватало вдобавок прототипа Аполлона, летающего на шунгите. Проще — уголь ему и паровую машину. И не надо скромничать!

— ...

— Опять за старое? Поговорите на эту тему еще с кем-то! Посмотрим, чем она кончится!

— ...

— Лучше ничего не планировать в отношении человека, ушедшего в монахи. Жизнь в ваших репортажах прозрачно двойится. Дюмовых двое — и Каренов двое. Где-то события пересекаются, где-то — нет. При попытке выйти за должные пределы попадете в парасихейный капкан.

— ...

— О чём вы? Нам отрываться от земли? Не глупо ли судить Акидорова за то, что его тень коснулась тени Дюмова? Забудьте о чуждых нам долинах, монадах и мандолинах.

—

— И Карен всё забыл, и Евгения забыла. Их заставили это сделать, да и вас на какое-то время. Неужели непонятно? В дальнейшем рекомендую молчать. Нечаянно мы с вами вторглись на прадревную территорию. Нам там не место.

— ...

— Хорошо! Хорошо! Решеточку и обе кисеи "Антигипноз" мы сняли. Спать! Спать крепче!

Внимание! Во-первых, выбросьте из головы значимые знания об Арктиде-Гиперборее! Следующее! Где бы и когда ни оказались, вы сочтете вздором всякую позитивную информацию по данной теме. Третье. Если увидите свои или чьи-то неизвестные записи о северном континенте, то предпримите все усилия для их уничтожения.

Итак. Представьте ночь и луну. Вы спите, спите. Вам снятся лунные зайчики. Ночь. Ночь. Луна заплывает за облако. Медленно наступает рассвет. Мы чувствуем себя прекрасно. Мы просыпаемся.

Психоаналитик на отдыхе

— И вечно тебя несет в сторону помоек и оврагов! Не получал в ТЭДе-2 рузон² от бешенства? Что за фокусы?

— ...

— Нигде не написано, да сталкивалась, мо сказать, с феноменами. Правда, зачем эти сексуальные ямы и бугры? Завел! Есть гектары, куда ходили грибные поезда. Недалеко тот угол.

— ...

— И поведу. Без дурацкого компаса поведу. Пижонство! Часы на руке, и солнце светит.

Они шли очень долго, по дороге попалась только одна полянка с грибами. Другие были сухи, некоторые выжжены.

² ТЭД-2, рузон — именованья, не имеющие внятного перевода на язык человеческих отображений. Относятся к "полевым" (небиологическим, невещественным) формам жизни.

— Холмы, бугры, спуски. Странный рельеф для равнинной России. Почти Швейцария. А не подниматься?

Аналитик посмотрела на небо. На востоке из-за сине-серых туч явился штурмовик и принялся катать бомбами. Раздался характерный звук... Разрывов аналитик не дождалась. Рядом за деревьями зашумело... Бахнуло раз. Бахнуло два. Будто стальная балка, величиной с товарный поезд, по похожей балке.

Баханье превратилось в канонаду. Да это привычно для жителей городов, подобных Наро-Фоминску. Застучал крупнокалиберный пулемет. Из лозняка вылез танк и грохнул так, что барабанные перепонки словно бы заменились на ударенные молотком капсюли.

Гэгг чуть не покатылся на траву от смеха. Нормально говорить он не мог.

— ...Садт.. рибн... арезд... — вырвалось из его горла. — Сюда ходили грибные поезда! Ничего грибнее не существует в природе!

В подтверждение восклицаний, ломая лес, на поляну выскочили еще танки. Машины стреляли из орудий, давили кусты и варварски утюжили почву. Где-то за болотцем запалили дымовую шашку. Дым начал застилать пространство. Нет ли крови на барабанных перепонках? Зато авиабомбы учебные и не взрываются. Даже повезло.

Сквозь прогалины леса Гэгг увидел открытый полигон с эшелонированными механизированными мишенями. Они имитировали идущую в атаку пехоту, технику. В черте, противоположной мишеням (куда и шли путники-грибники), гавкнул миномет — засвистела мина; помолчав с полми-

нуты, он гавкнул вновь. Мины усвистели и детонировали бог знает где, далеко от мест с мишенями. "Наверное, разжаловали повара и посадили к трубе, или штабного писаря... Но нам все равно".

— Нужно идти к миномету! Он не перемещается. Танки не попрут по своей огневой точке. Она, скорее, на фланге. Идем на нее, а потом обойдем.

— Не пойду в дебри. Не хочу гавкалку! Вон дорожка. Бегом туда! Бегом!

— Каким бегом? Чего бегом? Иди за мной. — Гэгг пошел на звук — и оказался на той же дорожке. Она вилась через весь полигон и обходила миномет слева. А в обратном направлении?

Глянув, Гэгг оторопел. В трех шагах на холмике недвижимо стоял пахнувший маслом и краской танк Т-~~80~~. "Вытащили заспиртованный трюфель на полчаса для показухи, а потом спрячут лет на семь в коньячный раствор, то бишь в солидол и теплый ангар!" Танк, истинно мемориальная фигура, частично висел в воздухе. Вообще монументалисты так располагают не танки, а самолеты-истребители. На броне танка, традиционно нарушая устав, лежал животом вниз автоматчик-азиат в каске. Одной рукой держал калаш, другой подпирал подбородок. Взор автоматчика устремлялся наземь. Под холмом, под нависающими гусеницами ползала на четвереньках психоаналитик, рыдала, но упрямо собирала рассыпавшиеся из корзинки грибы.

"Был мопед. Теперь — танк, — загрустил Гэгг. — В реальности ли? Куда она спешит? Чего добивается? Тоже мне психоаналитик! Наполовину де выполнила секретную миссию! Поди, кого-то залечила до смерти и мстит самой себе. Что она наделала? А если она есть еще Кто-то? Для Кого-то? Или ее роль сыграна?"

Незримый кто-то

Кафе "Бродячая собака". Симов терпеть не мог подобных заведений, но Манипулятор пригласил его именно сюда. Столики соединены. Шум. Манипулятор конкретизирует теорию, сопровождая речь ехидными усмешечками. Не теория, а выжимка, вольная абстракция. Станет Манипулятор разбрасываться знаниями о потудосущественном.

Действие в кафе идет по старому сценарию. По кругу ходят бутылки и листки. Листок дошел и до Симова. Гм... Обыкновенный акцентный стих:

.....
Наверчивается.
Наверчивается.
Наверчивается.
Наверчивается солнце на сугробы...
.....

Симов отстранил текст. Ничего особенного, но, видимо, нужно высказать мнение:

— В предпоследней строчке есть изюминка...

В ответ по диагонали от Симова скрипнул стул, на Симова наплыла припухшая физиономия, напоминающая американского поэта Роберта Фроста:

— Ха! Мое стихотворение, по-твоему, булка?

— Думаю, хуже булки. Булку едят.

Роберт Фрост, как мог, внимательно осмотрел собравшихся. Реплики слышали, но никому не хотелось заостряться на них. Сие крепко не понравилось главным морщинам физиономии.

— Ты против кого?! — закричал Роберт Фрост и тяжело встал. Схватил за спинку стул. Раскручивая его на манер пращи, поднял над головой. — Ты против человека, который родился на Новой Земле?

— Не заострайся, — донесся голос сбоку, — это пьяный в вентиль киришский стихоплет.

— Автор неоп-пуб-бликов-ван-ных р-ричер-р-каров, — дурашливо-хмельно пояснил другой голос.

"А-а! — начал напрягать черепушку Симов, пока его не ударили стулом. — Только ричеркар — проза. Англичане называли по аналогии с музыкой. Где-то видел киришское. Чрезвычайно оригинальная форма. Местами до дрожи пробирает. Не всякому дано. Даже мелкие идейки проблескивают. Но тематически приземлено, небрежно и масса орфографических ошибок. Беда не в этом, неважных редакторов-корректоров и кондукторов — пруд пруди; но не подстричь под классиче-

ский горшок, не навести кантики, не засунуть в мальстрёмный мейнстрим".

Не самое благое из промелькнувшего Симов по рассеянности пробормотал вслух. От ярости у субъекта со стулом выступила на губах пена:

— Грреммит музы́ка боевая! — заорал он и стал замахиваться.

Киришца кто-то схватил сзади:

— Зачем, дилетант, нападаешь на гостей?

— Я дилетант? Знаю, знаю, какие вы профессионалы. Денег ни у кого нет! А я работаю с утра до вечера, будто Дарья Звонцова!

— Но разводным ключом.

— Если Звонцова выпекает блинчики с масличком, то ты — что от них буль-буль... — проговорила с интонацией отъявленного феминизма персона с прикидом унисекс.

— И? — не дошел юмор до "веселого". — Зато могу угостить всех кофе.

— Себя угости. Протрезвеешь.

— Ха-ха-ха! — издал Роберт Фрост. — Я не пьян. Элементарно Гамлета изображаю. Бить или не бить. Ту бит о нот ту бит.

Высокомерного самоуспокоения не получилось. Резкий, но слышимый одному Симову щелчок — и Фрост сел, обмяк, стал выглядеть тюфяком с мякиной. Это не действие алкоголя. Симов давно подозревал: питается Манипулятор чужими судьбами, вернее... Как искомая сущность правильно именуется? Чуял Манипулятор: явится трофеем в "Побродячей собаке"; исподтишка спровоцировал эмоциональный вулкан для перисфер про-боя.

Симов покопался в памяти: "Дыра! Исчезла ипостась малоуловимая! Несомненно, съел кто-то, похожий на Манипулятора. А прочие слегка полизали будущее Лиссабона и Мадрида, разрушили там часть косметики, а великие возможности полдюжины банановых республик схрумли".

Симов вернулся в мыслях к себе. Было в его прошлом огромное и блестящее, затмевающее всё, но что было? Где та мозговая извилина, в которой записаны нужные подробности? Отыял. Отыял кто-то незримый. Недвижный кто-то, черный кто-то миры глотает в тишине.

* *

Фамилия моя везде и повсюду — Симов. Но имя трижды модифицировалось. Без всяких процедур с паспортом. Что рисунок созвездий чуть мутирует, список римских пап постфактум перестраивается, грамматика того и этого языка за полгода в паре деталей на другое ребро встает — мог не заметить. По случайности обратил внимание.

Лог

Серая асфальтная тропинка ветвилась, пестрела камешками белого гранита и крапчатого кварца, словно дивной инкрустацией. Ее разветвления, далеко не уходя, объединялись впереди, затем разбегались вновь, а насильственно вмешанные, пожалуй, вдавленные в битум или выступившие из подложки обломки горных пород казались глазу одухотворенными мерцающими одноклеточными

организмами. Их лица сверкали не очень ясными лукавыми и веселыми, а иногда печальными чувствами, сияли понятными и абстрактными, будто музыка, идеями, отвлеченно указующими, тихо, но четко поющими: "Вот мы все! Вот мы живое!"

"Души! Трепетные души, впечатанные в дорогу! Не иначе микролинзы подсыпали в питье, и я так прозрела, — думала Лог. — Смуренькую ароматную бурду налила соседка из самовара. С духом бергамота, мелиссы, болотной мяты и чего-то еще. Волшебный поселок! Вокруг штокрозы! И бабочку «павлиний глаз» пару раз видела..."

Лог прошла несколько шагов: "Хорошо, не «мертвую голову»".

Наверху пустынное шоссе, ни машины, а в асфальте опять камешки; полное ощущение: плотно дороги изготовил художник. Камешки подмигивают, улыбаются, смеются, их общий узор зовет в уютную конечную беспредельность, свою, близкую, а не чужую, изобретенную для звёзд. Камешки отражают незримые волны, вибрации, зовут, призывают.

Рядом материализовался исполинский трактор или...

Ударило. Проскрежетало. Прошипело. Умчалось. Бох. Тоб. Грох. Гоб. Тоф.

Гэгг

Все было нереально. Гэгг выехал на место. "Какая фирма уговаривала ее купить за полцены инвентарь? Лог не соглашалась? Вроде года полтора назад она его меняла и на тех же условиях. Да нет! Бред несусветный! Не в том причина".

Ах, теперь смекаю, чем ее заманило в этот поселок! Сплошное цветение. В воздухе озон и хвойный аромат. Без сосен-елок, вяза, ясени и березы. Ухоженные клумбы, над ними — гигантские шмели. О! Большой махаон запорхал! Не желаю прекратить жизнь в Венеции. Стрелка и моего будильника почти упирается в черту. Протереть до дыр переводную картинку!

— Здесь. Она умерла здесь. Она служила психоаналитиком? Вы ее приятель, не правда ли? Не из-за вас ли она мучилась? Еще до происшествия на дороге. И после ей стало вдвойне тяжело. Она приползла сюда с автострады. Чертов шоферюга не остановился, просвистел вихрем. А остальные? Они шуровали мимо. Им наплевать. Ее, может, не видели или сочли за пьяную... Только закрытые переломы и внутреннее кровотечение. Яко казнена по тайному приговору Церкви. А вы угощайтесь, угощайтесь чаем. С добавкой трав. Некоторые я сама сажала. Возвращаюсь к делу. На дороге, где произошел наезд, рассыпана необычная серая пыль. Точнее, голубая кембрийская глина. Почему ее называют голубой? Хотя когда-то черно-белый телевизор с серым экраном звался голубым. Норовят приукрасить. Дальтонизм в мышлении. Но помнят страшный карьерный самосвал БелАЗ (в три раза выше любого грузовика) — машину, которая перевозила глину, но ГИБДД ничего не выяснила. Не выискала даже карьер с голубой глиной. В районе такого нет. Смеялась милиция: "Лучше о летающих тарелочках поговорьте! Приснилось-де железное чудище! Пять товарных вагонов в кузове БелАЗа свободно размещаются. Въехать и выехать самосвалу негде! Ог-

раничения по габаритам". Думать им лень! Вкатил и укатил. Обогнул! Двухэтажный автобус застрял бы со своей миниатюрностью. А если колеса в рост человека? Ручьи-болотца нипочем. Через гору рвануть, железную дорогу перескочить — раз газануть. Может, была полупустая машина и не везла положенные двести тридцать тонн...

Как меня зовут? Феней или чаще Фенечкой. Я насквозь вижу. От меня туманом не заволочься.

*Еще Гэгг
с эффектом
номер (x + zi)пу*

Итак... Var...

Георг Вильгельм Фридрих Гегель прогуливался в окрестностях Шпадедорф. Его обогнала бричка на рессорах, чуть пронеслась и, попав колесом в лужу, обрызгала с ног до головы шедшего ей навстречу высокого стройного бродягу. Лицо и осанка бродяги показались Гегелю знакомыми.

— Гёльдерлин! — воскликнул философ изумленно-трагическим фальцетом.

Бродяга приблизился, и Гегель с облегчением понял, что обознался. Нищий, получивший от фланирующего господина талер, криво усмехнулся и проговорил по-итальянски фразу длинную и неразборчивую. Философ уловил несообразные с ситуацией имена: Скарданелли и Буонарроти.

— Недаром. Не просто. Не ошибка! — удивился герр Гегель и, дерзнув выйти из мутного транссубъективного состояния, коим заразился от нищего, начал вещать:

— Нет, скажите! Какова игра Мирового духа! Но есть дело до того? Этот дух есть я. А парой веков далее? Вижу! Уже вижу. Грядет время диссоциации мысли. Чувства людские потекут по расходящимся руслам. Содеется смешение языков.

И Георг Вильгельм Фридрих Гегель задумался.

Шагов через семьдесят герр Гегель вернулся к обыденности и воскликнул:

— Господа! Не целовались ли вы с пьяным ёжиком? Я воистину видел Гёльдерлина, но больного и постаревшего! Он меня позабыл! Буонарроти! Скарданелли!

Гегель попытался успокоиться:

— Так. Так. Что у нас есть? Гёльдерлин сошел с ума и состарился. Логику убили. Феноменологию сожрали с костями. Осталась одна феня! Идите-ка вы, господа, к ядреной фене! Постструктуралисты треклятые.

Интермедия

— Фу! Опять Логи и Гэгги, Чуки-Геки, — прошептал Анов. — Этот не подойдет. Тот откажется. Сейчас! Столько будет и на конечной станции... Да. Обычное ветеринарное средство, но мозги не дырявит... И Бермудские треугольники словно продолжение рассуждения о... И ядерная фея туда приплелась!

Зазеркальные кошки Борхеса не мрут?

Одеяло сползло, ныла шея от неудобной подушки. Они все неудобные.

Сияла ночь. Луной был полон сад.

В околовышней канцелярии

— Что это? Что? — кричала мадам Соколова. — Мигом всех повыбрасываю.

— Как? Маркировка продукта... — отвечал женский голос.

— Без изменений?

— Иначе? Буквы — номера. Буквы — номера. Вверху групповое наименование, не перепутаешь с чем другим.

— Особый случай! Случай из ряда вон!

— Вот и хорошо, внешне мало рózнятся. Проверяющий и придраться не сможет.

— До кого-то доходит, не нас проверяют, а мы инспектируем! — выпалила Соколова.

Собеседница взглянула на хозяйку. Соколова была очень старой женщиной с чрезвычайно мо-

лодыми щеками и статной фигурой. Живая демонстрация арийскости. Но ее профиль непостижимым образом вызывал смутные ассоциации с египетским богом Гором. Соколова сообщала о себе: де родилась в заброшенном селении высоко над уровнем моря. Однако забывала упомянуть, когда и на какой планете появилась на свет.

Зная, что говорили о ней в ее отсутствие, Соколова регулярно разоблачала всякие байки. У некоторых складывалось впечатление: Соколова либо читает мысли, либо повсюду располагает подслушивающими устройствами.

— Привнесений нет. Сокращенные записи с реципиентов, — проинформировала новенькая.

— А нельзя без реци?

— Позволительно, но дешевле без антиквариата. Сложные разработки запрещены.

— Все равно сложная разработка! Так уж разрабатывали, так нарабатывали. Еле-еле сподобили, и будто бы само получилось. Замаскировали под фортуна.

— Вы нарочно затеяли... — протянула ассистентка.

— Нравится предыдущая преснятина? — насмешливо спросила начальница.

— Я-то думала, свежуха: эффект номер восемь, эффект номер четырнадцать. Откуда посыпалось?

— От нас и взялось, — уточнила "новенькая", — из филиала.

— Ах, вы из филиала! — опять изумилась ассистентка. — Мне сказали, вы третий день работаете.

— На пять лет дольше тебя трудится, — ухмыльнулась Соколова. — Догадалась снабдить психологов, психиатров, психоаналитиков, цели-

телей и прочих, без того традиционно выполняющих наши деликатные задания, аксессуарами интересного двойного назначения. Она с первого взгляда отличает людей от небожителей.

— Эх! Много спустилось их! Вот бы выяснить, сколько теперь осталось?..

— ...сколько осталось землянам? Вы ведь тоже принадлежите к ним. Или причисляетесь к ангелам? Может, не осталось ничего. И не только в качестве гусениц, но и бабочек. Возомнили: существует жизнь после смерти, душа обязательно есть! А если и есть, то не у всех!

— Исчезнет абсолютно всё, — категорически заявила сотрудница филиала, — кроме, конечно, грез и сновидений.

— Крепче материала не бывает, — подтвердила мадам Соколова.

Январь — июнь 2004 г.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. "Наклон"	13
Часть вторая. "Кишеньё прорвы"	35
Часть третья. "Шрот"	271

Некоторые работы автора:

1. Послание вундерменам. Проза. СПб., 2003, 2010.
2. В поисках беспредметного, или Вести из междумирья. Шесть книг стихотворений. СПб., 2002, 2008. С приложением статей о поэзии. СПб., 2016.
3. Буквы философии. Т. 1: СПб., 2001; Т. 2: СПб., 2003. Третье издание. СПб., 2017.
4. Этюды. Нефигуративная живопись. СПб., 2008.
5. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. СПб., 2009.
6. Плазма. Проза для высоколобых. СПб., 2012, 2021.
7. Летящая стрела (Хулиганские парадоксы-секреты здоровья, лечения, питания, или Кунштюки с дразнилками для ортодоксов). СПб., 2016.
8. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная критика, введения в философию. Торонто, 2017.
9. Нечетные страницы Петербурга. Альбом фотографий. Торонто, 2019.

Литературно-художественное издание

16+

Александр Акулов. Чай с мандолиной. Роман
для интеллектуалов. Вторая версия.